

Джон Элдридж

ПУТЬ МУЖЧИНЫ

карта идущего по пути возмужания

Перевод с английского

First published under the title:

The Way of the Wild Heart

John Eldredge

by THOMAS NELSON, Inc. Nashville, USA

All rights reserved. This Licensed Work published under license.

Эта книга написана о том, что значит быть мужчиной, и — главное — о том, как стать мужчиной. Автор предлагает читателю, идущему к этой цели, карту, на которой отмечены стадии его возмужания от детства до старости. Эта книга будет полезна не только представителям сильного пола, но и тем женщинам, которые хотят лучше понять мужчин, в том числе и своих сыновей.

Специально для http://vk.com/john_eldredge, 2012

ISBN 978-0-7852-0677-4 (англ.)

© John Eldredge, 2006

ISBN 978-5-94861-101-3 (рус.)

© Издательство «Шандал», 2009

Благодарности

Моя глубочайшая благодарность Сэмюэлу, помогавшему в подготовке материалов для этой книги; Брайану Хэмптону, чья сила в качестве редактора была мощной и благотворной; всем сотрудникам издательства «Thomas Nelson», работавшим над подготовкой текста; Кертису и моим союзникам в «Yates & Yates», защищавшим меня с флангов; и тем людям, чья жизнь дала мне понимание и надежду, выраженные в этой книге.

...Поставлю тебя в число детей...

Мер. 3:19

Введение

Одно из самых памятных впечатлений, важных для меня как мужчины, я получил однажды в начале лета на Аляске. Мы с семьей плыли на каяке по проливу Аиси-Стрейт, полному горбатых китов, и на ленч остановились на берегу острова Чичагова в архипелаге Александра. Наш проводник спросил, не хотим ли мы пройтись в глубь острова, на поляну, где часто кормятся гризли. Мы сразу ухватились за это предложение. Через двадцать минут ходьбы по еловому бору мы вышли на какую-то широкую прогалину ярдов четырехсот в поперечнике. Была середина дня, стояла жара, медведи не показывались. «У них сейчас послеобеденный сон. Придут сюда к вечеру, — сказал проводник. — Пойдемте, я хочу вам кое-что показать». Поляна фактически была болотом — ее покрывали низенькие заросли, не слишком надежно поддерживаемые снизу футовым слоем пропитанных водой торфа и мха. Труднопроходимая местность. Проводник подвел нас к тропе из цепочки гигантских следов, расположенных на расстоянии фута в два друг от друга и глубоко вдавленных в мох. «Это "отмеченная" тропа. Ее протоптали медведи. Ей, наверное, уже не один век. Сколько медведи живут на острове, столько и ходят по этой тропе. Медвежата идут за родителями, ступая точно след в след. Так они учатся преодолевать этот путь».

Я пошел по тропе, ступая в эти за столетия утопанные медведями ямки с твердым дном. Не знаю, как лучше описать свое впечатление от этой тропы, но на ум почему-то приходит слово «священная». Древняя тропа в необжитых местах. Я шел по этому пути, проложенному теми, кто гораздо сильнее меня и гораздо лучше приспособлен для жизни в этих местах. И хотя я знал, что я здесь чужой, я был этим захвачен и мог еще долго-долго идти по «священной» тропе. Она пробудила во мне какое-то глубокое томление.

Я написал книгу о том, что значит быть мужчиной, и — намного ближе к нашим потребностям — о том, как стать мужчиной. Нет более рискованного дела, чем движение к этой цели со всеми встречающимися на пути опасностями и препятствиями. Это Великое Испытание, выпадающее на долю каждого мужчины, и каждый мужчина, молодой или старый, оказывается странником на этом пути возмужания. Тех, кто ни разу не сбился с пути, мало. Наше рискованное путешествие становится все труднее, потому что мы живем во время, не отмеченное каким бы то ни было направлением. Во время, когда очень мало отцов, способных указать своим сыновьям путь.

Как мужчины, мы отчаянно нуждаемся в чем-то вроде той тропы на острове Чичагова. Не в добавлении правил, не в еще одном перечне принципов, не в новых рецептах. В надежной тропе, проложенной мужчинами за столетия до нас. Убежден, что мы можем ее найти.

То, что вы держите сейчас в руках, является картой. На ней отмечены стадии возмужания от детства до старости. Это не книга по психологии мужчин и не руководство по воспитанию мальчиков. Прежде всего, у меня нет соответствующей квалификации, чтобы писать такого рода книги. А потом, я нахожу их неудобочитаемыми. Тяжеловесными. Скучными. Что вы можете вспомнить из своего школьного или университетского учебника по психологии? Но карты я люблю. Их любит большинство мужчин. Вся прелесть карты в том, что она дает вам изображение местности, и все же вам самому предстоит принять решение, как с ее помощью двигаться. Карта — это справочник, а не рецепт. Она предоставляет вам свободу выбора.

Карта не говорит вам, с какой скоростью вам идти, однако если перед вами начинается «сминаться» плато, теснятся горизонталы, образуя «провалы» в визуально воспринимаемой панораме, вы понимаете, что приближаетесь к крутому склону и вам пора сбавить шаг. Карта не объясняет, почему на этом месте появилась гора или как давно здесь растет лес. Я остро осознаю неполноту этой книги. Всегда найдутся те, кто скажет: «Автор не раскрыл тему...» Недостающее напишите сами. Нравственное воспитание? Дисциплина? Но карта не в состоянии ответить на все вопросы, которые могут возникнуть у путешественника. Она предлагается только тем, кто хочет найти свой путь. Тем, кто встал на путь возмужания, карта подскажет очень много. Те же, кто захочет досконально ее изучить, несомненно, найдут причину остаться дома.

Эта книга также полевой отчет. Это рассказ о пути возмужания, в основном ведущийся странником, мужчиной, который ищет дальнейших возможностей исцеления, возрождения, большей зрелости, и отцом, который делает все, что в его силах, чтобы то же самое дать своим сыновьям. Таким образом, книга разворачивается в двух направлениях — в первую очередь она обращена к мужчинам, преодолевающим путь возмужания, но она также обращена к тем, кто растит сыновей и кто работает с «проблемными» взрослыми.

Эта книга развивает тему другой написанной мной для мужчин книги — «Необузданного сердца»¹. Как мне убедить вас в том, что вам следует прочесть «Необузданное сердце», прежде чем заняться чтением этой книги? Я и сам не из тех, кто неукоснительно следует указаниям. Но из этой книги вы извлечете *гораздо больше* пользы, если предварительно прочитаете ту, ведь это своего рода сиквел², продолжение пути, на котором перед вашим взором откроются гораздо более конкретные картины. Те из вас, кто знаком с «Необузданным сердцем», найдут здесь повторение многих тем этой книги, в чем есть свой смысл, ведь мужское сердце не меняется и многие вещи, как свидетельствует Писание, повторяются вновь и вновь. В общем и целом мы — прискорбно забывчивые существа. Более того, многие мужчины ошибочно полагают, что прояснение равносильно исцелению, а понимание — возрождению. Это не так. Если вы прочитали книгу о чужой стране, это не означает, что вы в ней побывали.

Несколько слов мамам. Эта книга будет весьма полезной тем из вас, кто растит сыновей, и тем, кто учится любить уже взрослых сыновей (и их отцов). После того как я написал эту книгу, в «Newsweek» появилась анонсированная на обложке статья о «юношеском кризисе», обращающая внимание на тот факт, что мальчики отстают от девочек в школе и переживают множество внутренних конфликтов. Автор утверждает: «Мальчик без отцовских наставлений — все равно что путешественник без карты». В сущности, это облегчение — узнать, что вы не можете быть для своего сына всем, и даже тем, в ком он больше всего нуждается. Мальчику необходим отец или человек, способный его заменить. Вы уже это знаете, и я просто выражаю надежду на то, что такого человека можно найти. Что касается вас, ваше дело — быть женщиной и матерью. Вы можете отыскать для своих сыновей возможность получить опыт жизни в сообществе мужчин, который я здесь описываю, будет ли это молодежная компания, бойскауты или мужчина, который придет и восполнит недостающее. Я часто задумывался над родословиями, встречающимися во многих местах Библии. Они представляют собой длинные перечни лиц в виде «такой-то родил такого-то». Много таких родословий вы найдете и в любой другой древней литературе. Возможно, они раскрывают то, чего мы раньше не замечали, — сосредоточенный на фигуре отца взгляд на мир, присущий как тем, кто их составлял, так и тем, кто должен был их читать. Вероятно, составители этих родословий видели в переходящем от отца к сыну важное наследие, так что знать отца какого-то человека означало в известной степени знать и самого этого человека. И тогда, если вы для широты взгляда чуть-чуть отступите назад, то увидите, что Бог в Библии предстает великим Отцом — не Матерью, не Творцом, а именно Отцом.

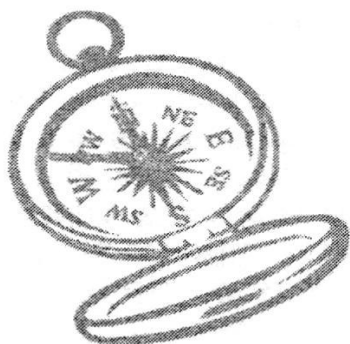
Это открывает нам новые горизонты.

¹ Джон Эддридж. *Необузданное сердце: Постигая тайны мужской души* / Пер. с англ. Ю. Вишневцевкой. СПб.: Шандал, 2004. — *Здесь и далее все примечания, кроме специально оговоренных случаев, принадлежат переводчику.*

² Книга, фильм или любое другое произведение искусства, по сюжету являющееся продолжением другого произведения.

Видите ли, мир, в котором мы живем, утратил что-то жизненно важное, что-то существенное для понимания самой жизни и места в ней мужчины, ибо время, в которое мы живем, является, как сказал Александр Митчерли, временем безотцовщины. Я вкладываю в это понятие два смысла. Во-первых, у большинства подростков и мужчин не было и нет настоящих отцов, способных провести их через джунгли по пути возмужания, и они являются — почти все мы являемся — «незавершенными», то есть не получившими отцовских наставлений, мужчинами. Или подростками. Или подростками в телах мужчин. Но у выражения «время безотцовщины» есть и более глубокий смысл. Изменился наш взгляд на мир. Мы как общество и даже как церковь больше не живем с сосредоточенным на фигуре отца взглядом на мир, при том что в центре этого мира — любящий и сильный Отец, Который глубоко погружен в нашу жизнь и к Которому всегда можно обратиться за необходимыми наставлениями, помощью и утешением.

Фактически это является основанием для надежды, потому что жизнь, которую вы знаете в качестве мужчины, — это не все, что есть. Есть и другой жизненный путь — путь, столетиями прокладываемый людьми, которые шли и идут перед нами. Древняя тропа. И Отец, готовый указать нам этот путь и помочь его преодолеть.

1 ПО ПУТИ ВОЗМУЖАНИЯ

...Остановитесь на путях ваших, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим.

Иер. 6:16

Я всего лишь пытался починить поливальную установку.

Достаточно простая сантехническая работа. Тот парень, который приходил прошлой осенью, чтобы слить воду и подготовить систему к зиме, сказал мне тогда, что в «главном клапане» трещина и мне, прежде чем следующим летом пускать воду, лучше его заменить. Последние несколько дней выдались очень жаркими — около тридцати пяти градусов, в мае необычайная жара для Колорадо, — и я понимал, что нужно наладить полив, иначе мой двор станет похожим на пустыню Гоби. Честно скажу: мне даже хотелось взяться за эту работу. Нет, правда. Я обычно люблю заниматься такими несложными внеплановыми делами, торжествуя победу над мелкими напастями и восстанавливая благополучие своих владений. Думаю, это стремление владычествовать, обладать, плодиться и так далее можно проследить до Адама.

Я отсоединил от трубы на стене дома большой медный клапан и направился в магазин сантехники, чтобы купить новый.

— Мне нужна другая такая же штука, — сказал я человеку за прилавком.

— Эта штука называется редуccionным клапаном, — сообщил он мне с оттенком снисходительности.

Ладно, я ведь этого не знал. Я всего лишь любитель. Тем не менее я готов взяться за дело. С клапаном в руках я вернулся домой, чтобы немедленно приступить к ремонту. Но передо мной тут же замаячила новая трудность: нужно было припаять медный патрубок клапана к медной трубе, по которой вода — с пониженным благодаря имеющемуся у меня клапану давлением — течет от дома до водораспыляющих насадок. Это выглядело достаточно простым делом. Я даже следовал инструкции, приложенной к приобретенной мной паяльной лампе. (Обычно читать инструкции я начинаю, только когда у меня уже получилось что-то вроде груды металлолома в автогонках

NASCAR³, но то была новая для меня сфера деятельности, клапан стоил дорого, и мне не хотелось напорочить.) Естественно, у меня ничего не получилось: я не сумел как следует разогнать припой по стыку, чтобы не было течи.

Я вдруг разозлился.

Между прочим, раньше я злился по поводу и без повода: подростком иногда так бешено, что пробивал кулаком дыры в стенах своей спальни, а ногой ломал двери. Но прошедшие годы оказали на меня свое смягчающее действие, я также испытал очищающее влияние Святого Духа, поэтому меня самого удивила моя нынешняя ярость. Она была... какой-то непропорциональной по поводу для нее. Я не в состоянии припаять одну трубу к другой. Ну и что? Раньше я никогда этого не делал. Мне просто надо дать себе передышку. Но в тот момент мой разум потерял власть над моими чувствами, и в гневе я ворвался в дом, не в силах найти хоть какой-то выход из положения.

Подобно столь многим мужчинам в нашем обществе, рядом с которыми нет отцов, чтобы спросить у них, как сделать то-то и то-то, вообще рядом нет других мужчин, я кинулся к Интернету, нашел один из тех сайтов, на которых разъясняют всякие штуки вроде ремонта домашней сантехники, и посмотрел короткую анимацию о пайке медных труб. Все это становилось несколько... странным, что ли. Я пытаюсь разыграть из себя мужчину и самостоятельно починить свою поливальную установку, но не могу это сделать, а рядом нет другого мужчины, который бы мне показал, как это делается, так что я смотрю бесподобный видеоролик для сантехнически озабоченных мужчин и чувствую себя десятилетним пацаном. Шарж на мужчину, который в действительности мальчишка. Вооружившись знаниями и шаткой уверенностью в собственных силах, я вернулся к трубе и совершил еще одну попытку. Снова фиаско.

После первого раунда я чувствовал себя кретином. Теперь же я почувствовал себя кретином, обреченным на идиотизм. И я вскипел. Будучи психотерапевтом и литератором — как по профессии, так и по самоощущению, — я почти всегда взираю на свою внутреннюю жизнь некоей отдаленной частью своего «я». «Ого! — сказала мне эта часть. — Что это тебя так довело?»

А я вам скажу, что меня так довело. На это были две причины. Во-первых, довело меня то, что рядом со мной не было никого, кто мог бы мне показать, как это делается. С какой это стати я вечно должен выкручиваться? Я уверен, будь здесь человек, который знает, что делает, ему хватило бы одного взгляда на эту конструкцию, чтобы сразу мне сказать, что я сделал неправильно и — самое главное — как нужно делать правильно. Вместе с ним мы мгновенно решили бы проблему, мои зеленые насаждения были бы спасены, и где-то глубоко внутри я почувствовал бы облегчение.

А еще я дошел до кипения из-за того, что не могу сделать дело сам. Я взбесился оттого, что мне все еще необходима чья-то помощь. Давным-давно я решил жить, не нуждаясь ни в чьей помощи, поклялся сам изобрести все велосипеды. Это такая обычная и такая ужасная клятва осиротевших мужчин, которые с детства чувствуют себя одинокими и решают, что, в сущности, если бы рядом и был какой-то мужчина, то мужчины народ особенно ненадежный, поэтому все делай сам. Я также злился на Бога, потому что с какой это стати все должно быть так трудно? Я понимаю — это слишком далеко идущий вывод из моей неудачной попытки починить поливалку, но то же самое относится и к десятку других ситуаций. Заплатить налоги. Поговорить с шестнадцатилетним сыном о свиданиях. Купить машину. Купить дом. Дать новый толчок карьере. Любое испытание, посланное для того, чтобы я разыграл из себя мужчину, и я немедленно мучительно чувствую неуверенность в себе: «Я не знаю, что из этого получится. Я один, мне никто не помогает. Опять надо как-то выходить из положения самому».

Да-да, я это прекрасно знаю — знаю, что не одинок в ощущении своего одиночества. Большинство моих знакомых в тот или иной момент своей жизни тоже его испытывали.

История этим не закончилась. Мне пришлось прерваться и вернуться к своим обычным делам, укрыв на крыльце паяльную лампу, клапан и инструменты от милосердного дождя — милосердного потому, что он целых двадцать четыре часа спасал мои зеленые насаждения. В четыре часа дня я должен был сделать важный телефонный звонок, поэтому поставил электронный будильник, чтобы не пропустить момент. Позвонить по важному делу я позвонил, но не обратил внимания на то, что

³ National Association for Stock Car Auto Racing (*англ.*) — Национальная ассоциация гонок на серийных автомашинах.

будильник не сработал. Сработал он позже, в четыре часа утра (когда я его ставил, то не заметил маленьких буковок *a.m.* 4 после цифр 4:00). Я лег спать, не решив своих задач, и вдруг — бац! — выдернут из глубокого сна, и снова со мной мои проблемы и моя беспомощность. Бум! — так же внезапно меня пронзила мысль: «Давай разберись».

А это, может быть, главная движущая сила всей моей взрослой жизни: ты один в этом мире, и тебе надо его понять, потому что у тебя нет права на ошибку, а посему давай разберись! Отстраненный наблюдатель внутри меня сказал: «Ого! Вот это сильно! Ты только что наткнулся на коренную жилу. Я хочу сказать — Боже! — ведь это определяло всю твою жизнь, а ты даже не попытался выразить это словами. А теперь оно прямо перед тобой, и ты уже знаешь что к чему, ведь правда?» Лежа в темноте нашей спальни рядом с крепко спящей Стейси, с искаленной поливальной установкой под окном, что за изголовьем кровати, я понял, о чем идет речь.

Речь идет о безотцовщине.

«Незавершенные» мужчины

Мальчику нужно многому научиться на пути возмужания, и мужчиной он становится только благодаря активному участию своего отца и братству взрослых мужчин. По-другому это произойти не может. Чтобы стать мужчиной — и знать, что ты *стал* мужчиной, — мальчику необходим наставник, отец, который объяснит ему, как чинить велосипед, как забрасывать удочку, как пригласить на свидание девушку, как получить работу и как решать все то множество задач, с которыми приходится сталкиваться на пути возмужания. Мы должны понять, что мужественность *передают*. Мальчик узнаёт, кто он такой и из какого теста сделан, от мужчины (или от нескольких мужчин). Это нельзя узнать никаким другим образом. Это нельзя узнать от других мальчиков, и это нельзя узнать в женском мире. «Традиционный метод воспитания сыновей, — отмечает Роберт Блай, — который применялся на протяжении тысяч и тысяч лет, который был очень важен и для отцов, и для сыновей, живущих в очень тесной — убийственно тесной — близости, заключался в обучении отцом сына своей профессии: это могло быть земледелие и животноводство или плотницкое, кузнечное или портняжное дело».

Когда я был маленьким, отец по субботам брал меня рано утром на рыбалку. Целыми часами мы просиживали с ним на озере или речке, пытаюсь поймать рыбу. Но дело было вовсе не в рыбе. Мне были нужны его присутствие, его внимание, его одобрение и похвалы. Мне нужно было, чтобы он меня научил, показал, как это делать. Вот так насаживаем наживку. Вот сюда забрасываем удочку. Если вам доведется попасть в компанию мужчин, вспоминающих своих отцов, вы услышите этот глубинный зов мужского сердца. «Мой отец брал меня с собой в поле». «Мой отец вел меня на улицу и учил играть в хоккей». «Строить дома я научился у своего отца». Какими бы ни были подробности, когда мужчина говорит о величайшем даре, полученном им от отца, — если он вообще получил от него хоть что-нибудь стоящее упоминания, — это всегда рассказ о передаче мужественности.

Это существенно, ибо жизнь будет вас испытывать, братья мои. Подобно кораблю в море, вы будете испытаны, и бури выявят, какие у вас как мужчин есть слабые места. Они уже это выявили. Чем иным вы объясните свою злость, свой страх, свою нестойкость перед искушениями? Почему вы не можете жениться на этой девушке? А женившись, почему не можете понять ее чувств? Почему вы не нашли своего призвания? Почему финансовые неприятности приводят вас в ярость или вгоняют в депрессию? Вы знаете, о чем я говорю. Таким образом, фундаментальная особенность нашего подхода к жизни состоит в следующем: мы придерживаемся того, с чем в силах совладать, и сторонимся всего остального. Мы участвуем в том, в чем, по нашему мнению, можем или должны участвовать (как в случае нашей работы), но уклоняемся в тех случаях, когда уверены в неудаче, уклоняемся, скажем, от опасных вод отношений с женой и детьми или от духовной жизни.

Понимаете, мы живем в мире «незавершенных» мужчин. Мужчин лишь отчасти. Как правило, это мальчики, расхаживающие в телах мужчин, с мужской работой, с семьями, как у мужчин, с финансами и обязанностями, тоже как у мужчин. Передача им мужественности так и не

⁴ От *ante meridiem* (лат.) — до полудня.

завершилась, если вообще началась. Мальчик так и не прошел процесс мужской инициации. Именно поэтому большинство из нас — «незавершенные» мужчины. Следовательно, неспособные жить как мужчины во всем, что наваливает на нас жизнь. Неспособные передать своим сыновьям то, что им нужно, чтобы самим стать праведными мужчинами.

В то же самое время вокруг нас есть мальчики, и молодые мужчины, и мужчины моего возраста, которым очень нужно, отчаянно нужно, чтобы кто-то указал им путь. «Что значит быть мужчиной? А я мужчина? Как я должен поступать в таких-то и таких-то ситуациях?» Все эти вопросы задают неуверенные в себе мужчины, потому что главные вопросы их души остались без ответов или с плохими ответами. Эти вопросы задают мужчины, которые способны действовать, но их действия не проистекают из подлинной силы, мудрости и доброты. Некому указать им путь.

Мужская инициация — это путь, процесс, эпическая история, которая разворачивается во времени. Произвести на нас сильное впечатление может получение нами благословения или какое-то ритуальное действие, по ходу которого нам будут сказаны простые, но исключительно важные для нас слова. Такие мгновения способны стать поворотными пунктами нашей жизни. Но это только мгновения, а мгновения, как вы прекрасно знаете, пролетают быстро и тонут в реке времени. Нам нужен не момент, а события. Нам нужен путь, процесс, эпическая история, состоящая из многих эпизодов, накапливающихся, последовательно наслаивающихся друг на друга, сливающихся воедино. Нам нужна инициация. И нам нужен наставник.

Отеческие наставления на реке Саут–Платт

В штат Колорадо я перебрался в августе 1991 года. Мой переезд из Лос-Анджелеса был продиктован многими соображениями — надеждой на более перспективную работу, шансом поступить в аспирантуру, желанием сбежать от удушливого асфальтового смога мегаполиса, — но за всем этим стояло еще более сильное стремление перебраться поближе к горам, к необжитым просторам. В то время я не смог бы это сформулировать, но моя душа жаждала пройти путь возмужания, с которого я, по моим ощущениям, сошел еще в подростковом возрасте. Поэтому я мечтал заняться рыбной ловлей на искусственную муху.

Когда я был маленьким, мы рыбачили вместе с отцом, и это одно из самых дорогих моему сердцу воспоминаний. Сначала он научил меня ловить удочкой с поплавком на червяка, а потом забрасывать спиннинг с блесной. На муху он не ловил, но я хотел попробовать. Лет в двадцать пять я купил себе удище, катушку и приступил к попыткам научиться этому делу самостоятельно — способ, с помощью которого я научился, к сожалению, почти всему, чему только научился в своей жизни. Мы часто говорим о человеке, у которого такое обучение прошло успешно, что он себя «сделал сам». Эта характеристика обычно произносится с оттенком восхищения, хотя на самом деле здесь больше подошел бы тон, которым говорят о покойнике или человеку, недавно потерявшем руку, — тон грусти и сожаления. Ведь в действительности за этими словами стоит «осиротевший мужчина, который самостоятельно научился властвовать над некоторыми сторонами своей жизни».

Так вот, о ловле рыбы на искусственную муху. Когда мы переехали в штат Колорадо, я узнал об одном участке реки Саут-Платт, слывшем мечтой ловящих на муху рыбаков. «Миля чудес» уже прошла зенит своей славы, но все еще оставалась местом, где ловят на муху лучшие рыбаки. Туда я и направил свои стопы. Это очаровательный кусочек земли, где река течет по пастбищу между двумя озерцами. Берега здесь отлогие и чистые, а ивняк встречается редко — настоящее раздолье для новичка, который учится забрасывать спиннинг. Почти все утро я провел на реке, всюду видя радужную форель, но поймать ни одну не смог. А как ни глянешь вверх по реке, там опять хохочет и улюлюкает парень с согнутым в дугу удищем, вытаскивающий очередную форель. Сначала я ему завидовал. Потом я его возненавидел. В конце концов я предпочел смирение и решил немного за ним понаблюдать в надежде, что, может быть, научусь у него тому, как это делается.

Я чуть поднялся по отлогому берегу, подошел к парню на приличествующее расстояние, чтобы не выглядеть нахалом, лезущим на его любимое место, и уселся наблюдать. Он меня заметил и, два-три раза забросив леску и вытащив еще пару рыбин, повернулся ко мне со словами: «Иди-ка сюда».

Забыл, как его звали, но он мне сказал, что работает тренером по рыболовному спорту, а в свободное время любит еще порыбачить. Он спросил, как мои дела, и я ответил:

— Так себе.

— А дай-ка глянуть на твою оснастку. — Я протянул ему свою удочку. — О... ну, прежде всего, у тебя слишком короткий поводок.

Только я начал оправдываться, что в рыбной ловле профан, как он достал кусачки и срезал поводок. Потом привязал новый — с такой скоростью и изяществом, что я онемел.

— Какие у тебя мухи?

— Вот, — глуповато сказал я, уже зная, что они неправильные, ведь и так понятно, что я вообще все делаю неправильно.

Он великодушно не стал критиковать моих мух, а только сказал:

— В это время года лучше такие.

Достав из жилета и протянув мне несколько совсем мелких мушек, он одну привязал мне на леску, а потом стал показывать, как ловить на его любимом месте.

— Встань-ка справа от меня. — Если рыболов правша, инструктор обычно становится слева от него, чтобы заброс не зацепил ему ухо или затылок. — Теперь вот что: большинство людей, когда ловят на погруженную в воду муху, считает вполне достаточной одну поклевку. — Я обрадовался, что знаю хотя бы это — прочитал в книжке. — Но толку от этого мало. Тебе нужно убедиться в том, что она взяла намертво.

Успех в рыбной ловле на искусственную муху зависит от многих причин, но главной является ваше умение подать рыбам наживку самым естественным образом, а это значит, что муха должна плыть по течению в точности так, как плывет настоящий рыбий корм, который они видят каждый день, то есть без всяких рывков и отклонений, не согласующихся с направлением и скоростью потока.

— Секрет в том, чтобы привязывать две, даже три мухи. К примеру, так.

После десяти минут инструктажа парень вышел из воды, чтобы посмотреть на меня со стороны, — в точности как отец, обучающий сына отбивать бейсбольный мяч, отступает на несколько шагов, предоставляя мальчику возможность самостоятельно отбить несколько мячей. Я поймал и вытащил форель. Мой наставник вернулся в воду, чтобы показать, как ее снимать с крючка.

— Своих я обычно целую в лоб. Суеверие. — Он чмокнул большую радужную форель в лобик и отпустил ее в холодные воды. — Желаю удачи.

С этими словам он, не оглядываясь, зашагал берегом вниз по реке, туда, где раньше рыбачил я, и стал там одну за другой таскать форель. Я тоже поймал свою рыбку, и хотя это сильно меня обрадовало, еще острее я, стоя там, на реке, где научился ловить рыбу, чувствовал глубокое удовлетворение. Во всем произошедшем было что-то очень хорошее, что соответствовало какой-то моей фундаментальной потребности. Идя домой, я уже понимал, что это был дар от Бога, что это Он отечески наставлял меня с помощью незнакомого мужчины.

Инициация

Нам не было предначертано осваиваться в жизни самостоятельно. Бог хочет быть нашим Отцом. Истина состоит в том, что Он долгое время делал для нас все, что делает отец, — просто у нас не было глаз, чтобы это увидеть. Теперь Он жаждет еще более близких отцовских отношений с нами, но мы должны измениться, чтобы их принять. Наше новое состояние предполагало бы новый взгляд на мир, фундаментальную перестройку того, как мы смотрим на жизнь и на свое место в ней. Во-первых, мы должны признать, что мы — «незавершенные» мужчины, мужчины лишь отчасти. В душе мы преимущественно мальчики, которым нужна инициация. И это так во многих отношениях. Во-вторых, мы должны отказаться от своей независимости и того образа действий, посредством которых мы либо атаковали свою жизнь, либо прятались от нее. Возможно, это один из важнейших способов покаяния мужчин. Я говорю о покаянии, потому что наш подход к жизни основан на убеждении, что Бог проявляет Себя, как правило, не слишком явно. Я понимаю, из чего проистекает это убеждение, постоянно сам с ним борюсь, но все равно это безверие, не так ли? У нас должна быть готовность пойти на огромный риск — открыть свои сердца навстречу той возможности,

благодаря которой Бог совершает нашу мужскую инициацию, и, быть может, как раз благодаря тем самым обстоятельствам, в которых, как мы думаем, Он нас оставил. Мы должны открыться для Его отцовских наставлений.

Согласен, это нелегко. По ходу жизни мы усваиваем некое фундаментальное безверие, истекающее из того недоверия к Богу, которое мы унаследовали от Адама. Меняя себя, мы чувствуем себя неуютно. Как говорит Джералд Мей, чем привычнее нам искать жизнь без Бога, тем «ненормальнее и тревожнее» нам «прямо смотреть на Него». Особенно как на наставляющего нас Отца, добавлю я. Но оно того стоит. Оно того стоит! Стоит того, чтобы принять отеческое отношение Бога, признать, что этот новый образ жизни требует некоторого привыкания, и решиться сделать все, что для этого привыкания требуется.

Я предлагаю вам следующее: изменить свой взгляд на свою жизнь мужчины. И свой взгляд на ваши отношения с Богом. Я также хотел бы вам помочь перестроить свое отношение к другим мужчинам, особенно к отцам, недоумевающим, как воспитывать сыновей. Эта перестройка начнется в тот момент, когда мы вдруг поймем, что жизнь мужчины — это непрерывный процесс инициации, перехода к истинной мужественности. Это ряд стадий, в которые мы погружаемся, через которые мы проходим. Что касается Бога, то я убежден в том, что *главное* для Него в любой момент жизни мальчика или мужчины — это его инициация, поэтому многое из того, что мы неправильно понимаем как проблемы, или испытания, или наши собственные ошибки, на самом деле послано нам воспитывающим из нас мужчин Богом, послано, чтобы нас укрепить, или исцелить, или разоблачить в нас что-то несправедливое. Другими словами, чтобы совершить нашу инициацию — специфически мужское дело.

Стадии возмужания

Коль скоро я должен обрисовать вам в общих чертах путь возмужания, полагаю, разворачивается он, точнее — *должен* разворачиваться, от Возлюбленного сына к Ковбою, потом к Воину, к Любящему, к Царю и, наконец, к Мудрецу. Занимает он в общей сложности лет восемьдесят, и на каждую стадию уходит по десять-двадцать лет.

Позвольте мне сразу добавить, что невозможно предписать каждой стадии определенный возраст. Они накладываются друг на друга, и каждой стадии присущи некоторые черты всех остальных. Понаблюдайте за мальчишкой после уроков (отличная идея, если вы уже вышли из этого возраста), и вы увидите в нем и Воина, и Ковбоя, и Царя. И все же он — мальчишка, и именно *мальчишкой* он должен прожить эти годы. Мы причиним мальчишке большой вред, если слишком рано предложим ему стать Царем, как это бывает в том случае, когда уходящий из семьи отец переступает порог дома со словами: «Теперь мужчиной в доме будешь ты». Сказать это — жестоко, но еще более жестоко так поступить, ведь мальчишка еще не стал мужчиной, не усвоил всех уроков детства и юности. Он еще не успел побыть ни Ковбоем, ни Воином, ни Любящим и совсем не готов стать Царем.

Когда мы ему это предлагаем, мы его травмируем, и травма эта равносильна проклятию, ведь за одно мгновение он лишается своего мальчишеского детства: от него требуется проскочить ряд стадий возмужания, которые ни один мужчина проскочить не может. Не может, потому что есть путь, который должен быть пройден от начала до конца. Путь возмужания. Это долгий путь. На каждом его этапе свои уроки, которые следует усвоить, но когда каждая стадия рискует быть урезанной, пропущенной, взрослеющий мужчина обречен жить с недоразвитой душой. А потом мы удивляемся, почему он в свои сорок пять вдруг ломается, словно дерево, которое после ночной бури лежит во дворе. Мы подходим к нему и видим, что корни его не вросли глубоко в землю, а может быть, оно, ослабленное засухой или болезнью, стало трухлявым изнутри. Все то же самое бывает с «незавершенными» мужчинами.

Начнем же с начала — с детства мальчишки, времени экспериментов и чудес. Времени деревянных крепостей и комиксов, головастика и леденцов на палочке. «Змеи, улитки, щенячьи хвосты» — как в известном детском стишке. Но прежде всего это детство Возлюбленного сына, которого как зеницу ока бережет отец. Время полного подтверждения его мальчишеского естества. Я не отказываюсь от сформулированного в книге «Необузданное сердце» тезиса о том,

что каждый мужчина ищет ответ на извечный мужской вопрос, звучащий примерно так: «Есть ли во мне то, что нужно?», и убежден в том, что этот вопрос гораздо острее стоит на стадии Ковбоя и на следующих стадиях, чем на стадии Возлюбленного сына. В истоке и в основе этого вопроса, как и всех мужских попыток самоутвердиться, обнаруживается более глубокая потребность мальчишки — знать, что его ценят, одобряют, что он действительно Возлюбленный сын. Это наша потребность в отцовской любви.

Дальше, в подростковом возрасте (я бы сказал, что этот переход совершается лет в тринадцать), наступает стадия Ковбоя, которая продолжается до конца второго десятка лет и начала третьего. Это время полевых занятий, время великих приключений и испытаний, а также время тяжелого труда. Юноша учится ходить на охоту, забивать крученный мяч, объезжать мустангов. У него появляется первая машина, а вместе с ней — широкий горизонт. Он один или с несколькими приятелями ходит в дикие леса, путешествует по Европе, становится рейнджером⁵ или пожарным-парашютистом. Время дерзаний и опасностей, время узнать, что в тебе действительно есть то, что должно быть в мужчине.

Иногда рождение юного Воина знаменует начало периода, уходящего в третий и далеко в четвертый десяток лет. Скажу еще раз: стадии накладываются друг на друга, и каждой стадии присущи некоторые черты всех остальных. В шесть лет или в шестьдесят мужчина всегда будет Воином, ведь он сотворен по образу и подобию Бога, «мужа брани» (см.: Исх. 15:3). Но есть в его жизни периоды, когда отличительные черты одной из стадий проступают особенно отчетливо. У юного Воина появляется свое дело в жизни, и хорошо бы, чтобы у него появился Царь. Воин поступает на юридический факультет или реализует себя на любом другом соответствующем его призванию поприще. Он лицом к лицу сталкивается со злом и учится его побеждать. Воин усваивает строгую дисциплину — в особенности ту внутреннюю дисциплину и твердость духа, которые мы встречаем у Иисуса, держащего Свое лицо, «как кремень» (см.: Ис. 50:7), так что на Его поприще Его ничто не остановит. Воин может пойти в морскую пехоту или, сражаясь за юные сердца, стать учителем математики в современном гетто. То, что он находит свое призвание, очень важно, но еще важнее то, что он учится сражаться с силами тьмы. Мужественность и пассивность исключают друг друга, в самой своей основе они сочетаться не могут. Чтобы быть мужчиной, нужно научиться жить с отвагой, идти в бой, действовать.

Обычно это время, когда мужчина становится Любящим, хотя для него и для нее было бы лучше, если бы он еще какое-то время побыл Воином. Как я опять же писал в «Необузданном сердце», слишком много молодых мужчин не нашли ответа на свой вопрос в качестве юных Ковбоев, а в качестве неуверенных в себе Воинов они не нашли своего жизненного призвания. В конечном счете все это они переключают на женщину, с ее помощью надеясь самоутвердиться и найти смысл жизни (бесплодные поиски, как потом понимают многие мужчины). Любящий приходит предложить женщине свою силу, а не черпать силы в ней. Однако стадия Любящего не связана в первую очередь с женщинами. Это время, когда мужчина открывает для себя путь своего сердца — открывает, что поэзия и страсть гораздо ближе к истине, чем чистый разум и проза. Он просыпается для красоты. Он открывает для себя музыку и литературу. Подобно юному Давиду, он становится романтиком, и это поднимает его на совершенно новый уровень духовной жизни. Служение Богу заслоняется для него близостью к Нему.

Тогда — и только тогда — он готов стать Царем, готов взять власть над царством в свои руки. Кризис руководства в наших церквях, в бизнесе, в правительстве обусловлен главным образом этой проблемой — люди получают власть, но они не готовы ее принять. Власть — суровое испытание для мужчины, ведь Царя ждет жесткая проверка, пользуется ли он властью смиренно, на благо общества или нет. То, что мы называем «кризисом среднего возраста», зачастую случается, когда человек, получивший деньги и влияние, использует их, чтобы вернуться назад и восполнить недополученное им в качестве Возлюбленного сына (покупает себе игрушки) или Ковбоя (пускается в приключения). Это недоразвитый, не прошедший инициацию мужчина.

⁵ Муниципальный служащий, в обязанности которого входит патрулирование, составление карт, охрана поселков.

Истинный Царь, придя к власти, знает, что полученные им привилегии заключаются отнюдь не в том, что теперь он может устроиться с максимальным комфортом. Его могут назначить президентом компании или командиром дивизии; он может стать старшим пастором или школьным тренером по баскетболу. Для него это время править своим царством. Хорошо, если он соберет вокруг себя юных Воинов, ведь он теперь отец для молодых мужчин.

И, наконец, мы видим Мудреца — седовласого отца с его сокровищницей знаний и опыта, чьим призванием становится давать советы. Его царство может уменьшиться — дети разъехались, и он, возможно, перебрался в жилище поскромнее. Он оставил пост президента, а источником его доходов теперь могут стать сбережения и дивиденды от инвестиций, сделанных им на стадии Царя. Но его влияние обязано возрасти. Это не время отправляться на острова Феникс или в мир досуга — его царство нуждается в нем в роли Мудреца. Собственно, он может быть старейшиной в своей церкви или служить на ниве просвещения. Он может проводить свое время, наставляя молодых мужчин, как Мерлин наставлял короля Артура, а апостол Павел — Тимофея. Тот период жизни, когда большинство мужчин ощущает, что их время прошло, может оказаться периодом их наиболее ценного вклада в общественную жизнь.

Теперь позвольте мне еще раз сказать, что все эти стадии в определенной мере присутствуют в любой период жизни мужчины, и все они создают цельного и чистого душой мужчину. В мальчишке есть очень много от царя небольшого царства — своей комнаты, жилого «скворечника» на дереве, крепости, которую он тайком построил в подвале или в лесу. А зрелый мужчина, хотя на деле он уже стал Царем, никогда не должен терять мальчишеской способности удивляться — того, что мы называем «юностью сердца», ведь зрелость вовсе не подразумевает его очерствения и омертвения. Как сказал Джордж Макдональд, «вступающему в жизнь мальчишке нужно бережно хранить в своем сердце ребенка, не давая ему уйти... Этот ребенок не должен умереть, и пусть мальчишка всегда остается "новорожденным"». Об этом говорил и Иисус, когда призывал нас стать как дети, чтобы войти в Небесное Царство (см.: Мф. 18:3).

С учетом всего сказанного мне представляется, что для каждой стадии (или архетипа) есть свой период, когда ей воздается должное, когда она доминирует, имея к этому все основания. Однако я буду говорить о стадиях в обоих отношениях — об уникальности каждой из них и о ее переключках с другими стадиями.

Иллюстрации стадий возмужания

Давида можно назвать показательным библейским примером для иллюстрации того, чем является путь возмужания. Его жизнь как мужчины, очевидно, заслуживает особого внимания, так как Бог отвел Давиду шестьдесят с лишним глав Своей Книги, а ведь большинство других людей хорошо если удостоены абзаца-другого. Когда мы впервые видим Давида, он находится на стадии Ковбоя — это подросток, кочующий с семейными стадами. Я сначала подумывал назвать эту стадию стадией Пастуха, но это слово настолько безжалостно эксплуатировалось в религиозной символике, что сейчас оно ассоциируется с чем-то диаметрально противоположным тому, что было на самом деле. Наши представления о пастухах связаны с праздником Рождества, с трогательными статуэтками в рождественском вертепе на кофейном столике или, что мне ближе, с соседскими детьми в ночных рубашках и тюрбанах из полотенец, играющими свои роли в самодеятельном спектакле. Эти пастушки — милые и симпатичные. А настоящие пастухи... они грубые.

Мы видим, как Давид — накануне своего перехода от Ковбоя к Воину — предстал в израильском стане перед своим царем, который пытается отговорить юношу от поединка со знаменитым вражеским ратоборцем Голиафом. Давид отвечает: «...раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его...» (1 Цар. 17:34-35). Такой опыт он приобрел на стадии Ковбоя, и мы видим, насколько грубой и опасной обязана быть жизнь на этой стадии. Мы также видим, что ее уроки Давид усвоил очень хорошо. А был ли он когда-нибудь Возлюбленным сыном? Трудно сказать. Сведений о его детстве у нас нет, хотя можно обнаружить два ключевых момента, в известной мере заполняющих этот пробел. Давид был младшим сыном из восьмерых детей, что бывает как хорошо,

так и плохо. Обычно, впрочем, младшего сына отец бережет как зеницу ока — вспомним Иосифа и Вениамина. А вот при чтении Псалтири не возникает никаких сомнений в том, что Давид знал — он у Бога Возлюбленный сын. Его псалмы наполнены такой искренней уверенностью в любви и благоволении Бога, которую может выразить только Возлюбленный сын.

Что касается стадии Воина, можно ли усомниться в том, что Давид ее прошел? «...Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» — восклицали израильтянки (1 Цар. 18:7). Он, несомненно, был и Любящим, хотя здесь наши мысли, наверное, сразу переключаются на его связь с Вирсавией. Но именно благодаря Давиду мы знаем, что стадия Любящего вообще не соотносится с женщинами — она соотносится с жизнью сердца, со всем прекрасным, с той глубокой любовью к Богу, которые можно найти в поэзии Давида. И, разумеется, он был в буквальном смысле слова Царем. Стадии можно обнаружить и в жизни Иисуса. Он, безусловно, был Возлюбленным Сыном — как у Своих земных родителей, так и у Бога. Среди имеющихся у нас кратких сведений о Его детстве мы встречаем рассказ о том, как Иисуса не оказалось в караване, с которым Его семья возвращалась из Иерусалима домой после празднования Пасхи. Примечательно, что Мария и Иосиф только на второй день обнаружили отсутствие сына, что свидетельствует либо о вопиющей родительской халатности (данная гипотеза опровергается всем остальным, что нам известно об этой семье), либо об удивительном родительском спокойствии и уверенности за Него. И, конечно же, гораздо ближе к теме нашего совместного путешествия слова Бога Отца, провозглашенные, когда Иисус выходил из вод Иордана, — «...Сей есть Сын Мой возлюбленный...» (Мф. 3:17). Уверенность Иисуса в любви Отца, открытая и неоспоримая близость отношений с Ним характеризуют жизнь Сына, многое в ней объясняют. Он не сомневался в том, что Отец очень любит Его.

Стадию Ковбоя Иисус прошел в мастерской, где Он день за днем учился у Иосифа плотницкому ремеслу, усваивая те уроки, которые упрямая древесина и ручные инструменты должны преподнести будущему мужчине. Для подростка очень хорошо таким замечательным образом провести эту часть своей жизни. Очевидно, Иисусу и в пустыне было привычно и удобно, ведь в годы Своего служения Он часто туда удалялся, чтобы отдохнуть и побыть наедине с Богом Отцом.

Свое земное служение Иисус начал на стадии Воина — это был трехлетний период, характеризующийся интенсивными военными действиями, кульминацией которых становится Его победа над злом, когда Он искупает нас из узилищ мрака, отвоевывая у Своего врага ключи смерти и ада. На протяжении этих лет мы также видим Любящего, Который добивается сердца Своей Невесты (и неплохо, наверное, вспомнить, что Песнь Песней написана по наитию Божьего Духа, а Бог — несомненно, величайшее Любящее сердце во все времена). И, разумеется, Иисус — Царь, Господь неба и земли, и вернется Он тоже как воинственный Царь, Который принесет Своему народу окончательную победу и провозгласит наступление золотого века Своего царствования. Земная жизнь Иисуса завершилась рано, но тем не менее в глубине и прозорливости Его учения мы видим Мудреца. И, конечно же, Он до сих пор наш мудрый Советчик.

Эти стадии бы обнаружите во всех великих сюжетах

Теперь, получив общее представление о стадиях возмужания, вы будете узнавать их во всех знаменитых сюжетах.

Наш первый пример — фильм «Принц Египта», основанный на событиях из жизни Моисея. В начале истории Моисей находится на стадии Возлюбленного сына — испорченного, конечно, и сильно нуждающегося в переходе на стадию Ковбоя. Его родители видели в нем особенного ребенка и рисковали своей жизнью, чтобы его спасти. Моисей стал приемным сыном в семье фараона и, воспитываясь в ней, находился в привилегированном положении. Затем он оказался буквально вышвырнутым на стадию Ковбоя и вел в пустыне жизнь пастуха (которая, как я говорил, была грубой и суровой, полной опасностей и приключений). Призванный Богом освободить свой народ, Моисей становится Воином, а потом Царем и Мудрецом, который ведет израильтян к земле обетованной.

Обратимся к трилогии Джона Р. Р. Толкиена «Властелин колец»⁶. В ней образ жизни каждого героя служит иллюстрацией к какой-либо стадии или нескольким стадиям возмужания. Хоббиты — особенно Фродо — воплощают образ Возлюбленного сына. Арагорн по прозвищу Бродяжник — непревзойденный Ковбой (или Рейнджер; это слово вы можете смело подставлять вместо слова «ковбой» всякий раз, когда я упоминаю эту стадию), преобразующийся в Воина, который затем становится Царем. Гэндальф — их Мудрец. Пристальнее взглядевшись в героев повествования, вы на примере происходящего с хоббитами, нелегкому пути которых посвящено повествование, сможете разглядеть стадии превращения мальчика в мужчину. Когда мы впервые видим хоббитов, они находятся на стадии Возлюбленного сына — вьющиеся волосы, добросердечие, склонность к озорству. Мир своего Удела они могут исследовать без опаски. Пустившись в путь, хоббиты переходят на стадию Ковбоя. Да, у них есть свое призвание, своя миссия, но они не полностью осознают ее тяжесть. Сначала им интересно путешествовать, открывать новые места, разбивать лагерь, узнавать, как живется без пуховых подушек. Но Арагорн ведет их в пустыню, где и начинаются трудности: приходится спать на земле, преодолевать невзгоды, сталкиваться с опасностями, совершать изматывающе долгие переходы. Они продолжают становиться Воинами — учатся драться, вступать в бой и побеждать. Переходы со стадии на стадию формируют также сюжетную линию анимационного фильма «Король Лев». В первой сцене возвещается рождение львенка Симбы. Он — Возлюбленный сын львиного царя Муфасы, который, очевидно, бережет его как зеницу ока. Но детство Симбы внезапно обрывается, что испытало на себе так много мальчишек, он переброшен на стадию Ковбоя, и его ждет путь. Однако у Симбы нет своего Арагорна, способного указывать направление, и его пребывание на этой стадии испорчено тем, что он на ней застрял — живет только сегодняшним днем. Так бывает со многими молодыми мужчинами, взрослеющими без отцов, ищущими приключений ради самих приключений: они занимаются сноубордингом или серфингом и отказываются взрослеть. Симба переходит на стадию Любящего, когда в лесу его встречает Нала и в их отношениях начинается почти что райская идиллия. Но Симба живет без цели, как и многие молодые мужчины, предварительно не прошедшие стадию Воина, и все больше раздражает Налу, как и многих молодых женщин начинают раздражать мужчины, которых они полюбили, но которые явно не могут разобраться в собственной жизни.

К счастью для Симбы и всего царства, в этот момент он встречает Мудреца — старого бабуина Рафики, который возвращает его назад, и с этого возвращения начинается осознание им своего подлинного «я» и своего призвания. Для Симбы возрождается мир, в центре которого находится отец. Именно в таком возрождении нуждаемся и мы. Для Симбы приходит пора завершить свой путь возмужания в качестве Воина и Царя. Отыскав врага, он побеждает зло, восходит на престол и провозглашает в царстве наступление золотого века.

Начиная поиск

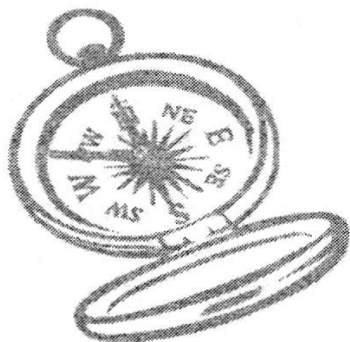
Таковы стадии нашего пути возмужания. Однако мы мало что знаем об этих стадиях в нашей экспресс-культуре. Кто-то уже приготовил для нас наш быстрорастворимый кофе. Нам больше не нужно ждать проявки наших фотографий, потому что теперь у нас есть цифровые камеры. Нам больше не нужно ждать, пока нам удастся с кем-то обменяться информацией, — мы просто посылаем электронную почту, звоним на пейджер или мобильный телефон и мгновенно связываемся с нужным нам человеком. Нам больше не нужно ждать, пока наши кожаные куртки, или джинсы, или кепки достаточно износятся, чтобы приобрести модный вид, — теперь они продаются уже потертыми, потому что искусственно состарены. Купил и сразу носи «старое».

Но Бог — это Бог процесса. Если вам нужен дуб, Бог предлагает начать с желудя. Если вам нужно Священное Писание, что ж, Он свыше тысячи лет будет заниматься его созданием. Если вы хотите воспитать мужчину, начинать нужно с мальчика. Бог предопределил стадии возмужания. Они составляют самую ткань нашего бытия, как законы природы составляют самую ткань бытия мира. В самом деле, те, кто живет ближе к природе, из века в век признавали и радостно принимали эти

⁶ В переводе А. Кистяковского и В. Муравьева. В фильме П. Джексона «Властелин колец» Арагорн носит прозвище Странник, а страна хоббитов называется Шир.

стадии. Мы можем считать их древними путями. Лишь недавно мы потеряли их из виду. Променили на кофе без кофеина и сахара, зато с обезжиренным молоком. В итоге забвения мужской инициации мы получили мир «незавершенных», не прошедших инициацию мужчин.

Но так быть не должно. Нам не нужно блуждать в тумане. Мы не должны жить в одиночестве, мрачнеть, мучиться, злиться. Нам не нужно самостоятельно постигать жизнь. У нас есть другая возможность. Как только мы пустимся в путь, может всерьез начаться наша инициация. Гораздо лучше для нас — и для тех, кому приходится жить рядом с нами, кто смотрит на нас, — вновь открыть для себя эти стадии, радостно их принять, пройти их самим и помочь это сделать нашим сыновьям. Но это возвращает нас все к той же проблеме: кто нам в этом поможет?

2 НАСТОЯЩИЙ СЫН НАСТОЯЩЕГО ОТЦА

И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами...

2 Кор. 6:18

Время действия — средневековье, 1184 год от Рождества нашего Господа Иисуса Христа. Период между вторым и третьим крестовыми походами. Молодой мужчина, кузнец по имени Бальян, одновременно потерял жену и сына. Из-за их трагической гибели он утратил веру. Он совсем пал духом. Однажды, когда он стучал молотком в своей маленькой кузне, к ней верхом на коне подъехал загадочный незнакомец в доспехах и с оружием, по виду — знатный рыцарь, и попросил подковать несколько лошадей из возглавляемого им отряда. Он пытливо смотрел на мрачного кузнеца, пока тот работал, затем сказал Бальяну, что он — Годфруа, барон де Ибелин, — его настоящий отец, прославленный паладин, возвращающийся со своими воинами в Иерусалим. Годфруа предложил Бальяну присоединиться к отряду.

Сначала Бальян отказался. Почему? Потому, возможно, что утратил способность надеяться. Годы безотцовщины породили в нем недоверие к этому самозваному отцу. Вы можете сами за него ответить, ведь его история во многом похожа на наши истории. Мужчина, выросший без отца, одиноко трудится, вынося на своих плечах все горести жизни. К нему приходит его настоящий отец, личность несколько загадочная, но внушительная, и зовет с собой в путь. Юноша колеблется, как колебались бы и мы, не будучи уверенными в намерениях самозваного отца. Как поступили бы в этом случае вы? Задумайтесь об этом. Вероятно, это поможет вам понять, как вы ответите на предложение, которое делает вам Бог.

После того как Годфруа уехал, Бальян передумал и догнал в лесу отряд, надеясь обрести в Иерусалиме — а он слышал, что такое возможно, — прощение своих грехов. Шаг в верном направлении! Бальян следует за своим отцом ради отпущения грехов, как и множество хороших людей верует в Бога ради прощения. Но намерения отца простираются гораздо дальше. Годфруа пестует Бальяна как Возлюбленного сына, своего наследника (см.: Рим. 8:17). Он отдает своих людей за его жизнь (см.: Ис. 43:4). Они вместе пускаются в путь — для Бальяна это стадия Ковбоя. Отец воспитывает в нем Воина и посвящает его в рыцари. Он отечески наставляет Бальяна в его великом жизненном призвании — в служении истинному иерусалимскому Царю.

Небесное Царство — это вдохновенный образ пути возмужания, и подобные образы могут нам очень помочь. Как пишет Норман Маклин, «самое лучшее, что в любом возрасте человек может

сделать в поисках самого себя, — это найти историю, которая что-то ему расскажет о нем самом». Для начала вполне подойдет эта история. А будет еще много других.

Безотцовщина

Вы — сын доброго, сильного и участливого Отца, достаточно мудрого, чтобы руководить вами на вашем пути, достаточно заботливого, чтобы обеспечивать вас всем необходимым, предлагающего пройти вместе с вами шаг за шагом весь путь.

Возможно, вот в это-то нам труднее всего поверить — действительно поверить, поверить всем сердцем, так чтобы это навсегда нас преобразило, изменило наше отношение к каждому дню прожитой нами жизни.

Исходя из тысяч разговоров, которые долгие годы я вел с разными мужчинами в своем кабинете или у лесного костра, и из тех внутренних конфликтов, которыми заполнены страницы моих дневников, я убежден в том, что это корень нашей общей проблемы. Мы, мужчины, просто в это не верим. Наше основополагающее представление о мире сводится к следующему: нам нужно строить жизнь своими силами. За нами никто не наблюдает. О нас никто не заботится. Чем бы ни обеспечивали нас наши отцы, мы не слишком отличаемся от Бальяна в начале его истории. Когда мы сталкиваемся с проблемой, мы должны решить ее самостоятельно или просто держать удар. Если с нами и может произойти что-то хорошее, позаботиться об этом нам придется самим. Многие из нас зывают к Богу как к Отцу, но, честно говоря, Он, похоже, нас не слышит. Мы плохо понимаем, почему. Может быть, мы что-то делаем неправильно? Может быть, Он занят более важными делами? Какой бы ни была причина, нажитый нами в этом мире опыт формирует наше отношение к жизни: мы уверены в своем сиротстве.

Не далее как вчера я разговаривал по телефону с одним моим юным другом, которого ждет последний год обучения в аспирантуре. Мы обсуждали с ним все трудности и проблемы, возникающие в этот период жизни — особенно если добавить сюда его недавнюю женитьбу, — когда я задал ему простой вопрос, чтобы несколько изменить тональность разговора, помочь юноше увидеть дальние горизонты:

— Сэм, а что тебя радует в эти дни?

Минутная пауза. Потом он начал рассказывать мне

о каяке, на который он копит деньги, надеясь купить его в приближающемся сентябре.

— Но у меня такое чувство, что Бог против этого, — добавил он.

Это замечание чем-то насторожило меня. Точнее, оно меня озадачило.

— Почему же? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Кажется, мне вообще трудно поверить в то, что Бог желает мне чего-то хорошего.

Ах, ну да. В подобном подозрении этот юноша не одинок.

Сэм начал вслух высказывать свои сомнения:

Мне как раз сейчас вспомнилось... что мой отец никогда со мной не играл. Никогда. Я шел на улицу, а он никогда ко мне не выходил. — Сэм начал что-то понимать. В его истории забрезжил свет. — В детстве я всегда хотел построить себе на дереве крепость. Но мы жили в городе. Потом, когда мне исполнилось тринадцать, мы переселились подальше от города, и это было так здорово! Все деревья были моими. Я начал строить эту крепость, но отец, хотя и работал на стройке, ни разу мне не помог. Раз пять или шесть я занимал в ней оборону. Отец так ко мне и не вышел. Помню, я сидел и думал: «Вот пакость! Ну и кто увидел мою победу?» Печальная история. Меня не удивляло, что Сэму было трудно поверить в то, что Бог желает ему чего-то хорошего. Я сказал:

— Сэм, мне так нравится твоя идея насчет каяка — думаю, что и Богу она тоже нравится.

Долгая пауза, и Сэм ответил за многих мужчин сразу:

— Для меня это звучит так, будто вы говорите по-французски. Я этого не понимаю.

Казалось бы, простая история о мечте купить каяк. Я уже сотни, если не тысячи раз слышал ее от разных мужчин на разных стадиях их жизни, и повествует она все о том же великом сомнении, угнездившемся в наших сердцах. Конечно, каждая из поведанных мне историй гораздо более

«глубоководна», нежели бесхитростный рассказ о лелеемой покупке каяка, ведь речь в них идет о погибшей мечте, о жизни, которая по большей части состоит из трудностей и разочарований. Чему бы ни учила нас жизнь, мы — хотя, возможно, и не формулируем это точно такими же словами, — чувствуем себя одинокими. Просто взгляните, из чего состоит жизнь мужчин. Если предложить мне честно оценить свою жизнь за последние тридцать лет, я признаюсь, что основу ее составляли борьба и гульба. Я мучительными трудами продвигаю себя к намеченной цели, в свои сражения вступаю не просто с решимостью, но с порожденной страхом маниакальностью, глубоко внутри себя ощущая, что мне некому доверить что-то делать со мной или за меня. Борьба. А попутно я себе позволяю маленькие удовольствия, чтобы смягчить муки одержимости и одиночества. Рестораны, поиски приключений. Гульба. Жизнь без отца.

Как прав был Макдональд, когда сказал: «Самая трудная и самая радостная вещь на свете — от полноты сердца вскричать „Отец!“... Отказ видеть в Боге своего Отца есть главное зло во всех человеческих делах; неспособность сделать это — наша главная беда». *Это наша главная беда.* Об этом стоит задуматься. Раньше я и сам не верил в это по-настоящему. Понимаете, безотцовщина стала настолько нормальной — нормальной для нас, — что мы даже особо о ней не задумываемся.

Истинные сыновья истинного Отца

Именно поэтому Иисус снова и снова возвращается все к той же главной теме, подводит к ней Свое учение, Свои притчи, Свои проникающие в глубины сердца вопросы. Если присмотреться — сквозь призму того, что для большинства из нас это ощущение безотцовщины глобально, — думаю, вы обнаружите, что это и в самом деле чрезвычайно близко к средоточию служения Иисуса. «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф. 7:9—10). Так как же? Мы спешим дальше читать текст, но я уверен в том, что Иисус задает настоящий вопрос и ждет настоящего ответа. Полагаю, Он сделал здесь паузу и Его пронизательные сочувствующие глаза пытливо вглядывались в слушателей. Так как же? Я в нерешительности. Думаю, вы правы. Я бы так не поступил, и, думается мне, за исключением особо порочных людей, ни один отец — даже если он эгоцентрик — так бы не поступил. Иисус продолжает: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (ст. 11).

Иисус обращается к нашим самым глубинным сомнениям о своем бытии.

Взгляните на птиц в небе. Посмотрите на полевые лилии. Разве вы не гораздо дороже вашему истинному Отцу, чем они (см.: Мф. 6:26, 28)? Гм-м-м. Даже не знаю, что вам ответить. Я имею в виду, что есть, конечно, «правильный» ответ. И еще есть эта боль в наших сердцах, боль из-за отвернувшегося от нас отца, и еще то, из чего состоит наша жизнь. «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?» (Мф. 18:12). Еще один вопрос, нацеленный на скрытый в наших сердцах страх, еще один вопрос, снова требующий ответа. Так как же? Пойдет? «...И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (ст. 13-14).

Как бы ни обстояло дело с вашей способностью поверить в это в данный момент, вы по крайней мере в состоянии понять, к чему ведет Свою речь Иисус. У вас есть благой Отец. Он лучше, чем вы о Нем думали. Он по-настоящему заботится о вас. Он добрый и великодушный. Он желает вам блага. Это — не что иное, как самое главное в учении Иисуса, хотя я должен признать, что это не вызывало у меня настоящего отклика, пока я не начал глубоко обдумывать потребность мужчины в инициации и напрямую не столкнулся с вопросом, кто будет совершать эту инициацию. В большинстве своем наши отцы умерли, или сбежали, или сами не прошли мужской инициации. Мало, очень мало мужчин, чьи отцы действительно совершили их инициацию. Всем бы такое счастье! Кое у кого, правда, были наставники, но их тоже трудно найти. Особенно таких, которые понимают необходимость инициации. Поэтому меня все еще донимают сомнения: «Где найти настоящих отцов, которые совершили бы нашу инициацию?» А потом — раз! — и забрезжил свет. Может быть, к этому и вел нас Иисус? Так происходит любое подлинное открытие: мы ощущаем настоящую

потребность, а потом тот ответ на нее, который, собственно, уже какое-то время был у нас перед глазами, вдруг выходит на первый план, обретает смысл.

Мы ощущаем потребность в настоящем отце, который совершил бы нашу инициацию, и эта потребность настолько глубока, насколько это вообще возможно. В достаточно зрелые годы Генри Ноуэн понял, что она — «глубочайшее стремление» его сердца. Том Вулф назвал ее «глубочайшими в жизни поисками»:

Глубочайшие в жизни поиски, то есть вещь, как мне кажется, тем или иным образом главнейшая для всего живого, — это поиски мужчиной отца, не просто отца по плоти, не просто утраченного отца своего детства, но отца, который был бы воплощением силы и мудрости, не имеющим отношения к его нуждам и превосходящим его жажду; поиски того, с кем его объединяла бы вера и сила.

«История одного романа»

Но у нас есть отцы

Как я писал в «Необузданном сердце», мальчик получает возможность своей самоидентификации, свою мужественность, ответы на глубочайшие свои вопросы о себе самом от отца. И это обоюдоострый меч. Этот процесс, которому Бог предназначил быть благотворным, действенным и прекрасным, для многих мужчин оборачивается едва ли не смертельным ударом. Их жизни выносятся приговор, ведь глубочайшая рана, с которой живет мужчина, — это рана, полученная им от отца. Из-за агрессии отца, или его отчуждения, или его пассивности, или его отсутствия большинство мужчин не получили от своих отцов любви и подтверждения своей мужественности, в которых так нуждались в детстве. Получили они нечто другое — рану. Коль скоро во власти вашего отца было подтвердить вашу мужественность, то в его власти было и опровергнуть ее. И такова история очень многих читающих эту книгу мужчин. Либо отец не дал вам подтверждения, не дал глубокого ощущения вашей мужественности и просто оставил вас наедине с молчанием, либо опроверг вашу мужественность. В обоих случаях это рана, которая становится для мужчины роковой.

Так позвольте мне вас спросить: в вас есть то, что нужно? Прислушайтесь к собственному ответу. Кто вам это сказал? По моему предположению, это был ваш отец.

Кроме раны есть и другое наследие, которое мы получили от своих отцов, — это наши с ними нерасторжимые узы, наша глубинная связь с тем, что они собой представляли как мужчины. Есть вещи, которые делал мой отец и которые заставляют меня содрогаться, когда я вижу, что делаю их сам. Он был вспыльчивым, и я тоже такой. Его ярость меня ранила, и я в свою очередь способен ранить своих сыновей. Я это ненавижу. У моего отца было специфическое ощущение своей привилегированности, и он обижался на весь мир, если ему не удавалось настоять на своем. Я тоже на такое способен, и это меня огорчает. Тут как тут враг рода человеческого со словами: «Видишь, ты ничем не отличаешься от него. Ты сын своего отца». Это все равно что перерезать мне жилы. Что тут возразишь? Он — мой отец.

Если вы вспомните один из ранних фильмов эпопеи «Звездные войны» — «Империя наносит ответный удар», то там Люк Скайуокер отправляется на планету Дагоба, чтобы найти Йоду, последнего учителя-джедая, и стать его учеником. Классическая картина мужской инициации — Люк был Ковбоем (или Рейнджером) в песках Татуина рядом с Оби-Ваном Кеноби, но теперь для него пришла пора осваивать стадию Воина — ему нужна серьезная подготовка. Видя успехи Люка в обучении, Йода дает ему все более трудные и значительные задания, переходя с физического уровня на уровень эмоциональный и духовный. Однажды в глухих джунглях Йода указывает Люку на уходящую глубоко под землю пещеру. Люк должен один спуститься в темное подземелье и встретиться там со своими самыми глубокими подсознательными страхами. В подземелье он видит фантом Дарта Вейдера, сражается с этой призрачной фигурой и наконец обезглавливает ее, но тут узнает в ней себя. Это глубочайший страх Люка — каким-то образом уподобиться Дарту Вейдеру.

Вскоре после этого Люк действительно вступает с ним в бой, и в разгар схватки Дарт Вейдер говорит ему: «Я твой отец». Это кошмар Люка. Почему? Спросите об этом любого мужчину. Потому что мы, глядя на своих отцов, испытываем некий глубинный страх, что они — то же самое, что и мы, и то же самое, чем мы станем. Это наша участь. Мы можем никогда не выражать этот примитивный страх словами, но взгляните на дело так: сколько мужчин тратят годы своей жизни на то, чтобы не быть похожими на своих отцов? Или стараясь от них скрыться, защитить себя? Почему это так? Сколько рассерженных матерей — интуитивно зная, куда ударить побольнее, — говорят своим сыновьям: «Ты такой же, как твой отец»? И почему это такой разящий удар?

Некоторым мужчинам посчастливилось с отцами, и они хотят быть похожими на них. Не так давно я разговаривал с одним знакомым об отцах и сыновьях, и он начал рассказывать мне о своем отце, замечательном человеке, который, хотя и получил только среднее образование, в дальнейшем стал преуспевающим строительным подрядчиком, прекрасным мужем и отцом и вообще незаурядной личностью. Иногда люди чрезмерно упрощают правду о своих отцах, чтобы сохранить их образ, далекий от реальности, но я видел, что этот человек совершенно искренен со мной. Свой рассказ он закончил словами: «Вот бы мне хоть в чем-то быть таким человеком, как он». Я был ошеломлен, и внутри меня что-то застонало. Восхищение этого человека своим отцом, его давно сложившееся убеждение «хочу быть похожим на своего отца», увы, лежат вне моего личного сыновнего опыта.

Вам нравится, каким мужчиной является или был ваш отец? Вы хотите быть похожим на него? Или, ближе к нашей теме, мог бы он руководить вами на пути возмужания, совершать вашу инициацию? Выберите точку на шкале от «я хочу быть похожим на него» и «он научил меня этому» к «человек хороший, но не таким мужчиной я хотел бы быть», к «он по преимуществу просто отсутствовал, и я не хочу о нем даже думать», к «злой человек; избави меня, Боже, от его наследия».

Тремя последними формулировками большинство мужчин выносит приговор своим отцам. Но мы чувствуем, что сами тоже приговорены тем, что получили от них в качестве ответа на свой самый важный вопрос («Есть во мне то, что нужно?»). Мы чувствуем, что приговорены, из-за того факта, что нет никого, кто руководил бы нами для удовлетворения нашей потребности в инициации. И мы чувствуем, что приговорены, из-за некой связи с нашими отцами — с их неудачами, с их грехами, с тем, что они собой представляли как мужчины. Это ощущается как сданные вам карты, которыми надо играть. Вы бы хотели, приложив усилие, продвинуться чуть дальше, чем он, но вы всегда остаетесь его сыном и вам не под силу сделать этот шаг. В конце концов, существуют пословицы, такие как «яблоко от яблони недалеко падает». Если семейное древо для нас — источник гордости, то мы можем жить с уверенностью в себе. Но если нет, то нам еще предстоит поверить в то, что мы в состоянии выйти из его тени.

Теперь с учетом всего сказанного послушаем слова Бога.

Радикальная перемена

Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»

Рим. 8:15

А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.

Гал. 4:6-7

Большинство мужчин, с которыми за долгие годы работы я проводил психологические консультации, понимали, что христианство — это предложенное нам прощение, ставшее возможным благодаря жертве Иисуса на кресте. На Бога они смотрели так, как в начале пути на своего отца смотрел Бальян. Но они, похоже, не понимали, что есть нечто большее, что возможность прощения предоставлена каждому из нас, для того чтобы мы могли вернуться

домой, к Отцу. Прощение — не цель. Цель — возвращение домой, к Отцу, поэтому человек, который называет себя христианином, ходит в церковь и после смерти надеется попасть на небеса, не получил львиной доли того, что хотел через смерть Христа ему дать Бог. Он обнаруживает, что живет в одиночестве, что остановился в пути, и удивляется, почему не может стать таким человеком, каким стремится стать.

Он отказался от усыновления.

Рассмотрим более внимательно историю блудного сына, одну из многих историй, рассказанных Иисусом, чтобы донести до своих сердец истину о том, в каких отношениях мы состоим с Отцом. Да, блудный сын сбежал в Лас-Вегас с семейными ценностями, которые и спустил на дешевых шлюх и игру в покер по-крупному. Да, все мы в большей или меньшей степени делаем то же самое... чаще в большей, чем в меньшей. Но суть истории не в том. Да и сама история не совсем о блудном сыне. Она — о сердце его отца. «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15:20). Вот какой у вас Отец. Вот что Он по отношению к вам чувствует. Вот в чем цель пришествия Христа.

...Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.

Гол. 4:4-7

Как поясняет Джордж Макдональд, «слово, употребленное здесь Павлом, подразумевает не то, что Бог усыновляет детей, которые не являются Его детьми, а скорее то, что Он второй раз становится Своим детям Отцом, что они рождаются второй раз — на этот раз свыше. То, что Он становится им Отцом, то, что они рождаются свыше, безмерная благодать» («Непрочитанные проповеди»).

Опираясь по меньшей мере на объективную истину, мы приходим к этой существеннейшей перемене на свете, к перемене, составляющей средоточие христианства. Как это проявится в нашей жизни, станет ясно потом, но уже сейчас есть такие вещи, которые вы должны знать. Вы — действительно сын доброго, сильного и участливого Отца, достаточно мудрого, чтобы руководить вами на вашем пути, достаточно заботливого, чтобы обеспечить вас всем необходимым. Первый раз Он проявил заботу о вас еще до вашего рождения, когда освободил вас через жизнь, смерть и воскресение вашего старшего Брата — Иисуса из Назарета. Затем Он призвал вас — а может быть, призывает и сейчас — уверовать в Иисуса Христа. Когда человек отдает свою жизнь Иисусу, когда, подобно блудному сыну, возвращается домой, чтобы примириться с Отцом, происходит много замечательных вещей. Но их предваряет ваша готовность быть усыновленным.

Бальяну предстояло усвоить много уроков, многое наверстать из упущенного в годы безотцовщины. Для него открывались своего рода ускоренные курсы на пути Ковбоя и Воина, а вскоре — и Любящего, чтобы он смог стать Царем. Но прежде он должен был пойти на риск и принять тот факт, что его отец пришел за ним.

Новая семья — новые родственные связи

Подойдем теперь к истине, которая одновременно предстает трудной и опасной, но также чудесной и освобождающей. Поскольку мы возвращаемся в родной дом, к нашему истинному Отцу, все остальные наши отношения радикально меняются. Навсегда. В том числе — нет, в особенности — родственные и семейные связи.

Но ведь это очень важно! Чтобы прийти к свободе и исцелению, к той близости с Богом, которая возможна для Божьих сыновей, чтобы полностью приготовиться к своему усыновлению и пойти по пути возмужания, мы должны осознать, что подразумевает такая перемена нашей жизни в отношении наших связей с земными отцами и другими родственниками.

Если бы вам довелось пожить в рамках культуры, в которой «семья — это всё», или пообщаться с принадлежащими к ней людьми, у вас сложилось бы некоторое представление о том, что означало расти в израильской семье в первые десятилетия новой эры. Задумайтесь о таком устройстве семьи, при котором predetermined, что по воскресеньям вы обедаете у родителей, и никогда даже не возникает вопроса, куда вы поедете отдыхать. Ваша жизнь целиком подчинена семье — ее потребностям, надеждам, притязаниям. В такой системе много замкнутости и ревности, именно поэтому некоторые факты всегда «остаются внутрисемейным делом» и тщательно скрываются от чужих глаз. Юмористический аспект этого можно увидеть, понаблюдав за жизнью семьи в фильме «Моя большая греческая свадьба». Темную сторону поможет вспомнить «Крестный отец». Именно поэтому сыновья зачастую продолжают семейное дело, даже если мечтали о чем-то совсем другом, и поэтому разлучаются влюбленные, которые просто обязаны были соединиться: «Нет, она не нашего круга». И поэтому правда об эмоциональном, физическом, сексуальном насилии в семье обычно не выходит наружу. Кровь гуще воды, как гласит старая поговорка.

Но Иисус относился к этому по-другому. Хотя Он вырос в условиях одной из самых сосредоточенных на семье мировых культур, послушаем Его опровержение главенства семейных связей:

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч,
ибо Я пришел разделить
человека с отцом его,
и дочь с матерью ее,
и невестку со свекровью ее.
И враги человеку — домашние его.

Мф. 10:34-36

Ого! Очень сильные слова. Разделить сына с отцом? Дочь с матерью? Не испытываете ли вы, слыша об этом, некоторых затруднений? Мне как-то не по себе даже сейчас, когда я просто привожу эту библейскую цитату. И почему? Почему нас так корбит эта резкость, эта категоричность слов Иисуса? Потому что речь идет о семье. Если бы Он просто сказал, что восстановит «мужчину против мужчины, женщину против женщины», мы бы сумели это как-то переварить. Но Иисус целит точно в запутанное средоточие человеческих отношений, а потому прямо указывает на то, что речь идет о семье. Наше замешательство от этих Его слов лишь подчеркивает мою мысль о ложности чувства безграничной ответственности по отношению к членам своей семьи, о неправомерности излишней лояльности внутри нее, на которые, как считалось тысячелетиями, с полным правом притязает семья. Да, таковы слова Иисуса, Который пришел показать нам узкий путь к жизни. Мы не в состоянии оценить благодати этих слов, пока не вспомним о том, как семья может связывать и даже калечить человека, как ответственность болезненно оборачивается виной и насколько фальшивой иногда бывает внутрисемейная лояльность.

Но разве не сказано нам: «Почитай отца твоего и мать твою...»? Сказано. Много раз как в Ветхом, так и в Новом Завете, включая заповеди Самого Иисуса. Но что это означает? Как Иисус понимает эту заповедь? Давайте обратимся к одному рассказу о Его семье:

Когда же Он еще говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою.

Мф. 12:46-47

Его родственники пришли с Ним поговорить. Мы не знаем, о чем, но они явно считали тему достаточно важной, чтобы прервать проповедь, распустить собравшихся и провести «семейное совещание». Они передали через кого-то из слушателей, что хотят поговорить с Иисусом. Его семья настаивала на своих семейных правах. Его родственники в тот момент стояли, чтобы усилить

напряженность, *вне дома*. Ждали на улице. Как всякая нормальная еврейская семья, они считали, что Иисус ради них сразу же все отменит. И слушатели, сами евреи, с полным пониманием ожидали того, что Иисус, как хороший еврей, все бросит и пойдет к семье. Ничего подобного. Он к ней не пошел.

Он же сказал в ответ говорившему: кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников. Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать.

Мф. 12:48-50

Мы знаем, что Иисус — воплощенная любовь, но что вдруг мы слышим? Такого никто из нас не ожидал. «Моя истинная семья — те, кто в Божьей семье». Это уж чересчур. Как-то очень уж необычно. Семейные связи для этих людей — самые бесспорные на свете связи. Именно так. Иисус стремится перестроить наше понимание своих семейных связей. Он так жестко ставит вопрос, потому что это очень важно, потому что цель человеческого существования — наше возвращение домой к Небесному Отцу. Потому что это действительно происходит. Это *истина*.

Да, я знаю, знаю. Люди склонны пользоваться этим учением для оправдания себя в делах, которые выглядят совсем не по-христиански. Это опасное учение — для всех учений, несущих истинную свободу, существует опасность злоупотребления ими, — но это, судя по всему, не тревожит Иисуса, Который снова и снова подводит нас к той же истине: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Мф. 10:37).

Понимаете, наши глубочайшие убеждения относительно самих себя, относительно жизни и Бога переданы нам нашими семьями, когда мы были еще совсем юными. Когда в семье дела идут плохо, мы, дети, не имеем возможности во всем разобраться. Мы, однако, предполагаем, что в этом есть какая-то наша вина. Что мы могли бы это предотвратить. Что мы могли бы больше постараться. С нами что-то не так. И это ощущение переносится нами во взрослую жизнь. Мы думаем, что обязаны спасать членов нашей семьи. Что каким-то образом, при достаточной преданности совершая достаточно много добрых дел, можем искупить семейные грехи. Это ложное чувство вины, с которым я жил годами, по сути, даже его не осознавая. А Иисус хочет нас от него освободить, вернуть домой к нашему истинному Отцу.

Не оставлю вас сиротами; приду к вам.

Ин. 14:18

...Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

Ин. 14:23

Кстати, я нисколько не преуменьшаю роли земных отцов. Быть отцом — дело благородное и ужасно трудное. «Рискованное завоевание», как пишет Габриель Марсель, «осуществляемое шаг за шагом в труднопроходимых землях, где полно засад» (читающие это отцы только что сказали: «Воистину!»). Если наши земные отцы оступались на этом пути, вполне может быть, что земли, по которым им довелось идти, оказывались еще более труднопроходимыми, чем мы думаем. Чем дольше мы живем, тем чаще, как я считаю, с сочувствием смотрим на ошибки наших отцов и тем лучше, как я надеюсь, различаем все то доброе, что они сумели сделать для нас.

Хороший отец должен раскрывать сыну истину о Боге Отце и учить его ходить Божьими путями, ведь рано или поздно придет день, когда у сына уже не будет рядом его земного отца (если тот когда-то и был рядом), но останутся отношения с Богом. Итак, наша жизнь обретает смысл в нашем единении с Небесным Отцом. Это главное в учении Иисуса. Далее, если наш земной отец был хорошим человеком, переход происходит довольно гладко. Если же не был, он кажется нам трудным, ведь мы переносим на Бога то, что испытали с нашими земными отцами. Это случается со многими мужчинами, даже с большинством мужчин, так что здесь не должно остаться неясностей.

Большинство мужчин, которых я знаю, с которыми имел честь работать, были лишены наставничества своих отцов, и что им теперь делать?

Радикальные изменения происходят в жизни тех из нас, кто приходит к вере в Христа. Нас принимает наш Отец, Который на небесах. Он берет нас в

Свою семью. Мы — Его сыновья. Настоящие сыновья. Мы приняли Его Духа в свои сердца (см.: Рим. 8:15). У нас есть новое наследие, ибо мы должны быть подобными Ему (см.: Рим. 8:29). Отныне мы свободны в своей любви к нашим земным семьям, ибо нам больше не нужно жить с ложным чувством вины, с ложным наследием. Наше представление о себе как мужчинах может быть исцелено. Наше представление об открывающейся для нас жизни может быть обновлено. Отныне мы идем вместе с Отцом, Который заботится о нас, понимает нас, способен нас поддержать. Теперь может начаться наша инициация.

Отец совершает инициацию Своих сыновей

«Я никогда его там не найду». Я вернулся домой после того, как целый день в одиночестве рыбачил на одной из моих любимых речек. Но я был чем-то взволнован, раздражен, бегал по гостинной, даже не могу сказать, почему. Дело было не в том, что я не поймал ни единой рыбешки. Меня глодало что-то другое. Стейси спросила:

— Дорогой, что случилось?

— Не знаю, — ответил я, рухнув в кресло. Долгая минута тишины, а потом эта фраза: — Я никогда его там не найду.

«Он» — это мой отец. Мое признание стало неожиданностью для меня самого. Я и представления не имел о том, что ищу своего отца — все эти годы, на реках и озерах, с удочкой в руке. Ибо с рыбной ловлей было связано единственное время в моей жизни, когда у меня действительно был отец. Но ведь эти дни лет тридцать как канули в Лету и уже никогда не вернуться. Что же со мной происходит?

Я больше не хочу жить без отца.

Понимаете, мы по-прежнему нуждаемся в отеческой заботе. Все мы. И даже в большей степени, чем мы думаем. Многие в нас все еще пребывают в сиротском состоянии, многие нуждаются в инициации. Это так же верно для семидесятилетнего старика, как и для шестнадцатилетнего юноши. Мы — «незавершенные» мужчины. И поистине Отец уже очень давно заботится о нас как Своих сыновьях, по крайней мере, стремится к этому. Я предлагаю вам по-новому посмотреть на свою жизнь в качестве мужчины. Увидеть ее как процесс мужской инициации, инициации, которую совершает ваш истинный Отец. Вас, как Вальяна, Он зовет в путь.

«Для меня это звучит так, будто вы говорите по-французски», — так ответил мне мой друг Сэм. Я его понимаю. Возможно, все это видится вам как бы на удалении многих световых лет от вашего жизненного опыта. Но, в сущности, это должно дать вам надежду, ведь то, что нам нужно, превосходит то, что мы уже пережили. Нам нужно, чтобы у нас был отец. Нам нужна инициация. Чтобы прийти к этому, мы должны принять в свое сердце три данные нам в Писании истины. Во-первых, через труд Христа нам открыт путь домой, к нашему истинному Отцу. Мы получили Духа усыновления и, соответственно, все права сыновей. Во-вторых, мы свободны от всех ограничений со стороны наших земных семей, свободны следовать за Богом, свободны стать теми мужчинами, быть которыми мы рождены, превзойдя наше семейное наследие. В-третьих, вспомните основной посыл этой книги: наш истинный Отец воспитывает нас как Своих истинных сыновей.

...Сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает.

Евр. 12:5-6

Мы — «незавершенные» мужчины. Послание к Евреям гласит, что Бог завершает в нас Свой труд. И снова Джордж Макдональд объясняет, что нам готовит наш Отец:

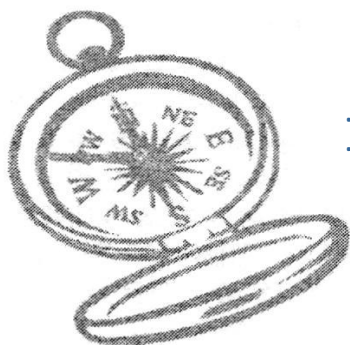
Он делится с нами частью Своего существа и Своей природы — мы будем сильными там, где Он считает нужной силу, ласковыми и милосердными, как Он ласков и милосерд, яростными, как Он, когда Он в ярости. Даже в мелочах Он даст нам способность делать все, что мог делать на земле Его Сын Иисус, жизнь Которого была жизнью человека совершенного, дела Которого были делами совершенной человечности... Когда мы начинаем думать вместе с Ним, когда разум сына становится таким же, как разум Отца, когда дела сына становятся такими же, как дела Отца, тогда это сын своего Отца, тогда мы — сыны Бога.

Каждый мужчина когда-то был ребенком. Идея состоит в духовном взрослении: *только когда ребенок становится мужчиной, он по-настоящему и полностью становится сыном.*

«Непрочитанные проповеди»

Наш Отец пришел за нами, и начала совершаться наша инициация. Теперь нам более ясна ее суть и мы ближе к Богу. Перед нами открылись горизонты. Разумеется, это рискованное дело — такая перестройка нашего взгляда на жизнь как процесс мужской инициации, такое обращение к Богу как к нашему Отцу. Но немного найдется других истин, которые давали бы мужчине столько надежд, сколько эта.

Отец, пусть так. Пусть так. Не знаю, насколько я в это верю, но мне ясно одно — мне нужен отец. У меня еще столько проблем, решение которых требует отеческих наставлений. И я не хочу больше жить без отца. Так приди же ко мне и помоги мне преобразиться. Устами Иисуса призови меня домой, чтобы я стал Твоим сыном. Я это принимаю. В ответ я отдаю Тебе свою жизнь, чтобы стать Твоим истинным сыном. Будь мне Отцом. Будь мне Отцом.

3 МАЛЬЧИШЕСКОЕ ДЕТСТВО

Храни меня как зеницу ока...
Пс. 16:8

Когда я был мальчишкой, мой отец работал коммивояжером, продавал канцтовары, а потом товары для садоводов. В нашей семье росли еще две мои старшие сестры, я же был единственным сыном, и с приходом лета отец брал меня с собой в поездки по западным штатам — по Орегону, Айдахо, Колорадо, Вайомингу и Монтане. Для меня наступало время великих приключений. Вдвоем с отцом. Я был у него штурманом, изучал дорожные карты, которые в те времена можно было бесплатно получить на любой бензозаправке (тогда на заправках также проверяли уровень масла — много кто об этом помнит?). Мой отец любил ловить рыбу и с приближением выходных планировал маршрут так, чтобы мы оказались поближе к озеру или реке. На выходные мы разбивали лагерь и рыбачили от души, в полное свое удовольствие, то есть от рассвета до заката. На обед отец готовил сэндвичи с омлетом, а иногда — с консервированным колбасным фаршем, который я обожал. Спали мы в палатке. А если нам не удавалось ничего поймать, отец отвозил меня на рыбную ферму «Harry Jack», чтобы я там выловил хоть сколько-то рыбок (только спустя

несколько десятилетий, уже сам став отцом, я узнал, что на самом деле нужно было *платить* за все, что вы там поймали).

Для мальчишки лето тянется целую вечность. Как эхо нескончаемых дней эдемских чудес. Мне казалось, что мы, я и мой отец, странствуем многие месяцы, ночуя в «Roadway» и «Holiday Inn», а еще лучше – в небольших мотелях, таких как «Moe's Alpine Chalet», где мог прямо под окнами течь ручей. Никаких тебе домашних заданий. Никаких забот. Питались мы в «A&W» (нам обоим нравился шипучий рутбир⁷). Мы тогда увлекались минералогией и потому заглядывали в каждый уголок на плато, чтобы поискать искристые обсидианы или жеоду. После долгого путешествия мы с отцом сворачивали в сторону дома и двигались по восточным землям Орегона, где у его отца было ранчо и где меня оставляли до конца лета.

Во времена моего мальчишества это ранчо было местом нескончаемых приключений. Позже оно станет главным местом воспитания Ковбоя. У моего деда были лошади, и скот, и конюшни, и тракторы, и выгон с огромным лугом, тянувшимся, казалось, за горизонт. К одному из пастбищ примыкал водоем — небольшой пруд, наполовину заросший рогозом, для мальчишки — место таинственное и чарующее. Там водились огромные лягушки-быки, а иногда появлялась крупная голубоватая цапля, неподвижно застывающая, словно фонарный столб, в ожидании зазевавшегося сома. Рыб в этом пруду, должно быть, плавали целые сотни — собственно, даже слишком много, потому что они не вырастали длиннее семи-восьми дюймов, но их размер для меня мало что значил. Мне нужно было само это изобилие. Накопив близ дома в мягкой влажной земле по бокам ирригационной канавы дождевых червей, я в старой жестянке из-под кофе «Борете» нес их на пруд, где ловил рыбу на поплавокую удочку. Мне так нравилось смотреть на эти старые красно-белые полавки, почти неподвижно замирающие на поверхности воды, и ждать, когда они — дерг! дерг! — скроются в глубине, сообщая мне, что моя добыча уже на крючке.

Давным-давно, во время оно, я королем был леса и полян
С цветами и травой
На реках вдруг пролившегося света.
И я был юн, и безмятежен, и славен меж амбаров
Счастливого двора, где песню пел об отчем доме
Под солнцем, юным только раз,
Ведь время
Позволяло мне по милости своей играть и золотеть.
Я — золотой охотник и пастух,
Телят я окликаю звучным рогом, с холмов несется лисий лай,
И дня воскресного неспешный слышен перезвон
От камешков священного ручья.

Дилан Томас, «Папоротниковый холм»

Безопасный мир

Наш путь к возрождению сыновства мы начнем со взгляда в прошлое, на то, какой была наша мальчишеская жизнь и, что важнее, какой она *должна была* быть. Ведь столь многое из того, с чем мы теперь подходим к жизни в качестве мужчин, было заложено в нашем детстве — как хорошее, так и не очень. Мы хотим вернуть то, что было хорошо, и найти исцеление для всего остального.

Мальчишеское детство — это время открытий и чудес, и быть мальчишкой — значит быть первооткрывателем от момента, когда малец придумывает, как незаметно прокрасться по лестнице (это момент быстропроходящий), до момента, когда он открывает, что, перепрыгнув через забор на задворках сада, может спуститься к дому Джимми, где у них тайком построена крепость. Когда Бог поместил Адама в Эдемский сад, Он поместил Своего сына в мир, который в одно и то же время был надежным и безопасным, но полным приключений и тайн. В нем не существовало причин

⁷ Рутбир (root beer) — сладкий газированный напиток, ароматизированный кореньями и кожурой плодов различных растений.

бояться чего бы то ни было и имелись все основания для того, чтобы дерзать. Как сказал Марк Твен, «в [правильно складывающейся] жизни каждого нормального мальчика наступает пора, когда он испытывает безумное желание пойти куда-нибудь и порыться в земле, чтобы выкопать спрятанный клад»⁸. (Кто из вас в своем мальчишеском детстве не надеялся на то, что где-то во дворе зарыто или на дедушкином чердаке припрятано сокровище?) Зло — на это время — приперто к стене. Таков мир, предназначенный Богом для мальчишек, и этот мир устроен так, чтобы сила защищающего вас отца дала вам почувствовать себя в полной безопасности.

Именно в эту пору жизни каждый из нас должен узнать, что он — Возлюбленный сын, которого отец бережет как зеницу ока.

Мой друг Барт, брат которого был на четыре года его старше, однажды мне сказал:

— В детстве меня не покидало чувство, что я живу в тени своего брата. — У старшего брата было больше успехов в спорте, и Барт постоянно ощущал, что отцовское одобрение всегда достается старшему. — Но был у меня в те годы период, когда брат пошел в школу, а мне было еще рано — мне тогда было четыре или пять лет, и я целые дни проводил на семейной ферме с отцом. Два года отец был в полном моем распоряжении. Утром он будил меня и брал с собой на ферму. Я помню наш трактор — тогда, в начале пятидесятых, у тракторов еще не было таких кабин, как сейчас, и нужно было ехать на открытом сиденье, а вокруг грохотали всякие движущиеся части. Меня, мальчишку, это приводило в полный восторг. Страшновато, конечно, но между коленями отца я чувствовал себя в безопасности. Он давал мне подержаться за руль, так что я мог думать, будто сам управляю этой огромной и мощной машиной.

Семья Барта жила на западе Техаса, и он вспоминает, как они заехали в гости на ферму его дяди милях в двадцати от дома, и тут по радио передали предупреждение о торнадо.

— Семья дяди отнесла в погреб матрасы, приготовившись там отсиживаться, и принялась уговаривать нас остаться у них. Но отец хотел вернуться домой, где нас ждали моя мама и брат. Мы уже ехали домой, как вдруг увидели смерч, движущийся по равнине примерно в миле от нас. Отец вытащил меня из машины и посадил рядом с собой на подножку нашего пикапа. Он крепко меня обнял, и мы вместе смотрели на этот смерч, разрушивший городок Коттон-Сентер. Рядом с отцом я чувствовал себя в такой безопасности!

Чувствовать себя в безопасности рядом с отцом — вот что значит быть Возлюбленным сыном.

Летом у нас на ранчо я спал в подвале на огромной продавленной от старости кровати с медным изголовьем и белым шелковым одеялом. Я, конечно, был уверен в том, что все сокровища спрятаны где-то здесь — в рядах банок со всеми этими заготовленными моей бабушкой консервированными персиками, абрикосами, фасолью. В подвале стояла влажная прохлада, что было особенно приятно, когда температура в августовские дни переваливала за сорок градусов. Но в иные ночи, когда через нас прокатывалась большая гроза, от которой в старом доме дребезжали стекла, ничего приятного там не было. Я бывал сильно напуган, а спальня дедушки казалась такой далекой и даже недостижимой. Я прятался под одеялом, пока у меня не накапливалось достаточно отваги в душе и адреналина в крови, чтобы опрометью взбежать по лестнице и нырнуть в дедушкину постель. Там я снова мог заснуть, чувствуя себя в безопасности рядом с человеком, который, как я знал, мог совладать со всем на свете.

Прекрасный пример этого ощущения безопасности и надежности, которое отец дает своему сыну, можно увидеть в итальянском фильме «Жизнь прекрасна». Действие происходит во время Второй мировой войны. Мальчику там лет пять, он — сын еврея и итальянки. Когда всю семью везут в концлагерь, отец прячет сына среди отправляемых туда мужчин, чтобы не разлучаться с ним и иметь возможность хоть как-то его защищать. В концлагере отец много месяцев спасает сына от творящейся вокруг них жестокости. Там, в царстве тьмы, мальчик проявляет удивительную невосприимчивость ко злу, полностью доверяя доброте отца и играя с ним в нескончаемую игру, которую они вместе придумывают.

Обеспеченная силой отца, безопасность позволяет мальчишке быть мальчишкой и создает мир, в котором его сердце живет полноценной жизнью. Несколько лет мы со Стейси растили наших

⁸ «Приключения Тома Сойера» (гл. 25) в переводе К. Чуковского.

сыновей в доме, где был второй этаж. Лестница туда состояла, наверное, ступенек из тринадцати. Зачастую по вечерам, перед сном, когда дети уже надели свои пижамы, мы играли с ними в игру: они отступали в глубь лестничной площадки, разбегались и... взмывали над ступеньками, летя вниз прямо ко мне в руки. Меня сражало это их доверие ко мне, эта их безграничная убежденность в своей безопасности. Когда у мальчика есть такая уверенность в собственной безопасности, в надежности оберегающей его мужской силы, для него открыт весь мир. У него есть возможность жить в нем *мальчишкой* — первооткрывателем и искателем приключений.

Мир приключений и битв

После игры в прыжки с лестницы для наших детей наступало время отхода ко сну и особого ритуала. «Давным-давно жили-были три ковбоя, которых звали Сэм, Блейн и Люк, и было у них ранчо близ Колорадо-Спрингс...» Я ложился на пол их общей спальни и придумывал истории про охотников на бизонов, про спасение из рук кровожадных индейцев, про ловлю диких мустангов в узком каньоне, с одного конца которого выход преграждает гора, а с другого — пропасть. Этого-то и жаждет сердце мальчишки — отчаянных приключений, сражений, путешествий в неизведанные края. Проведите вечер, наблюдая за играющим мальчишкой, и вы увидите немало из того, что задумал Бог, сотворив мужчину *мужчиной*, создав *мужество* и *мужественность*.

Мой сын Люк, наткнувшись на старый скейт, снял с него ролики вместе с креплением, оставив только платформу, затем провел энергичные розыски старых кроссовок и скотча.

— Пап, можно мне это взять?

— А зачем?

— Для моего изобретения.

— Бери, конечно.

Щедрой рукой отматывая скотч, он прикрепил кроссовки к доске (или наоборот?), и вот он уже прыгает на батуте, выполняя все трюки сноубордистов — обратное сальто и тому подобное, — отталкиваясь элементарно прикрепленной к ногам доской. Для нашей семьи это классика жанра. Конечно, у нас есть батут, но как вывести его на качественно новый уровень? Как пережить настоящее приключение, используя то, что есть под рукой? Для мальчишки задавать подобные вопросы так же естественно, как дышать.

В моем раннем детстве, когда мне не было и шести лет, мы жили в восточном пригороде Сан-Франциско. Это были многие акры земли, после Второй мировой войны застроенной коттеджами для супружеских пар, ныне выращивающих свое многочисленное потомство. Тот бэби-бум не вышел за пределы

Пало-Альто, и там открывался простор незастроенных участков земли и пустырей, которые мы с приятелями могли исследовать часами. Всюду рос дикий анис, по вкусу напоминающий лакрицу. Мы срывали его, чтобы жевать во время наших вылазок в поисках приключений. Как и любые мальчишки на нашем месте, мы скоро нашли ход в один из дренажных каналов — в бетонную трубу, в которую был заключен ручей, некогда протекавший меж полей и рощ с калифорнийскими дубами (лаз в ограде становится для мальчишки *приглашением*, даже вызовом: «Узнай-ка, что там?»). В прудах водились головастики. Мы голыми руками ловили этих извивающихся тварей и кидали их в майонезные банки с мутной водой, чтобы отнести домой и посмотреть, как у них вырастают лапки и отваливаются хвосты, пока они не превратятся в лягушек.

Многие приключения мальчишеского детства переживаются при чтении книг. Я, например, любил «Приключения Джерри Ондатры» Т. Бургесса, «Ветер в ивах» Г. Кеннета и «Прощание с Шеди-Глейдом» Б. Пита. А вот моим сыновьям нравится серия «Redwell» о животных, оказывающихся вовлеченными в великие битвы и опасные приключения. Это напоминает нам о том, что мальчишка — также *воин*, и все игры, в которые он играет, как и все его воображаемые битвы, готовят его к тому дню, когда он перейдет на стадию Воина. Ребенок воображает себя кем-то из персонажей, и это почти всегда супергерой. Помню свой шестой день рождения. Это было 6 июня 1966 года. Проснувшись, я увидел кругом воздушные шарик, а по полу тянулась веревка, которая через дверь моей спальни вела вниз в холл, в ванную, назад, вниз в другой холл — маршрут охотника за сокровищами. К концу веревки была привязана коробка, а в ней обнаружилась моя

заветная мечта — костюм Бэтмена. Я был потрясен. Я надел этот костюм и не снимал его неделю, носясь по дому, прыгая на диванах, продираясь сквозь заросли комнатных растений и все время воспроизводя позывные Бэтмена.

Мальчишка хочет быть могущественным. В этом суть супергероев. Появление желания быть могущественным, опасным, тем, с кем приходится считаться, свидетельствует о пробуждении Воина. По-моему, первыми звуками, которые научились издавать мои сыновья, были звуки взрывов, вскоре дополненные грохотанием пулеметов, базук и прочего мощного оружия. Большинство мальчишек осваивают это раньше, чем начинают говорить. Вообразите себе карапуза, надувшего щеки и изображающего, так что из его рта вылетают капельки слюны, взрывы и пулеметные очереди: «Б-дум! Б-дум! Ту-ту-ту-ту-ту-ту!» Это, в сущности, дар, это талант, которым мальчишки наделены от Бога (когда эти звуки издает девочка, получается очень глупо). Я как-то спросил своих сыновей, что было самым лучшим в их жизни. Первый же ответ был такой: «Оружие, которое мы себе делали, все эти игры, в которые мы играли».

Когда Блейну было лет восемь, мы отправились в Диснейленд, и весь день он без умолку трещал о «кремневом ружье Дэниела Буна», которое он купит во «фронтирской деревне»⁹. Мы просили его подождать до вечера, ведь тяжело все-таки кататься на «русских горках» с четырехфутовым игрушечным мушкетом в руках, но уже к трем часам дня мы не выдержали и купили ему ружье, потому что он не переставая талдычил о нем.

Это ружье пережило несколько модификаций. После того как эпоха первопроходцев и ковбоев уступила место современному арсеналу «морских котиков» и снайперов, Блейн покрасил его в черный цвет, включая кусок пластмассовой трубы, приделанный им над стволом в качестве оптического прицела. Это ружье все еще стреляет. Я сам им воспользовался прошлым вечером, подкравшись к моим сыновьям, когда они делали домашние задания. «Ту-ту-ту! Ту-ту-ту! Ту-ту-ту!» После чего, конечно, домашние задания на добрые полчаса были забыты, ведь я объявил им войну, и они — как и все мальчишки на свете — должны были ответить на вызов.

Мир подарков

Один человек рассказал мне трогательную историю о принятом в его семье обычае. Когда вечерами отец приходил с работы, он менял свою рабочую одежду — деловой костюм — на домашнюю, и дети вытаскивали из карманов его рабочих брюк все «сокровища», которые только могли там обнаружить, — монету, ручку, запонки, жевательную резинку. Дети автоматически назначались хранителями этих «сокровищ», поэтому приход папы домой всегда был событием, ожидавшимся с волнением и надеждой. И это замечательная вещь в отношениях с отцом, особенно когда мы приходим к единению с Богом — нашим Отцом, от Которого, согласно Писанию, исходит «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный» (Иак. 1:17).

Если вы вспомните книги и фильмы, в которых изображаются подобные сцены, вы заметите, что они имеют решающее значение для осознания сыном того, как сильно любит его отец. Бальян получает от своего отца дары — меч и перстень, который дает ему право обладания всем достоянием отца, — помогающие ему поверить в то, что отец действительно считает его своим сыном. Фродо получает дары от Бильбо, своего дяди по крови, но отца по духу.

Утром за день до выступления в путь Фродо один забежал к Бильбо, и тот, плотно притворив дверь, выдвинул из-под кровати деревянный сундучок, открыл крышку и вынул меч в сильно потертых кожаных ножнах. <...>

Бильбо вытащил меч из ножен, и его искусно отполированный клинок озарил комнату холодным блеском. — Меня он часто спасал от гибели. Но сейчас тебе он нужнее, чем мне. — Фродо с благодарностью принял меч. — И вот еще что я хочу тебе подарить. — Бильбо бережно вынул из сундучка небольшой, но явно увесистый сверток, и, когда он размотал серую тряпицу, Фродо увидел кольчужную рубаху, скованную из матово-серебристых колец, — тонкая, однако плотная и прочная, она была украшена

⁹ См.: Асприн Р., Эванс Л. *Разведчики времени: Роман* / Пер. с англ. С. В. Чудова. М., 1998.

прозрачными самоцветами, а пояс к ней поблескивал светлыми жемчужинами. — Красивая, правда? — проговорил Бильбо, подойдя с кольчугой поближе к окну. — И очень полезная, можешь не сомневаться. Мне подарил ее некогда Торин...

Дж. Р. Р. Толкиен, «Братство кольца». Кн. 2, гл. 3

Впоследствии эти дары спасли Фродо жизнь.

Как-то вечером мы с друзьями собрались и говорили о наших отцах, делясь дорогими нам воспоминаниями. Морган о своем отце, имевшем обыкновение каждую неделю играть в покер, рассказал чуть ли не целую историю, которую я как раз сейчас попытаюсь вспомнить и записать. Детей отсылали спать задолго до того, как отец возвращался домой, но, наутро проснувшись, они на кухонном столе находили его выигрыш, разложенный стопками в качестве подарков каждому из детей. Сокровища. Трофеи. Дары. Без какой бы то ни было причины, кроме одной: «Вы — мои возлюбленные дочери и сыновья». А потом Гэри припомнил случай, когда он был еще очень маленьким и отец ему сказал: «Вот поспишь, а когда проснешься, увидишь, какой я тебе приготовил сюрприз». Отец сделал для Гэри веревочные качели и повесил их на дереве во дворе. «Я почувствовал, что он думает обо мне, и хочет, чтобы я был счастлив». И это тоже что-то закладывает в сердце ребенка, ведь он начинает узнавать, что жизнь — не такая вещь, которую ему обязательно надо как-то самому устроить. Есть кто-то, кто заботится о нем, есть кто-то, кто хочет его одарить. Вспомним о красивой и дорогой одежде Иосифа. Тот юноша, о котором я вам рассказывал, Сэм, не сомневался бы насчет каяка, если бы его отец в детстве хотя бы раз одарил его сокровищами.

Мой дед к тому времени, когда я его узнал, уже давно бросил курить и в качестве своего рода замены полюбил ириски «LifeSavers». Цилиндрик этих ирисок всегда лежал у него в «бардачке» пикапа. И вот едем мы себе по дороге, а он откидывает крышку и предлагает мне: «Сигарету?» Мне эти ириски очень нравились, нравятся и по сей день. На ранчо у него жил помощник, закаленный старый ковбой по имени Билл, обосновавшийся в трейлере около конюшен. Как-то летним днем симпатизировавший мне Билл подозвал меня к своему трейлеру и сказал: «У меня для тебя кое-что есть». Порывшись в карманах, он достал складной нож, долго ему служивший и порядком износившийся, и протянул мне подарок. Что за сокровище для мальчишки, ведь собственный складной нож открывает перед ним бесконечное море новых возможностей! Благодаря этому скромному подарку я был счастлив все лето.

Возлюбленный сын

Именно благодаря такому опыту сердце мальчишки слышит: «О тебе заботятся. Твои чувства важны. Отец тебя обожает». Ведь мы должны помнить, что мальчишеское детство — это, прежде всего, время подтверждения мужественности, время, когда мальчик начинает понимать, и понимать глубоко, что он действительно Возлюбленный сын.

Как я писал в «Необузданном сердце», каждый мальчишка и каждый мужчина задают себе один главный вопрос: «Есть ли во мне то, что нужно?» Именно поэтому, когда мои сыновья едут на велосипеде без рук или учатся делать на батуте обратное сальто, они хотят, чтобы я был рядом и увидел это. И все неистовства юности — прыжки в реку с обрыва, езда на мотоцикле, спортивная борьба — порождены тем же самым стремлением. Это проявление мужской потребности в подтверждении мужественности. «Есть ли во мне то, что нужно?» — безусловно, центральный вопрос, и я по-прежнему считаю, что это решающий вопрос на пути возмужания. Но на этой стадии есть более глубокая и фундаментальная потребность, потребность первоочередная, и удовлетворена она должна быть в первую очередь, иначе мальчишка не сможет с уверенностью перейти ни на одну из других стадий.

Мальчишке нужно знать, что его ценят.

Это нечто большее, чем просто любовь, любовь вообще. «Конечно, я тебя люблю, ведь ты мой сын». Мальчишка в состоянии сразу распознать малейшую фальшь. Он жаждет знать, что его *превозносят*, причем *уникальным образом*. Что в сердце отца ему отведен особый уголок, где никто и ничто не может соперничать с ним. Не имея такой уверенности, мальчишка будет неправильно

понимать предстоящие ему стадии и их уроки, ведь в качестве юноши (Ковбоя) он вскоре подвергнется испытаниям, а в качестве Воина будет сражаться и терпеть лишения. Эти испытания зачастую воспринимаются мужчинами как проявление неодобрения или равнодушия со стороны Бога, потому что в самых глубинах их сердец нет первоочередного знания, что они — действительно Возлюбленные сыновья. «Сын десницы моей», как при рождении назвали Вениамина; «сын радости»¹⁰, как думал Израиль о сыне своем Иосифе; или Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение, как Отец сказал об Иисусе.

Без этого подтверждения мужественности, без этой основы для уверенности в себе мужчина будет нетвердо держаться жизненного пути, посредством своих достижений или тысячами других способов стараясь отстоять свое достоинство, заслужить признание и любовь. Очень часто он даже не понимает, что это — его поиск. Он просто где-то глубоко внутри ощущает неуверенность в себе, руководствуется страхом и чужими мнениями, жаждет, чтобы кто-то обратил на него внимание. Он ищет утешений, и ему самому это неприятно, потому что к своим тридцати семи или пятидесяти одному разве не должен он обходиться без этого? Сохранившимся с детства уголком сердца он жаждет чего-то, что так и не получил в своей жизни.

Наши поездки с отцом по дорогам Запада, рыбалки вдвоем с ним в лодке на озерах, поиски минералов, остановки у кафе с лимонадом, все то время, которое отец уделял мне и только мне, было величайшим даром подтверждения мужественности. Это не делалось им нехотя. Он делал это не потому, что такова была его обязанность, его долг. Он хотел быть со мной. Это его радовало. Он хотел, чтобы я был с ним. Он ценил меня. В этом я никогда не сомневался, по крайней мере, пока был молод.

Я полностью согласен с тем, что в жизни мальчика мать играет исключительно важную роль. От нее он узнаёт, что такое жалость, нежность, не обусловленная никакими требованиями любовь. К кому вы побежите, когда разобьете себе коленку? Кому вы предпочтете признаться, что у вас плохи дела в школе, — маме или папе? Отец обычно воздаст по справедливости, а мама может пожалеть. Но коренным образом, существенным для нашего пути возмужания, пожалование мантии Возлюбленного сына должно осуществляться отцом. Этот отец может не быть вашим биологическим родителем — он может быть вашим отцом в другом, более верном смысле. Павел называл Тимофея своим Возлюбленным сыном, и вы можете себе представить, как это преобразовало весь мир в глазах его юного ученика (см.: 1 Кор. 4:17; 2 Тим. 1:2).

Мой дед в каком-то очень важном смысле тоже был для меня отцом. Он называл меня Джонни и был единственным, кто меня так называл. О, как я любил эти летние каникулы на ранчо! Мы рано вставали и ехали в небольшую закусочную в соседнем городке попить кофе с молоком, отведать пончиков. Закусочная «Nina's Diner» служила местом сбора фермеров, рассаживающихся у стойки и обменивающихся соображениями относительно погоды и цен на скот. Мой дед сажал меня в самую их гущу, хотя и рядом с собой. Я гордился тем, что он мой дед, и, могу вас заверить, он гордился тем, что я — его внук, его Джонни. Меня ценил человек, которого я любил. Это величайший дар, который вообще может получить мальчишка.

Но на минуту вернемся к испытующим вопросам Иисуса о нашем отношении к Богу как нашему Отцу. Иисус выглядит едва ли не озадаченным. «Вы не гораздо ли лучше их? Не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? Насколько же больше Отец ваш Небесный хочет давать дары благие просящим у Него?» Иными словами, разве вы не знаете, как к вам относится ваш Отец? Иисус это знал. По Своему жизненному пути Он шел, зная, что Он — Возлюбленный Сын, Тот, в Ком благоволение Отца. Именно это позволило Ему жить так, как Он жил. Ян Бовенмарс пишет:

У Иисуса было сердце Сына... Он знал о Себе, что Он — Сын, ощущал Себя [Возлюбленным] Сыном, обращался к Богу «Авва», то есть «дорогой Отец», жил как Сын Своего Отца. Божественные отношения Отца и Сына наполняли Его человеческое сердце;

¹⁰ В русском Синодальном переводе «сын старости» (Быт. 37:3).

это была Его тайна, Его счастье; постоянное понимание этого... определяло Его поведение.

«A Biblical Spirituality of the Heart»

Такие отношения Отца и Сына предназначены для того, чтобы и для нас составить нашу тайну, наше счастье. Нам тоже предназначено это *осознавать*. Сначала с помощью наших земных отцов, а потом, при расширении сыновних отношений, с помощью нашего Отца, Который на небесах. Но мало кто в целостности и сохранности, без тени сомнений пронес это знание через свое мальчишеское детство.

Раненые

Когда я учился в начальной школе — затрудняюсь точнее сказать, когда, так как за годы воспоминания перепутались, а события потускнели, но это могло быть в классе четвертом или пятом, — в мире вдруг что-то разладилось. Мой отец начал куда-то исчезать. История его жизни слишком длинна, чтобы здесь ее рассказывать, но после приведших к потере работы разочарований и неудач он стал пить. Пьянство затягивало его, как отхлынувшая волна тянет вас за ноги даже на мелководье. Став алкоголиком, он начал отдаляться от нас, уходить, но не на работу, а просто уходить, иногда часами в полном одиночестве просиживая в своем гараже, где просто решал кроссворды и пил. Это было началом крушения нашей семьи.

Летним поездкам пришел конец. Рыбалке пришел конец. Мама вынуждена была найти себе работу. Я ходил на занятия бойскаутов и возвращался в пустой дом. Я чувствовал себя покинутым. Мой мир больше не был безопасным. В эмоциональном, физическом, духовном плане я стал сиротой. Глубоко в моем сердце угнездилась ужасная ложь: *ты предоставлен самому себе*. Мальчик без отца живет в полном опасностей мире. Время Возлюбленного сына оборвалось, и я совсем не знал, почему. Может быть, я что-то сделал не так. Может быть, в моих силах было это предотвратить.

Чрезвычайно важно в отношении стадии Возлюбленного сына — да и, если уж на то пошло, любой другой стадии — понять одно: ее нельзя обрывать, укорачивать, не давая ей завершиться, нельзя ее красть у мужчины. Мы были созданы для того, чтобы у нас были отцовская любовь и мальчишеское детство, чтобы мы впитывали их годами, усвоили все их уроки, навсегда запечатали их в своих сердцах, а потом перешли с этой стадии на следующую, унося с собой все сокровища предыдущей. Нам было предназначено перейти на очередную стадию инициации с *помощью наших отцов*.

Увы. Назовите известных вам мужчин, с которыми все так и было.

В подавляющем большинстве случаев эта стадия оказывается *украденной*. Как скоро изведаль Иосиф предательство и рабство после того, как отец подарил ему разноцветную одежду — знак своей отцовской любви? Мы в точности не знаем, сколько тогда прошло времени, но эти события описаны в одной и той же главе Книги Бытие и вряд ли даже разделены промежуточными стихами. В итоге возникает резкий сюжетный контраст: время Возлюбленного сына оборвано предательством.

Сердце мальчишки может быть ранено по многим причинам. Рана появляется, если он не живет в мире, который безопасным сделал его отец, если у него нет свободы исследовать и дерзать и просто *быть мальчишкой*, если он вынужден слишком рано взрослеть. Если такой мир у него был, но все закончилось из-за внезапного удара по этой безмятежности, появляется рана. И тем более мальчик бывает ранен в самое сердце, если он так и не узнал, что он — Возлюбленный сын. Иногда раны наносятся намеренно, зачастую — нет, но такова история многих мальчишек, многих мужчин, живущих так далеко от Эдема, а сейчас читающих эту книгу.

Я вспоминаю молодого человека, которого много лет назад консультировал как психолог, умного и одаренного, но также слишком серьезного и целеустремленного. До предела требовательного к себе. Когда ему было двенадцать лет, отец ушел из семьи, просто перешагнув порог и не вернулся, так что мальчику пришлось работать, чтобы семья сводила концы с концами. После занятий в школе он стриг соседям газоны и находил себе еще какую-то подработку. Каждое

лето он работал спасателем на местном пляже. Он рассказал мне, что летом у него никогда не было времени для игр, он не ходил с друзьями поедать мороженого и ни разу к ним не присоединился, когда они лезли в воду купаться. Но в бойскаутах он занял высшую ступень — стал Орлом, в школе получал отличные оценки, много трудился. И никто не видел его трагедии. Мальчишка, пытающийся быть мужчиной и держать на своих плечах мир.

Нельзя вынуждать мальчишку слишком быстро взрослеть. Это тема прекрасного фильма «Волшебная страна», в котором мальчик лишается детства из-за болезни и смерти матери. Он становится мужчиной в том смысле, что закрывает свое сердце на засов, чтобы оно больше никогда не было разбито, и ведет себя как взрослый. Фредерик Бюхнер так описывает последствия чрезмерно раннего требования стать взрослым, которые он увидел на изображениях своего отца:

Даже на фотографиях, где он маленький, он выглядит озабоченным, неулыбчивым, как будто знает, что, как только сработает затвор, все начнется заново. Моя бабушка взвалила на него, как я подозреваю, совсем недетскую долю своего тяжелого бремени, а его младшие братья и сестры искали в нем некую силу, некую устойчивость, которые он вынужден был черпать откуда-то изнутри себя. Вряд ли в том возрасте, как я могу лишь догадываться, у него была достаточная сила хотя бы для самого себя.

«Священное путешествие»

Пару месяцев назад я и несколько близких мне людей сидели вечером у камина и делились своими мечтами. Тему беседе задал вопрос «Какой жизнью ты хотел бы жить?» Речь не шла о яхтах и Багамах. Мы говорили о поисках Божьего предназначения в нашей жизни, о стремлении жить такой жизнью, для которой мы были созданы. Оказалось, что особенно трудно осуществить свою мечту Крейгу. Когда мы мягко преодолели его нерасположенность объясняться, он нам признался: «Я просто не верю, что что-то хорошее может оказаться правдой». Это было его глубокое убеждение, которое формировало его жизнь со времени, когда ему исполнилось восемь лет. У этого есть своя история. Отец Крейга погиб на войне, когда сыну было семь или восемь месяцев, — об этом Крейг узнал однажды вечером. Его мать и человек, которого он считал своим отцом, усадили его, восьмилетнего мальчика, на диван в гостиной и сказали: «Человек, которого ты зовешь папой, — тебе не отец. Твой настоящий отец погиб на войне. Это твой отчим».

«Во всех подробностях помню комнату в тот день — помню, как выглядел диван, и попугай в углу. Время замерло. Оглядываясь назад, я понимаю, что это был поворотный момент в моей жизни. Каким-то ужасным образом это был ее решающий момент. Я тогда умер». Внезапный удар по безмятежности, и мир мальчишки сбивается со своей орбиты, никогда больше на нее не возвращаясь. И, наконец, есть раны, появляющиеся, когда мальчик очень хорошо знает, что он — не Возлюбленный сын. Не далее как на прошлых выходных я разговорился с человеком, который в возрасте пятидесяти пяти лет начал это понимать. Его родители были миссионерами в Южной Америке, и большую часть времени отец отсутствовал «по церковным делам». «У меня было ощущение, что они [боливийцы] для него важнее, чем я. Он никогда со мной не играл, вообще редко бывал дома. Меня не покидало ощущение, что если у моего отца и есть в бумажнике фотокарточка, то это фотокарточка какого-нибудь боливийского ребенка». Он никогда не ощущал одобрения отца. До сих пор этому человеку трудно обратиться к Богу как к доброму и любящему Отцу, «потому что этот Бог отнял у меня отца».

Такого рода отчуждение может быть скрытым, может маскироваться занятостью отца «более важными делами» или просто его отсутствием. Один мой друг рассказывал мне обо всех вечерах, которые провел, сидя у кабинета отца с запертой изнутри дверью. Отец был одержимый работой человек, трудоголик, и на сына у него не оставалось ни времени, ни нежных чувств. Сквозь слезы друг описывал мне, как девяти-десятилетним мальчиком он сидел у отцовского кабинета, писал записочки и просовывал их отцу под дверь, надеясь, что однажды придет ответ. Ни одного ответа он так и не получил. Ни одного. Ни разу. Ответ был ясен и так: «Я тебя не ценю. Ничто связанное с тобой меня не заботит. Ты никогда не был и не будешь моим Возлюбленным сыном».

И еще есть истории о насилии, о сыновьях, которых насиловали или избивали их отцы. О сыновьях, которые год за годом выносили эмоциональные пытки, на которых вечер за вечером кричали: «Ты бесполезный кусок дерьма!» Какими бы ни были подробности этих историй, мальчики были в них лишены отцов и глубокого основополагающего благословения чувствовать себя Возлюбленными сыновьями. Это первый и самый сокрушительный удар врага рода человеческого по душе мужчины.

Зло в основе всякого зла

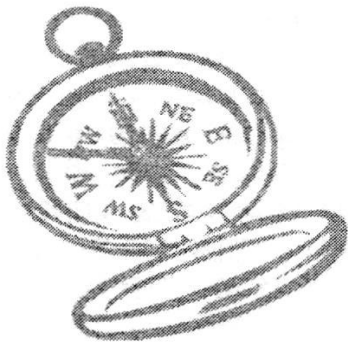
В мифологической истории «Король Лев» львенок Симба теряет отца из-за убийства, задуманного его дядей Скар, олицетворяющим силы зла. Скар устраивает так, чтобы львенку грозила смерть от бегущих в панике животных. Он знает, что его отец Муфаса рискнет своей жизнью ради спасения сына. Он рискует, и Симба спасен, но сам Муфаса убит. Тогда Скар набрасывается на Симбу, обвиняя его в минуту такого страшного отчаяния и уязвимости в том, что он стал причиной смерти своего отца. Несчастный, испуганный, мучимый чувством вины, Симба убегает из отчего дома.

Такова главная цель врага рода человеческого — отлучить нас от Отца. Он пользуется нашей заброшенностью, чтобы шепнуть: «Вот видишь — никто о тебе не заботится. Ты не стоишь ничьей заботы». Он пользуется внезапными ударами, чтобы шепнуть: «Этот мир очень опасен, и ты в нем одинок. Ты брошен». Он нападает на мальчишку, чтобы крикнуть ему: «Это все, чего ты заслуживаешь». И таким манером он не позволяет нам узнать то, что знал Иисус, делает для нас таким трудным возвращение в отчий дом, к сердцу Отца. Подробности историй у каждого свои, но итогом всегда становится рана в душе, а с ней — отделение от Отца и подозрительность.

Но Бог не хочет просто так позволить, чтобы этим все закончилось. Ни у одного мужчины. Вспомним, чему учил нас Иисус в притче о блудном сыне: «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15:20). Исполненный сострадания, наш Бог придет как любящий Отец и приблизит нас к Своему сердцу. Он также вернет нас назад, чтобы исцелить наши раны, завершит то, что осталось незавершенным. Он придет к мальчишке, сколько бы тому ни было лет, и сделает его Своим Возлюбленным сыном. Поэтому сейчас стоит помолиться.

Отец, что я пропустил здесь, на этой стадии? Знал ли я, что я — Возлюбленный сын? Верю ли я в это хотя бы сейчас? Приди ко мне. Поговори со мной. Верю ли я в то, что Ты желаешь мне блага? Безмятежно ли моему сердцу в Твоей любви? Чем было ранено мое сердце в моем мальчишеском детстве? Иисус, Ты, Который приходил исцелить разбитые сердца, приди ко мне. Исцели в моем сердце эту рану. Возроди меня как Возлюбленного сына. Будь мне Отцом.

4 СТАНОВЛЕНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОГО СЫНА

*Не дорогой ли у Меня сын Ефрем?
не любимое ли дитя?.. внутренность Моя
возмущается за него; умилосержусь над ним,
говорит Господь.*

Иер. 31:20

Основанный на подлинных событиях фильм «Антуан Фишер» — это история о сердитом молодом человеке с израненной душой, который наконец-то стал Возлюбленным сыном. Когда мы впервые видим Антуана, ему немного за двадцать. Он дослужился до флотского старшины, но дослужился с трудом. С трудом, потому что жил в разладе с самим собой и из-за этого с кулаками бросался на все и вся, что только могло его на это спровоцировать, наступив на его хрупкое ощущение своего «я». Далек не лучший характер для успешной военной карьеры. После очередного скандала Антуана направляют к психологу военно-морской базы, и с этого начинается его путь к искуплению.

Знакомясь с историей Антуана, мы видим маленького мальчика, чей отец умер еще до его рождения, мальчика, брошенного матерью и выращенного чернокожим пастором и его женой — жестокой женщиной, которая за мелкие и даже воображаемые провинности безжалостно, до потери сознания, избивала Антуана и его брата. Нет нужды говорить о том, что Антуан никогда не чувствовал себя Возлюбленным сыном. Расстояние между детством Возлюбленного сына и детством Антуана так же велико, как расстояние между небесами и преисподней, и эта зияющая пропасть породила другую зияющую пропасть — в его душе. Именно из-за этой глубокой и ранней травмы он обозлен. Когда такой молодой человек, как Антуан, подвергается испытаниям (а все молодые люди подвергаются испытаниям, тем более на военной службе), он ощущает, что испытание направлено против его личности. Маленький мальчик внутри него любую проблему воспринимает как угрозу, как еще одно опровержение его мужского начала: «Ты — не Возлюбленный сын. И никогда им не будешь». От этого молодой человек приходит в ярость.

Антуану снится один и тот же многое проясняющий сон. В нем он — маленький мальчик лет семи, одиноко стоящий посреди поля (сироты часто чувствуют себя одинокими, и мужчины с неисцеленными душами чувствуют одиночество даже в компании друзей). Потом Антуан видит себя по-прежнему юным сиротой, но вошедшим в большую и счастливую семью, на какой-то торжественной семейной встрече — перед ним накрытый для праздничного обеда стол. Символ принадлежности, символ возвращения домой. Антуану отводят почетное место за столом, перед ним ставят блюдо с горкой оладий, сочащихся растопленным маслом и кленовым сиропом. Это в свою очередь символ того, что его ценят, его одобряют, что он без малейшей тени сомнений Возлюбленный сын.

Это прошлое, которого у Антуана никогда не было, урок, который он должен усвоить, прежде чем сможет продолжиться его жизнь.

Я назвал эту главу «Становление Возлюбленного сына» по двум причинам. Во-первых, потому, что многие из вас, читающих эту книгу, в настоящее время воспитывают сыновей (как и я сам) и на ее страницах надеются найти мудрость, позволяющую хорошо это делать. Мы будем растить мальчишек, которые будут мальчишками и которые всегда будут твердо знать, что они — Возлюбленные сыновья. Но в названии этой главы есть и другой смысл. Не только «становление», но

и «восстановление». Чтобы стать Возлюбленным сыном, нужно возродиться. Восстать из мертвых. Множество мужчин ни разу не испытали, в каком счастливом и безопасном мире живет Возлюбленный сын, и поэтому им никогда не доводилось просто быть мальчишками — во всей полноте и со всей свободой этого возраста. Они могут быть раздражительными, как Антуан; они могут быть неуверенными в себе; они могут искать любви у женщин или мужчин. В своей жизни они могут быть отличниками или двоечниками. Они повсюду вокруг нас, и каждому из них все еще нужно пройти эту стадию. Мальчик внутри такого мужчины должен быть воскрешен из тех глубин души, куда он спрятался, где был заперт, и тогда этот мужчина сможет «жить своей жизнью». Затаившийся внутри мужчины мальчик должен быть возрожден в качестве Возлюбленного сына.

Именно это в продолжение истории произошло с Антуаном. Психолог, с которым он начал встречаться, стал для него кем-то вроде отца, и его симпатия к Антуану, его добрая забота о нем, советы и просто благожелательное присутствие оказались главным источником исцеления души Антуана и его убежденности в том, что он — Возлюбленный сын. В конце концов Антуан отправился на поиски своей утраченной семьи, и благодаря своим тетушкам и дядюшкам, кузинам и бабушке для него произошло своего рода «возвращение в отчий дом». Вплоть до того праздничного обеда.

С христианской точки зрения я рассматриваю все произошедшее с Антуаном — благожелательное присутствие сочувствующего ему мужчины, повторяющийся сон, возвращение в отчий дом — в качестве иллюстрации к тому, как много средств использует Бог, чтобы со Своей исцеляющей вестью достучаться до наших сердец. Но я бы сказал, что, во-первых и в главных, прежде любого человека, или семьи, или каких-то важных событий именно Бог принимает нас и говорит: «Ты — Возлюбленный сын». Он доносит это до нас через слова, звучащие в наших сердцах, через тексты Писания, неожиданно приобретающие для нас новый смысл, через события, передающие нам Его радость. Мы начинаем понимать, что Он нам улыбается, что Он хочет приблизить нас к Своему сердцу.

Сердце взрослого мужчины

Один мой знакомый, прочитав «Необузданное сердце», пришел к своему престарелому отцу и сказал ему, как отчаянно нуждается в его любви и одобрении. Он описал отцу понравившуюся ему сцену из фильма «Храброе сердце», где Эмиш, ближайший друг Уоллеса, получает от своего отца благословение: «Я могу умереть счастливым человеком, видя, каким мужчиной ты стал». А потом мой знакомый попросил своего отца сделать то же самое и для него — дать ему отцовское благословение. И что же он услышал в ответ? Молчание. Его отец молча сидел и глядел в пол. Потом он сказал: «Я не могу. Мой отец для меня этого не сделал».

Поэтому лучше, наверное, начать с вашего сердца взрослого мужчины, ведь все мы знаем, как трудно дать то, чего сам никогда не получал, хотя я знаю многих людей, доблестно старающихся это сделать.

Позвольте мне добавить несколько штрихов из моей собственной биографии. Вы помните о тех моих летних поездках с отцом, о многих часах рыбалки рядом с ним, о том, как ясно все это говорило мне: «Ты — Возлюбленный сын». Теперь вы поймете, каким ударом было для меня, когда в четвертом или пятом классе начал рушиться этот мир. Поездки на рыбную ловлю прекратились. Я терял своего отца. Думаю, что некоторым образом я сильнее чувствовал свою утрату из-за того, что какое-то время вдохновлялся одобрением моего отца, а потом и самого отца уже не было рядом со мной. Возвращаюсь к Главе 1 — в ней я рассказал о том, как хотел научиться ловить форель на искусственную муху, и вспомнил случай с парнем, который отечески наставлял меня на реке Саут-Платт. Теперь вы понимаете, почему произошедшее тогда было для меня так важно? Все это лечило рану в моей душе. Бог не стал давать мне уроки тенниса. Он устроил для меня рыбалку, детский урок рыбной ловли. Мне любопытно, как это выглядит в вашем случае? Возможно, рыбалка очень далека от того, чего жаждет ваша душа, но все же какие отеческие наставления вам сейчас пришлось бы по сердцу?

Не дорогой ли у Меня сын Ефрем?
не любимое ли дитя?

ибо, как только заговорю о нем,
всегда с любовью вспоминаю о нем;
внутренность Моя возмущается за него;
умилосержусь над ним...

Иер. 31:20

Подставьте в первую строку вместо Ефрема (название Божьего народа, к которому принадлежите и вы) свое имя. Представьте себе, что это вами так дорожит Бог, это о вас Он всегда вспоминает с такой любовью. Именно это и проповедовал Иисус: у вас есть добрый и любящий Отец, Который с великим чувством заботится о вас. В эту минуту Он стремится быть вам Отцом. Он приблизится к вам, если вы не отвернетесь от Него. Сколько бы лет вам ни было, ваш истинный Отец хочет, чтобы вы узнали, что значит быть Его Возлюбленным сыном, и испытали все радости мальчишеского детства. Но для этого требуется открытое сердце, которое возвращает нас к самым глубоким нашим ранам, к тому цинизму и апатии, из-за которых наше сердце давным-давно закрыто на засов. Бог же стремится к тому, чтобы дать Свою любовь и исцеление тому выросшему без отца мальчишке, который живет внутри нас, мальчишке, которому по-прежнему нужно знать, что он — Возлюбленный сын.

И поэтому вам, может быть, стоит начать с вопросов: «Был ли у меня отец, с которым мир вокруг был безопасен?», и «Чувствовал ли я, что я отцу очень дорог?», и «Было ли мне дано прожить свое детство мальчишкой, было ли оно таким, каким должно было быть?». Возможно, вам стоит записать

ответы на эти вопросы, в особенности на вопросы уточняющего типа: «Почему да или почему нет?». Расскажите свою историю хотя бы самому себе — и Богу.

Наш Отец многое сделает для того, чтобы вновь обратить нас к этому скрытому в наших сердцах стремлению — стремлению быть с отцом, быть для него родным и дорогим человеком, быть Возлюбленным сыном. Для меня все это есть в фильме «Там, где течет река». Бог может взывать к вам с помощью истории, до ужаса похожей на вашу, которая что-то вам о вас же расскажет. Так произошло с моим другом по имени Пол, пришедшим на одно из наших собраний и увидевшим сцену из фильма «Умница Уилл Хантинг». По правде говоря, Пол собирался было уйти с мероприятия. Слишком многое в нем всколыхнулось, и ему не хотелось оставаться. Он направлялся к выходу, когда показ дошел до сцены, в которой на Уилла набрасывается его отчим и ранит его, и тут Пол сел на ступеньки и заплакал, ведь такова была его собственная история. Наш Отец проник в его израненное сердце, в его глубины, чтобы Пол не боялся открыть свое горе и показать этот уголок своего сердца Богу. В тот день Пол стал христианином.

Возрождение мальчишки

В своих снах Антуан видит себя маленьким мальчиком, лет пяти или шести. Именно в этом возрасте была надломлена его душа. На столько лет он себя и чувствует, когда позволяет ожить скрывающейся внутри него боли. Уверен, что это больше, чем просто ощущение. Уверен, что какой-то части его души действительно лишь шесть или семь лет. Когда с нами происходит что-то ужасное, особенно в детстве, это может сокрушить наше сердце. В самом буквальном смысле слова. В душе что-то разрывается, и мы словно застываем в том возрасте, в котором на нас обрушился удар.

Не было ли с вами такого, что вы вдруг почувствовали себя маленьким мальчиком? Может быть, кто-то разозлился на вас и угрожает вас бросить, совсем как это было в вашем детстве. Может быть, вас попросили обратиться с речью к большой аудитории, а вас сковала ужасная стеснительность. В мужской компании весело шутят и смеются, но вы просто не в силах в нее влиться. Произошло что-то слишком похожее на то, что в детстве причинило вам сильную боль, и в этот момент вы совсем не чувствуете себя взрослым мужчиной — вы ощущаете себя маленьким мальчиком. Причина этих ваших ощущений состоит в том, что какой-то частью своего «я» вы все еще остаетесь маленьким мальчиком.

Вот почему обычные психологические консультации зачастую не дают устойчивых результатов.

Дело в том, что понимание не равносильно исцелению. Прояснение не равносильно возрождению. Многие мужчины понимают, каковы их душевные раны, и могут говорить о них с полной ясностью. Они знают, что произошло, какова была их жизнь с отцом... или без него. И все же они остаются «незавершенными» мужчинами: их преследуют воспоминания — их души искалечены ранами. Вредные привычки остаются, страх остается, цельности натуры как не было, так и нет. И, кстати говоря, чтобы душа стала надломленной, не обязательно серьезные удары, такие как сексуальное насилие. Многие мужчины полагают, что по-настоящему они не надломлены, так как не пережили тех ужасов, о которых рассказывается в газетах или с телевизионных экранов. В зависимости от возраста или обстоятельств критическим событием может стать момент, когда вы, выступая перед классом, начали заикаться, или просто услышанное от матери резкое слово.

Так вспомним же: человеческое сердце создано для того, чтобы взрастать в безопасном и добром мире, в мире, где нас любят, где нас знают и часто хвалят, в мире, сильно отличающемся от того, в котором на самом деле вырос любой из нас, живущих так далеко от Эдема. Сердце — вещь нежная, его так легко изранить, особенно пока мы еще дети.

Именно поэтому Иисус стремится исцелить сокрушенных сердцем:

Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы...

Ис. 61:1

Одного лишь понимания того, что мальчишке необходимо расти в мире, безопасном благодаря его отцу, в мире, полном неожиданных приключений, но наполненном, прежде всего, отцовской любовью, — этого понимания для нашего возрождения недостаточно. Одного лишь понимания того, что в детстве мы действительно пережили какие-то болезненные удары, тоже недостаточно. Нам нужны другие средства исцеления. Нам нужно, чтобы к спрятавшемуся внутри нас маленькому мальчику пришел Бог.

Как именно Бог приходит исцелять человеческие сердца — это глубокая тайна, но бывает это примерно так. Зачастую Он инициирует некое событие, чтобы мы почувствовали то же самое, что чувствовали в детстве, когда было сокрушено наше сердце. Снова чувствуя то, что мы чувствовали тогда, испытав наплыв воспоминаний, мы имеем возможность не подавлять их в себе, не бежать к холодильнику за тортом, ни на кого не злиться (как мы обычно поступаем под воздействием негативных эмоций). Вместо этого мы приглашаем Бога приблизиться к нам, найти спрятавшегося внутри нас осиротевшего мальчика и привлечь его к Себе. Мы просим Отца прийти, и обнять нас, и вернуть в отчий дом — исцелить наши сокрушенные сердца¹¹. Может быть, нам стоит начать с такой молитвы:

О, Отец, это так — Ты нужен мне. Мне нужна Твоя любовь, мне нужно, чтобы Ты пришел к спрятавшемуся внутри меня мальчику. Где бы он ни скрывался, что бы ни держало его там, приди к нему, Отец. Я даю Тебе на это свое согласие. Отныне я также отказываюсь от того, что отвергал его в себе, отталкивал его от себя. Я хочу увидеть его возрожденным. Приди и обними его. Дай мне понять, что я — Твой Возлюбленный сын.

Наш Отец исцеляет нас разными способами: иногда сразу же, с помощью молитвы, в иных случаях — на протяжении многих месяцев, когда Он говорит с нашим сердцем, ниспосылая нам дары, помогая осознать, что у нас на душе, и пробуждая в нас воспоминания. Наша задача — не отмежевываться от факта, что зачастую внутри нас прячется мальчик, нуждающийся в любви Отца,

¹¹ Этот процесс гораздо подробнее я описываю в *Главе 8* книги «Waking the Dead» [переведена на русский язык и выпущена издательством «Шандал» под названием «Пробуждение к жизни»], что может оказаться полезным для вас. — *Примеч. авт.*

воспитывать в себе знание о томлении нашего сердца, желающего получить одобрение, и смотреть, какими путями наш Отец приносит Свою любовь в оставшиеся юными уголки нашего сердца.

ОТКРЫТОСТЬ

Несколько месяцев назад я с семьей совершил туристическую поездку по заповедным местам Тетона¹². Мы чудесно провели там время, и у нас просто радовалась душа, но как ни хотелось нам подольше оставаться в этих краях, мы упаковали снаряжение и приготовились к отъезду. Дорога домой должна была занять часов десять, если не больше, так что мы договорились выехать рано, может быть, даже на часок перенести завтрак в одном из наших любимых стоящих вдоль дороги «ковбойских» кафе. Но я учусь не воображать, будто знаю, что для нас лучше. Я учусь спрашивать: «Отец, как Ты спланировал этот день?»

В тот раз Он мне ответил: «Позавтракайте на месте». На месте? В этом не было никакого смысла. Я обратился к Стейси, но и она, помолившись, почувствовала, что получила ту же самую подсказку. Так что мы вытащили из машины ребят и пошли завтракать в нашу хижину — вафли, кофе, яичница с сосисками, сладкие булочки.

Примерно через час уже точно пора было выезжать, и мы направились к границе парка. И тут прямо у дороги мы увидели гризли. Вот это да! Всю ту неделю нам так хотелось увидеть медведя, но мы не смогли. Медведи здесь особо не показываются, предпочитая места посевернее — Йеллоустонский национальный парк и штат Монтану, однако в это время года гризли забредают южнее, чтобы поохотиться на лосят, так что у вас есть шанс, хотя и небольшой, мельком увидеть этого могучего зверя. Зная, что у нас на душе и каковы наши планы, Отец устроил так, чтобы мы чуть-чуть задержались и, попав точно в этот пятиминутный интервал, получили чудесный дар. Стоя на крыше нашего джипа, мы полюбовались этим гризли с его необузданной мощью, пока он не скрылся в лесу.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца...

Иак. 1:17

Помните — я предлагаю вам совершенно новый подход к вашей жизни. Больше никакой независимости, больше никаких стараний действовать так, словно все возложено исключительно на вас. Мы вместе ищем новое мироощущение, в котором Бог — наш добрый Отец, совершающий нашу инициацию. На этой стадии значительная ее часть происходит в виде исцеления. Я учусь Его спрашивать: «Отец, что Ты мне приготовил?» И я учусь ждать, пока не услышу ответ. Разумеется, на это требуется время и здесь есть свои успехи и неудачи. Пусть ваше сердце остается открытым в поисках любви Отца.

Подумайте о том, что вы любите сейчас и о чем вы мечтали, когда были мальчишкой. Когда мальчишкой был мой друг Гэри, отец подарил ему игрушечную винтовку «Riflemen», связанную со старым вестерном Чака Коннора. «Это была моя любимая игрушка», — сказал Гэри. Но хулиган из соседнего двора ее сломал — просто вырвал у Гэри из рук и расколошматил о ствол дерева. «Думаю, тогда-то я и начал не доверять людям», — продолжает свой рассказ Гэри. Спустя сорок лет, на прошлое Рождество, родные подарили ему настоящий «Winchester», и у Гэри возродилась любовь к оружию. С такой душевностью и таким пониманием Бог проявил к нему Свою отеческую любовь! Гэри часто ходит на стрельбище совершенно один, только со своей винтовкой, чтобы побыть наедине с Богом.

Кертис — мой добрый приятель, не так давно получивший диплом адвоката. Вскоре после этого он стал еще и отцом. Он был занят днем и ночью, но понимал, что ему нужно какое-то свободное время — просто для души. «Кертис, а что ты любил, когда был мальчишкой?» — спросил я. «Бейсбол», — ответил он. Он играл в бейсбол целыми днями, но в конце концов жизнь заставила его себя ограничить и об этой сердечной любви пришлось забыть, вероятно, навсегда. Подобно

¹² Вероятно, имеется в виду горный хребет Тетон с вершиной Гранд-Тетон (4200 м) и национальный парк «Гранд-Тетон» на западе штата Вайоминг.

большинству людей, он смирился с этой неизбежностью. Прошлого не вернешь. Я встретил его месяцев через шесть на одном собрании, по окончании которого он спросил, нельзя ли ему перекинуться со мной словечком. «Это грандиозно, — сказал он. — Я спросил Бога, что Он мне приготовил, а Он ответил: „Бейсбол“. Это выглядело безумием, но я обратился в местную лигу, и оказалось, что им как раз нужен игрок. Это лучшее, что я сделал за много-много месяцев», — сообщил мне Кертис, расплываясь в блаженной улыбке.

Сердце мальчишки можно возродить к жизни, и не имеет значения, сколько этому «мальчишке» сейчас лет. Мы можем знать, что нами дорожат, что в сердце нашего Отца отведен для нас уголок, в котором никто и ничто не может соперничать с нами. Мы — действительно Его Возлюбленные сыновья, и мы можем ощутить это глубоко личным образом.

Радость быть рядом с сыновьями

Когда мы глядим на своих сыновей и другую окружающую нас молодежь и задумываемся о том, как нам более целеустремленно растить их в уверенности, что они — Возлюбленные сыновья, мы, возможно, в состоянии узнать нечто новое о своем сердце и сердце Бога.

Мои старшие сыновья решили на этой неделе отправиться в дальнюю поездку с друзьями. На поиски приключений юные Ковбои поехали в Калифорнию (событие, заметно оживившее молитвенную жизнь их родителей). Но в результате получилось, что на это время юный Люк остался единственным ребенком у отца с матерью. Я решил не упускать этой возможности и всю неделю безраздельно принадлежать Люку. Как легко для меня было не воспользоваться этим шансом, счесть появившееся у меня свободное время ценным ресурсом для завершения разных текущих дел! Поливальная установка по-прежнему нуждается в починке. На моем внедорожнике барахлят стоп-сигналы. И еще мне нужно писать книгу. Слава Богу, моя деловитость чуть поутихла, и Святой Дух помог мне понять, для чего мне нужно мое свободное время. Оно — подарок для Люка.

Первое утро началось с совместного приготовления оладий и яичницы — любимого завтрака Люка. Мы устроили кавардак. Мы устроили пир. Участие в общем деле на кухне возбудило голод другого рода. «Я люблю быть с тобой. Я люблю то, что любишь ты». А потом мы поехали на рыбалку, но я взял только одну удочку, ведь главное сегодня — мой сын Люк, а не рыбалка. (Для такого заядлого рыбака, каким я снова стал, это что-то. Однако моя цель — не рыбалка, пусть и замечательная совместная рыбалка отца и сына. Моя награда за этот день — сердце одиннадцатилетнего рыболова, поехавшего со мной на рыбалку.) Он будет удить, а я буду ему подсказывать, как это делается. Если я предоставлю ему сидеть с удочкой одному, пока сам тоже буду рыбачить где-то поблизости, он сильно расстроится, ведь он еще не освоил это искусство. И он не поймет, что нашей целью было провести день вдвоем. Берите сына с собой, но при этом ограничьтесь только одной удочкой или битой, только одним набором клюшек для гольфа. Ведь ваша цель — ваш сын.

Мы проехали по старой лесной дороге, вьющейся между горными кручами, к небольшой речке, где, как мы слышали, водится пятнистая форель. В близлежащем озере мы могли бы поймать рыбу покрупнее, мы могли бы ловить рыбу на большой реке, что лично я даже предпочел бы, но Люк любит ловить рыбу в маленьких речках, поэтому мы туда и направились. Как важно для ребенка видеть, что его отец с ним считается. «Я знаю, что ты любишь, и я тоже это люблю. Сегодня это для меня выше всего остального». Итак, мы стали рыбачить. Я шел рядом с Люком вдоль речки, показывая ему перспективные места, объясняя, как забрасывать в воду муху, помогая вытаскивать крючок из пасти пойманной им рыбы и отпуская ее назад в ледяную воду, после того как Люк вдоволь налюбуется на свой трофей.

Вообще-то завтрак у нас не был диетически сбалансированным (как хотелось бы маме). Вместо этого мы взяли еду, которую любим, — шоколадное печенье с кремом «Oreos», кока-колу, мясо для барбекю. Под горячим июльским солнцем на высоте десять тысяч футов день становился жарким. Мы подошли к большой заводи, и здесь Люк поймал свою самую крупную в тот день форель. Потом он предложил искупаться нагишом. Мы разделись и нырнули, минуты на две погрузившись в бодрящий поток. Потом обсохли на солнце. Люк сказал: «Пап, замри на секундочку. Давай просто запомним этот момент, и чем пахнет воздух, и что мы чувствуем». Мы просто постояли рядом,

впитывая все это. Я спросил, не хочет ли он еще порыбачить ниже по течению, но он ответил: «Нет, давай на этом закончим. Это был чудесный день».

Дела говорят больше, чем слова. «Я люблю, когда мы с тобой вдвоем. Ты — моя радость. Я отложу все свои дела, чтобы побыть с тобой и заняться тем, что любишь ты. Я люблю тебя, люблю то, что любишь ты. Это будет особый, праздничный день вдвоем». Так мы растим Возлюбленного сына.

Я не устраиваю Люку рыбалку каждые выходные. Жизнь не дает мне такой возможности, и потом это было бы чересчур. Некоторые родители перебарщивают в своих усилиях «воспитывать правильно» (под чем зачастую подразумевается «я не напортачу так, как мои родители») и превращают своих детей в пуп земли. Не слишком хорошая идея. Бог не сделал их центром вселенной, не стоит пытаться сделать это и вам. Я знаю детей, которых родители воспитывали в таком духе, и они просто несносны. Мальчик должен знать, что его отец живет в большом и сложном мире. К этому я еще вернусь, когда мы будем обсуждать стадию Ковбоя.

Далее, нам нужно быть осторожными, чтобы не лишиться сердечной любви сына, предлагая ему заняться с нами тем, чем ему на самом деле заниматься совсем не хочется. Один мой друг с сердитой горечью рассказывал мне обо всех уикэндах, которые он провел, возясь в гараже с отцовской машиной, потому что это была страсть отца, — так он отводил душу после напряженной рабочей недели. Но сын это занятие не любил, оно даже не казалось ему мало-мальски осмысленным, и он чувствовал себя в ловушке, отдавая отцовскому хобби час за часом драгоценного для себя свободного времени. Они проводили время вдвоем, но смысла в этом не было никакого. «Меня не волнует то, что любишь ты. Твое сердце ничего для меня не значит. Мы этим занимаемся потому, что я так хочу». Дар, который мы приносим сыну, должен быть обращен к его сердцу.

Я слишком хорошо помню рождественское утро лет тридцать семь назад, когда я развернул подарок, о котором много месяцев мечтал. Всех моих приятелей (нам в то время было по восемь лет) покорила настольная игра, в которой с помощью пластмассовых фигурок игроков можно было изобразить что-то вроде футбольного матча на вибрирующем поле. У моих приятелей были свои поля и свои команды, и они часами просиживали за этой игрой. Но я оставался в стороне, потому что у меня не было ни поля, ни команды, и моя друзья все реже и реже приглашали меня в свой маленький любительский клуб. Утром на Рождество я открыл коробку, в которой, как я надеялся и молился, было футбольное поле и игроки, и действительно, там оказалось футбольное поле... и игроки... но не такие, как нужно. Это было не такое поле, о котором я просил, не такое, как у моих друзей. И игроки были намного больше по размеру. Это не решило мою проблему. Мы с друзьями не смогли бы играть вместе. Мне было так грустно... и еще я чувствовал себя ужасно оттого, что мне так грустно. Я хочу сказать: мама с папой сделали для меня лучшее, что могли. Они купили мне игру. Но все же она была не такой, как нужно. Вообще не такой, как я просил. Я чувствовал себя таким заброшенным...

Вам, даже если у вас нет сыновей, может помочь эта память о чувстве заброшенности. Когда вы в детстве чувствовали себя неприкаянным? Как Богу показать вам Свою любовь? Гэри занялся стрелковым спортом, Кертис вступил в бейсбольную лигу. А что Бог подсказывает вам?

Дисциплина и свобода

Как я отмечал во *Введении*, в задачи этой книги не входит обсуждение множества разнообразных вопросов, возникающих при воспитании сыновей. Я, однако, должен поговорить о дисциплине, потому что это существенный элемент воспитания Возлюбленного сына, а следовательно, существенный элемент инициации мужчины. Я не буду первым, кто укажет вам на то, что детям — а у нас речь идет только о сыновьях, — когда они растут, необходимо узнать две основополагающие истины: во-первых, тебя любят больше, чем ты мог бы себе представить, и, во-вторых, ты вовсе не центр вселенной. Без осознания первой истины мальчик вырастет комплексующим, неуверенным в себе, он всюду будет искать любви, но ему будет трудно поверить в то, что он этой любви, даже любви Бога, достоин. Без осознания второй истины он вырастет

себялюбивым и эгоистичным, считающим, что все чужие намерения должны померкнуть перед его желаниями. Нет сомнений, что вам знакомы мужчины обоих типов.

Дисциплина сродни послушанию, а немедленное и беспрекословное послушание — это благо для мальчишки, это навык, который хорошо послужит ему в жизни. Ведь это важнейшая истина — вселенная вовсе не собирается ставить вас в центр самой себя. Напротив, она чего-то будет требовать от вас, она заставит вас подчиняться своим ограничениям. Сколько бы вы ни вопили и ни хныкали, дождь пойдет тогда, когда пойдет, лето неотвратимо сменится зимой, а бревно, если его уронить на ногу, сделает вам больно. Добро пожаловать в реальность. Учитесь в ней жить. Это тем более верно, когда вы находитесь в Божьем присутствии. Его любовь к вам неизмерима, но вы должны подчиняться Господу. Это ключ к *Первому уроку* в книге христианской духовности. Вас любят — значит, вы должны слушаться.

Недавно я, проведя некоторое время с одним молодым отцом и его сыновьями десяти-двенадцати лет, увидел, как последнее мое утверждение доказывается «от противного». За долгие годы мальчишки привыкли к тому, что отец не приводит в исполнение своих дисциплинарных угроз. Это несчастье на боевом марше, ведь если не верить угрозам отца, если не бояться наказания, когда плохо себя ведешь, то по каким таким причинам быть послушным мальчиком? Его сыновья усвоили, что с целью добиться своего надо всего-навсего подольше хныкать «Ну-у-у, поче-е-е-му-у?» или переждать минуту-другую, а потом делать то, что отец только что делать им запретил, и ничего им за это не будет. Вы знаете таких детишек. Ничего нет приятного в том, чтобы находиться с ними в одной комнате.

Если ребенку все время позволено «стоять на своем», он начинает думать, что у него больше власти, чем у родителей. А это пугающая ситуация для ребенка трех-четырёх лет — обнаружить, что ты самый сильный в окружающем тебя мире человек. Один из худших дней моей жизни наступил, когда в возрасте пятнадцати лет меня арестовали за незаконное проникновение в чужое жилище, а отец ничего не сделал, чтобы призвать меня к порядку. В каком-то смысле я был в восторге, что дешево отделался. На другом, более глубоком уровне я понял в тот момент, что не настолько его интересую, чтобы ему хоть что-то предпринять ради меня. Может быть, это и имеет в виду автор *Послания к Евреям*, когда призывает нас видеть в Божьем наказании проявление Его любви. Бог заботится о нас (см.: Евр. 12:5-11).

С другой стороны, дисциплина может стать убийственно суровой, в особенности в религиозной семье. Я с некоторой дрожью вспоминаю один разговор. Несколько лет назад я обедал с человеком, который надумал мне рассказать, как в его семье соблюдается день Господень. В дополнение к утренней церковной службе с последующими занятиями в воскресной школе и к вечерней церковной службе он установил правило, согласно которому его маленьким детям не разрешалось играть в остающиеся им от дня пять часов. Вместо игр им предлагалось читать книги религиозного содержания, и это объявлялось единственно дозволенным занятием в перерыве между посещениями церкви, не считая молитв, которые тоже были предусмотрены. Он без тени самодовольства изложил мне этот распорядок дня, сопроводив свой рассказ лекцией на тему о том, что большинство христиан «не соблюдают день Господень». Я пришел в ужас.

В этом его планировании было что-то жестокое и тем более пагубное, что все это рядилось в одежды христианства. Я должен был ему сказать: «Вы нарушаете день Господень». Иисус объяснял: «...суббота для человека, а не человек для субботы...» (Мк. 2:27). Контекстом здесь служат гневные упреки иудейских руководителей, обращенные к Нему за то, что Он исцеляет в субботний день. Иисус отвечает им тоже с гневом и возмущением, поскольку предназначение субботнего дня — отдых и восстановление сил. Бог «...почил в день седьмой от всех дел Своих...» (Быт. 2:2). Таким образом, с точки зрения Иисуса, исцеление человека в субботний день — точное исполнение предназначения этого дня. Поэтому я надеюсь, что вы сами сможете разобраться, что к чему: если ваша семья к вечеру воскресенья не отдохнула и не восстановила силы, то вы упустили день Господень. А если ваша религиозность приковывает душу к мнимым обязанностям и обременяет ее Законом, то вы не только нарушаете день Господень, но еще и делаете это «именем Божиим».

Все сказанное подводит нас к очень важному вопросу — устанавливаем ли мы для своих сыновей дисциплину, чтобы воспитать в их сердцах любовь к добру, или же мы просто заставляем их делать то, что нам от них нужно, чтобы облегчить себе жизнь?

Учебные занятия на дому с Норманом Маклином проводил его отец, строгий шотландский пресвитерианин, настаивавший на том, чтобы его сын все делал по правилам. «Однако, — вспоминает Маклин, — система моего отца была уравновешена. После обеда и до ужина я освобождался от всех уроков и наставлений, чтобы самостоятельно изучать природную сторону Божьего мироустройства». То есть ловил в реке рыбу и исследовал просторы Монтаны за калиткой заднего двора. Это прекрасно, это и есть то, что нам нужно, — уравновешенность нашей системы воспитания. В конце концов, дисциплина представляет собой лишь средство обретения свободы. Мои сыновья убирают у себя в комнатах не для того, чтобы получить возможность заняться этим снова, а для того, чтобы получить возможность *поиграть*.

Давайте помнить: мы воспитываем *мальчишек*. Мы тоже должны были воспитываться как *мальчишки*. По самой своей природе созданные для приключений, для сражений, для вольных просторов, для всех чудес и свободной жизни в Эдеме (я помню только один связанный с ним запрет). Дисциплина нужна для того, чтобы не дать нашим грехам разрушить всю ту жизнь, которую нам предназначил Бог. Наша цель — сама эта жизнь.

Символы нашей отцовской привязанности

Этой весной я привез домой настоящий четырехколесный карт. Вообразите себе — он сразу стал хитом сезона. Помните: такие ошеломляющие сюрпризы побуждают ребенка верить в то, что его отец — источник неиссякаемых чудес, а это то, что мы хотели бы, чтобы он мысленно связывал с Богом. Правила обращения с картом у нас просты: «Не кататься на нем в шесть часов утра, когда ваша мама еще спит. В остальном — вперед». Сыновья быстро убедились в том, что, ударив на более-менее скользком месте по тормозам и резко выкрутив руль, они могут стремительно развернуться юзом на сто восемьдесят градусов. Шины при этом нещадно изнашиваются. Ну, так что же? Отец купит новые. (Этот карт просто спасал мне жизнь, когда я работал над «Пленительной красотой» — книгой для женщин, которую мы писали вместе со Стейси¹³. Каждый день часам к пяти, когда я больше не мог выносить мир женственности, я садился в карт и носился в нем взад-вперед по улицам на той максимальной скорости, которую только мог из него выжать. Мне необходимы были запах бензина и быстрая езда — насыщенный хлеб мужской души.)

Интересно, что бы сказал тот религиозный отец, узнай он, что я поощряю сыновей заниматься пиротехникой? Понял бы он, как это важно для мальчишеского детства? Шутихи для мальчишек — на вес золота, поэтому, когда бы я ни съездил в Вайоминг, я всегда привожу домой целый ящик пиротехники. Мы втыкаем шутихи в муравейники или в снежки, которые затем подбрасываем в воздух. В детстве я кинул парочку таких шутих в почтовый ящик. Ничего страшного не произошло, только дверцу сорвало с петель и из ящика повалил густой черный дым. Мы с друзьями решили, что это лучшее зрелище, которое мы когда-либо видели. Теперь мы вкладываем шутихи в модели самолетов с единственной целью их уничтожить. «Папа, можно нам что-нибудь взорвать?» — такой вопрос часто звучит в нашем доме. «Смотря что» — гораздо более приемлемый ответ, чем безоговорочное «нельзя». Кстати, немного от пироманьяка есть в каждом мужчине. Пусть это выйдет наружу. Пусть дети занимаются этим в вашем присутствии, нежели тайком от вас.

«Можно мне ехать снаружи, уцепившись за дверцу? Можно мне взять твою электродрель? Можно мы не ляжем спать, а посмотрим кино? Можно съесть всю упаковку печенья? Можно поиграть в грязи? А сняв одежду, можно?» Почему мы, родители, отвечаем запретом? Быстрее всего умертвить душу мальчишки можно с помощью морализаторства, отрицающего всякую живую непосредственность, дух приключений и саму свободу. Ведь мальчишка в процессе своего становления — одновременно Ковбой и Воин, и в этом качестве ему необходимы приключения, чтобы его душа расцвела. Когда мы мальчишке это даем, помимо дисциплины мы развиваем в нем

¹³ Джон и Стейси Элдридж. *Пленительная красота: Постигая тайны женской души* / Пер. с англ. Г. Бурдияновой. СПб.: Шандал, 2007.

качества, которые позже ему очень понадобятся, — храбрость и любознательность, и показываем, что понимаем и любим его душу.

И не забывайте о физическом проявлении чувств. Мальчишки этого жаждут. Мои сыновья любят кидаться на меня. Я хочу их обнять. Они стараются меня повалить. Это может утомлять и зачастую начинается не в самый подходящий момент. И все же они хотят именно этого, и я им это разрешаю. Мы с ними боремся, и такие игры я предлагаю им везде и всюду, несмотря на свою занятость и усталость. Мальчишки это поймут. Они знают, какая у вас расстановка приоритетов. Еще лучше, попробуйте их удивить. Подстерегите в засаде. Они будут в полном восторге, что вы начали первым.

Сердце нашего Отца

В конце месяца ожидалось наступление сезона охоты с луком. Вчера мы с моим другом Морганом ходили в лес посмотреть, нет ли там следов присутствия благородного оленя — вапити. Мы не рассчитывали увидеть хотя бы одного зверя, потому что днем они показываются редко. Нашей целью было просто побольше пройти по этой гористой местности и мысленно проложить маршрут, чтобы потом в предзвездных сумерках не сбиться с пути. Но оленей мы увидели — сначала самку, одиноко пасущуюся в лесу, потом мой пес Скаут испугнул олененка, лежащего на лужайке, а потом... пять красавцев-оленей, остановившихся у осины на фоне темного леса позади них. Это было захватывающее зрелище.

На обратном пути мы с Морганом восхищались этим почти невероятным Божиим даром, ведь мы не раз подолгу ходили по горам, выслеживая вапити, но лишь очень немногих видели вблизи. Да не показалось ли нам, что мы только что стали свидетелями этого зрелища — пяти великолепных оленей на расстоянии тридцати ярдов от нас? В тот момент Морган шагнул в сторону и поднял шестиконечный олений рог. Мы покачивали головами, восклицали и смеялись. Таким образом Бог сказал нам: «Это было наяву. Они здесь». Честно скажу, я был рад за Моргана. Я уже некоторое время искал сброшенные оленьи рога, но никак их не находил, и хотя сам был бы счастлив наткнуться на такое редкое сокровище, я нисколько не ревновал Моргана к его удаче.

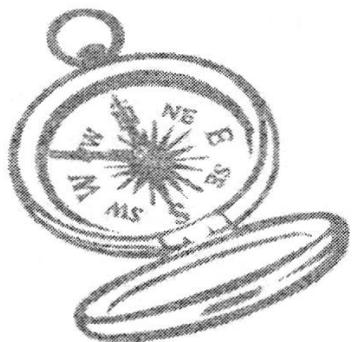
Через три четверти часа нашего спуска с горы мы недалеко от того места, где оставили машину, наткнулись на поросшую шалфеем поляну. Пробираясь сквозь высокую траву, я зорко смотрел себе под ноги и обнаружил еще один шестиконечный олений рог. Ухватившись за свою находку, я вытащил рог не просто очень похожий на найденный Морганом, но практически его зеркальное отражение — рог с другого, левого бока. Вместе они составили единую пару оленьих рогов. В буквальном смысле слова мы... онемели. Застыли на месте. Еще один сюрприз от нашего Отца! Но более того — это был знак. На вас Мое благоволение. Вы — Мои Возлюбленные сыновья.

Я мог бы рассказать вам еще сотню историй о том, какие неожиданно душевные пути находит наш Отец, стремясь донести до наших сердец те чувства, которые Он к нам испытывает. Медленно — к сожалению, чрезвычайно медленно — я начинаю осознавать, насколько в действительности доброе сердце у нашего Отца, сердце, в котором есть уголок лично для меня, где никто не сможет меня заменить. И потому Он до сих пор воспитывает душу мальчишки в немолодом сорокапятилетнем мужчине.

Отец, мне необходимо знать, что я — Твой сын и что в Твоем сердце для меня есть уголок, который не может быть занят никем, кроме меня. Мне необходимо чувствовать Твою любовь. Воспитывай во мне того осиротевшего мальчика. Верни меня в те места, где я чувствовал себя потерянным, и покажи мне, что мое сердце много значит для Тебя. Дай мне глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, как Ты взращиваешь во мне сердце мальчишки и до сих пор с отцовской любовью воспитываешь меня. Исцели и возроди мое сердце сына — Твоего Возлюбленного сына — и пошли мне благодать верить в то, что я Твой Возлюбленный сын.

И еще, Отец, покажи, как мне дать то же самое моему сыну. Чем я могу ему помочь в этот период его жизни? Из-за чего я могу потерять его сердце? Как мне теперь прийти к нему с радостью и любовью? Веди меня во имя Иисуса.

5 КОВБОЙ

[Мальчик] преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей.

Лк. 2:52

В северо-западном углу штата Вайоминг, чуть южнее гораздо более популярного (и переполненного туристами) Йеллоустонского национального парка, простирается горная гряда, возможно самая интересная и самая красивая во всей Северной Америке. Образованный столкновением двух массивных платформ земной коры здесь вздымается хребет Тетон, вырастая меж долин, словно гигантская крепостная стена, увенчанная скальными зубцами и пиками. Самый высокий из них — Гранд-Тетон, 13 770 футов над уровнем моря, одна из немногих классических вершин для альпинистов. На рассвете 1 августа 2002 года мы оказались уже довольно высоко на ее южном гребне. Названный по имени Гленна Экзама, человека, впервые поднявшегося на эту вершину, причем в одиночку и без страховки, гребень, бесспорно, является «одним из самых зрелищных в мире маршрутов своей категории», как гласит путеводитель, и «гарантирует острые ощущения». Это означает, что на гребне есть места, откуда падать тысячи две футов, если не больше.

На гребне Экзама нас было восемь человек — мой сын Сэмюэл (в то время тринадцати лет), я, Морган и наш проводник. Далее Гэри со своим сыном Джессом (пятнадцати лет), Аарон (еще один молодой человек) и их проводник. Двумя группами по четыре человека мы, используя простую страховку, поднимались на Гранд-Тетон. При этом ведущий восходителем добирается до уступа, или скальной полки, или какого-то места, где удобно стоять, а лучше сидеть, и останавливается, ногами упираясь в скалу перед собой, так что если сорвется его напарник, страховочный трос не сдернет со скалы его самого. Такую страховку мы выбрали ради быстроты, так как крепить и снимать страховочное снаряжение на каждом скальном участке слишком долго. А быстрота на Гранд-Тетоне — вещь незаменимая. Нужно подняться на вершину и спуститься вниз до первых же признаков одной из послеполуденных гроз, столь типичных для американского Запада и несущих с собой убийственные удары молний. Следующим летом один альпинист был убит и несколько серьезно обожжены ударом молнии на гребне Экзама, как раз там, где шли мы.

Коль скоро вы пошли на гребень, вернуться с полпути уже нельзя — такой спуск невозможен. Единственный путь назад лежит через вершину. Это добавляет восхождению драматизма, поскольку каждый трудный шаг не оставляет вам выбора, совершить его или нет. Несколько раз, отваживаясь на преодоление очередного тяжелого участка, я думал, что Сэм тоже должен одолеть этот кусок пути, хотя с таким ему сталкиваться еще не приходилось. Раньше мы, правда, немного занимались скалолазанием на стенках, гораздо более трудных, чем реальные участки на Гранд-Тетоне, не считая этих тысячефутовых пропастей с трех сторон. Сейчас же некому было помочь Сэму советом — между нами не было связи, за исключением подергиваний троса, означающих «я держу страховку — можешь начинать подъем» и «понял, начинаю». Нас разделяло по восемьдесят-сто футов троса, и на неровном гребне невозможно было увидеть альпиниста вверх или вниз, пока не поднимешься вплотную к нему — или он к тебе.

Эта вылазка планировалась как составная часть так называемого *Года Сэма*, года, посвященного его переходу со стадии Возлюбленного сына на стадию Ковбоя (об инициации Сэма я подробнее расскажу в одной из следующих глав). Но вышло так, что она оказалась очень важной для сердца каждого из нас, ведь каждый из нас все еще нуждался в отце во время этого приключения, этой проверки нашей силы и мужества, в наличии которых у самих себя мы сомневались и отчаянно хотели удостовериться в том, что они у нас есть. И так, я занимал позицию для страховки, подавал Сэму сигнал подниматься и, почувствовав рывок троса, сообщающий о начале его движения, надеялся и молился, что он благополучно сделает по стене еще несколько шажков. Одни из самых моих любимых фотоснимков, большинство которых существует только в моей памяти, относятся к тем моментам, когда внизу показывался Сэм, приближающийся к моей страховочной позиции с широкой улыбкой на лице. Мы коротко обменивались подбадривающими репликами, ударяясь ладонями поднятых рук, а потом обычно Морган дергал ведущий к нему трос, сигнализируя мне: «Поднимайся».

Приключение

Я бы отнес начало стадии Ковбоя (или Рейнджера) к раннему подростковому возрасту — годам к двенадцати или тринадцати — и предположил бы, что она продолжается до середины третьего десятка лет, хотя я еще раз хочу вам напомнить, что стадии накладываются друг на друга. Какой юный озорник не жаждет приключений, когда катится на санках с горы или учится залезать на деревья? Какому пятидесятилетнему мужчине не нужны путешествия по просторам? Но заметные перемены в душе мальчишки начинаются после десяти лет, когда у него появляется жажда настоящих приключений. Что-то внутри говорит ему, что он должен проверить себя, самоутвердиться. Он хочет научиться что-то делать — водить машину, охотиться на дичь, сооружать у себя в комнате антресоли. И отныне главный вопрос мужской души возникает практически всякий раз, как только становящийся мужчиной мальчишка приступает к делу: «Есть ли во мне то, что для этого нужно?» На стадии Ковбоя ответ получают отчасти благодаря приключениям, а отчасти благодаря тяжелому труду.

Насколько я могу вспомнить, пока я рос, в спорте я был полный профан. В начальной школе меня ни разу не взяли в основной состав, когда набирали команды для кикбола¹⁴. Я входил в «остатки», которые капитанам команд приходилось делить между собой как бы «в нагрузку». Что это может сообщить мальчику относительно того, кто он есть? А когда в средней школе я занялся баскетболом, я попал только во второй состав и все время проводил на скамье запасных. Если я играл в бейсбол, меня сразу же выбивали в аут, и я был слишком неповоротлив, чтобы меня захотели взять в секцию легкой атлетики. Иначе, как унижение, я это воспринимать не мог. Все мои друзья были спортсменами, а я оказывался лишь зрителем на боковой линии. У меня просто не было таких способностей, как у моих друзей, что вполне преодолимо, если у мальчишки есть решимость и хороший тренер, но мой отец в то время фактически отсутствовал, так что меня просто некому было наставлять. Все это стало для меня неиссякаемым источником стыда за себя. В восьмом классе я сдался и больше никогда не пытался заняться командными видами спорта.

Но жажда приключений во мне осталась, и все, чего требовала моя душа, я нашел на ранчо деда и в горах. На ранчо я научился седлать лошадей, и ездить верхом, и пасти скот — такими умениями никто из моих городских друзей не обладал. Благодаря этому я ощущал в своем сердце силу и уверенность в себе, в которых отчаянно нуждался. Никогда не забуду того дня, когда впервые промчался галопом на лошади. Мы с моим дедом выехали в поле проверить ирригационные каналы. Он спешил, чтобы поправить ворота, а я как бы невзначай направил свою лошадь дальше, пока мы не скрылись за холмом. Сердце у меня колотилось, внутри все сжималось, но в глубине души что-то требовало от меня осуществить задуманное. Время пришло. Я пятками ударил своего скакуна, и — цок! цок! — он рванул вперед. Мой дед так ничего и не увидел — не знаю, почему я стеснялся совершить свою попытку у него на глазах. С того дня я стал совершенно другим всадником — уверенным в себе, готовым заарканить любого бычка и спуститься по любой круче.

¹⁴ Игра, похожая на бейсбол, но мяч бьют ногами и его можно бросить в игрока, чтобы вывести его из игры.

А в бойскаутах я освоил пеший туризм, кое-что узнал об оказании первой помощи и заработал несколько специальных значков. Там я также освоил немало красочных выражений. Но настоящие приключения начались, когда я самостоятельно, только с одним-двумя приятелями, стал ходить в турпоходы. Однажды летом мы с моим другом Кевином забрались высоко на хребет Сьерра-Невада, как вдруг началась гроза и принесла с собой не прекращавшийся несколько часов ливень. В окруженной гранитными скалами ложбине мы поставили палатку и часок-другой поиграли в карты, но тут заметили, что дно нашей палатки начало хлюпать и колыхаться, словно водяной матрас. Произошло же вот что: вся местность представляла собой единый скальный массив, а наша поросшая сосенками и травой ложбинка фактически была корытом с землей, которая начала перенасыщаться стекавшей со всех окрестных склонов водой.

Вскоре наши спальные мешки вместе со всеми остальными вещами насквозь промокли, и перед нами замаячила угроза переохлаждения. Будучи оба новообращенными христианами, мы молились, прося помощи у Бога. Минут через пять дождь стих, мы похватили свое имущество, в том числе палатку, даже не разбирая ее, и перенесли их на местечко повыше, где не текли дождевые потоки. Мы снова установили палатку, побросали в нее вещи и быстро нырнули туда же сами, так как дождь хлынул с новой силой. Мы радостно смеялись и благодарили Бога, полагая, что именно такие вещи и должны происходить в жизни праведных христиан. Потом мы снова сели играть в покер.

На следующий год — думаю, нам было лет по девятнадцать — мы поехали на машине через весь Запад. У меня был золотисто-коричневый «фольксваген» 1968 года выпуска — моя первая машина, а первая машина — серьезное дело на стадии Ковбоя. На моей стоял синхронизатор карбюраторов «Kadron», который переключал двигатель с обычного (и вялого) впрыска топлива на двухкарбюраторный, благодаря чему «фольксваген» ездил быстро, невероятно быстро, и бешено ревел. А в юности скорость и рев — это рецепт счастья. Вы, может быть, помните, что в таком «фольксвагене» двигатель расположен сзади и прикрыт шумоизоляционным кожухом, но у меня из-за торчащих карбюраторов прикрыть его было невозможно, поэтому звук внутри салона был как от небольшого самолета. Чтобы переговариваться, приходилось кричать. Еще из-за этого в машине зимой было очень тепло, а летом — невыносимо жарко. Так что мы носились по автострадам Запада с опущенными стеклами и включенным на полную мощность стереоприемником.

Бензин у нас кончился где-то в Вайоминге, по пути в горы, далеко от любого населенного пункта. Я был так увлечен поисками «потайного рыбацкого места», наводку на которое дал нам один местный житель, что забыл глянуть на указатель топлива, и только когда мы заглохли, я понял, что бензина у нас совсем не осталось. Я почувствовал себя идиотом. Обратный путь в город составлял свыше двадцати миль. Как я уже говорил, мы оба были новообращенными христианами, так что стали молиться, прося помощи у Бога. Молитва была простой, но прочувствованной. Я услышал ответ: «Будет вам бензин». Голос Бога я тогда слышал впервые в жизни и с ребяческой верой подумал: «Вот и хорошо. Займемся рыбалкой». Бросив машину и разбитую рядом с ней палатку, мы на пару часов ушли к реке. Только мы вернулись назад, как рядом с нами остановилась машина, набитая молодежью, и нас спросили: «Мы сейчас едем в город — вам, ребята, что-нибудь там нужно?» Я сказал: «Да, нужно. Можно мне поехать с вами? Мне нужен бензин». На что они ответили: «Нет проблем, парень, мы тебе его привезем». И мы опять пошли рыбачить.

Выбор собственного пути зачастую составляет значительную часть стадии Ковбоя (или Рейнджера), что можно видеть на примере хоббитов во «Властелине колец» и Бальяна в «Царствии Небесном», а также подростков в моем любимом старом вестерне «Ковбой». Джон Уэйн играет там типичного для него сурового старика, в данном случае — скотовода, который не может найти достаточно помощников, чтобы для продажи перегнать на четыреста миль скот. Он вынужден нанять подростков, и дальше разворачивается история их взросления. Они вместе встают на путь захватывающих и опасных приключений, пробуждающих в них дерзость и мужество, требующих тяжелого труда и решимости — вещей, которым должен научиться становящийся мужчиной мальчик, чтобы смотреть жизни прямо в глаза.

Сила опыта

Старая африканская пословица гласит: «Когда слушаю — забываю, когда вижу — вспоминаю, когда делаю — понимаю». Насколько это верно, когда речь идет об инициации мужчины! Зрелые мужчины, как и мальчишки, учатся, *делая*, — мы учимся на личном опыте. Несомненно, это верно и по отношению к женщинам, но я могу ручаться, что для нас, мужчин, это существенно и незаменимо. Одно дело, когда вам говорят, что в вас есть то, что нужно. И совсем другое дело, когда вы *открываете*, что в вас действительно это есть, благодаря каким-то выпавшим на вашу долю испытаниям или благодаря требованиям, которым вам приходится соответствовать во время тяжелого труда. Опыт — это одновременно откровение и наставление: он сообщает вам, из какого теста вы сделаны, и вписывает свой урок в ваше сердце.

Ведь инициация мужчины — это не спортивное представление. Это цепь событий, в которых вы должны *участвовать*. На одну десятую это чужие наставления и на девять десятых — ваш личный опыт. Это и лежит в основе истории о Давиде и Голиафе, упомянутой мной в *Главе 1*. Израильские воины выстроились против филистимлян, но ни одна стрела не была пущена ни с той, ни с другой стороны. Причина, конечно, в Голиафе, борце небывалого роста и силы, прославившемся своими ратными умениями. Он голыми руками убил множество противников, и никому не хотелось быть следующим. Давид — подросток в военном стане — видит, что там происходит, и вызывается победить великана. Тогда его приводят к царю, который пытается отговорить юношу. Саул говорит: «...не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей» (1 Цар. 17:33). Здоровые слова! Готов поспорить, что любой из нас в этой ситуации сказал бы юноше то же самое. Давид отвечает:

...Раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его; и льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого. ...Господь, Который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина.

1 Цар. 17:34-37

Как я уже объяснял, быть пастухом — значит находиться на стадии Ковбоя, и Давид усвоил уроки, которые отныне будут поддерживать его до конца жизни. А жизнь пастуха не была сладкой идиллией в окружении овец. Это был тяжелый труд под открытым небом, месяцы самостоятельного существования в необжитых местах. И это оказало свое действие. У мальчишки появилась твердая уверенность — в нем есть то, что нужно. Но это была не заносчивость — он знал, что с ним Бог. Он вызвал на бой Голиафа и сделал свой лучший бросок из пращи, доверив Богу довершить остальное. Такое «знание» мы и ищем на стадии Ковбоя (или Рейнджера), и приходит оно только с опытом. Позвольте мне также добавить, что опыт, о котором говорит Давид, связан с физическими действиями, опасен и требует мужества.

Тяжелый труд

Одним жарким июльским утром 1973 года мой дед отвез меня в поле, где стоял старый красный трактор «Мэсси Фергюсон». На него был навешен большой дисковый плуг. Дед объяснил, что надо вспахать поле, чтобы посадить люцерну, и показал мне, в каком направлении должны идти рядки, чтобы максимально использовать ирригацию. Потом он сказал: «Увидимся за ужином» — и уехал. Я был ошеломлен. Вплоть до этого момента я лишь изредка работал на тракторе у нас во дворе, так, по мелочи. И вот дед доверил мне мощную машину для работы на совсем другом уровне. Стоя в поле, я чувствовал легкую оторопь. И был чрезвычайно польщен. «Он считает, что во мне есть то, что для этого нужно», — думал я. Было мне тогда тринадцать лет.

Хочу сразу сказать, что стадия Ковбоя *не должна превращаться* в одно нескончаемое приключение. Многие молодые мужчины, росшие без отцов, свой жизненный путь видят как череду

приключений с каяками и сноубордами, останавливаются на этом, превращая это в мир, в котором живут всю оставшуюся жизнь. Они усваивают субкультуру этих видов спорта, перенимают словечки и манеру одеваться, благодаря чему выглядят крутыми искателями приключений. Они могут найти работу инструктора или проводника, чтобы заниматься любимым видом спорта двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Но приключения перестают быть чем-то выдающимся, и оказывается, что эти мужчины остановились в своем развитии. Такие люди — современные Питеры Пэны, отказывающиеся дорасти до мужчин. Внешне они выглядят энергичными, смелыми, свободными, но внутри у них вскоре обнаруживаются отсутствие прочной основы и неуверенность в себе. Они испортили жизнь многим молодым женщинам, которые любят искателей приключений, но не понимают, почему те не двигаются дальше, чтобы стать Воинами, Любящими, Царями.

Этот период жизни молодого человека должен стать временем, когда он научится трудиться, и в качестве дополнения к приключениям это восстановит гармонию в его жизни. Нет сомнений в том, что у Давида было много приключений в необжитых местах — это понимает каждый, кому доводилось жить под открытым небом. Там приключения ищут вас сами. Но содержанием проведенных там Давидом месяцев и лет был *тяжелый труд*. Был ли Иисус закаленным путешественником? Точных указаний на этот счет у нас нет, но мы видим, что в годы Своего служения Он часто уходит в пустыню, и без натяжки можно предположить, что такие походы в пустыню и ночевки в гористой местности не начались в годы служения ни с того ни с сего. Поскольку Он искал там покоя, вдохновения и возможности побыть наедине с Отцом, это свидетельствует о том, что такой опыт у Него уже был. Мы точно знаем, что Иисус работал плотником, а это важнее, чем думает большинство пишущих о Нем. Работа профессиональными инструментами, рядом с земным отцом, дает юноше такой опыт, который мало где еще можно получить.

В этом секрет простой мудрости фильма «Человек со Снежной реки» — еще одной истории о взрослении юноши. Джим, юноша лет семнадцати, с детства жил со своим отцом в австралийском захолустье, в верховьях Снежной реки. Это Возлюбленный сын, рядом с отцом занимающийся плотницкой работой и уходом за лошадьми. Когда отец погибает на лесозаготовках, другие обитатели этого сурового края, ведущие нелегкую борьбу за существование, предъявляют Джиму свои требования. «Ты должен еще заслужить право здесь жить», — говорят они, не сомневаясь в том, что Джим должен как-то себя проявить, прежде чем занять место своего отца. Может показаться, что жестоко предъявлять такие требования осиротевшему юноше, но это правда и это именно то, что ему нужно услышать. Это приводит Джима на путь возмужания. Джим нанимается батраком на большое ранчо, завоевывает любовь девушки и доказывает свою мужественность и цельность своей натуры, когда они ставятся под сомнение. Джим становится *мужчиной со Снежной реки*.

Есть еще один старый фильм «Отважные капитаны» — относящаяся к рубежу прошлого и позапрошлого столетий история о ловцах камбалы из Массачусетса. Здесь тоже идет речь о преображении мальчика. Харви Чейни — двадцатилетний богач, единственный ребенок овдовевшего магната. Испорченный баловень, но не Возлюбленный сын. У его вечно занятого отца нет для него времени. Юноша падает за борт океанского лайнера, на котором они с отцом направлялись в Европу, и его спасает рыбак. Поначалу парень ничего, кроме раздражения, у него не вызывает. Но вот он сдружился с рыбаком, вместе с ним выходит в море, и тут он переживает известные ощущения Возлюбленного сына. Он учится работать, чего никогда не делал в своей жизни, и это оказывает на него ошеломляющее действие. Когда мне исполнилось пятнадцать, я получил опыт летней работы на картофельном складе, расположенном неподалеку от ранчо деда. Дед в юности работал там бригадиром, и мой отец, мой дядя, мои двоюродные братья тоже там «отслужили», забрасывая пятидесятифунтовые мешки с картошкой на тележки, которые затем катили к стоящему под погрузкой вагону, так что эта работа на складе стала у нас своего рода семейной традицией для юношества. Конечно, когда мой отец женился, он переехал в город, и на этом сельскохозяйственном складе в поселке тысячи на четыре жителей я появился в качестве городского ребенка. В то время все рабочие там были мигрантами из Латинской Америки, не говорящими по-английски, но мы всю веселились — языком нашего общения стали смех и

розыгрыши, которые мы устраивали, когда нас не видел бригадир. Работа была тяжелой, и я, возвращаясь на ранчо, наедался, как медведь, а потом валился на кровать и спал до рассвета.

Такого рода инициация была типичной для любого становящегося мужчиной мальчишки в эпоху до промышленной революции. Но чтобы пережить подобное, не обязательно жить на ранчо. До сих пор самой любимой моей работой остается та, которую я выполнял в качестве уборщика в нашей церкви. Нас там было трое или четверо, мы чистили пылесосом полы, убирали в туалетах, расставляли скамьи для воскресной службы. Мы красили стены, чинили крышу, что-то еще делали на подхвате и опять же напропалую веселились — так и норовили разыграть кого-нибудь из пасторов, подбрасывая в их почтовые ящики анонимные записочки. В обеденный перерыв мы играли двумя импровизированными командами в баскетбол, в конечном счете втягивая в игру весь остальной персонал. Как я слышал, эти матчи продолжаются там по сей день. Я любил простую тяжелую работу и научился многому, что и сейчас приносит мне пользу. За исключением ремонта поливальных установок.

Жизнь тяжела. Мальчик, пока остается Возлюбленным сыном, в основном огражден от этой суровой реальности. Но юноше уже пора знать, что жизнь тяжела, что она не будет преподноситься ему так, как обычно ее преподносила ему мама, — мягкой и теплой, а если хочешь, то и в шоколадной глазури. Она будет больше похожа на то, как преподносил ее отец, — сплошь испытания наподобие дальних походов или попыток заменить изорвавшуюся копирку. Пока мужчина не научится принимать как факт, что жизнь тяжела, он будет проводить свои дни в погоне за приключениями, все свои силы тратя на то, чтобы сделать свое существование легким, комфортным, приятным, а это не те цели, на достижение которых он должен тратить свою жизнь.

«Незавершенные» и израненные

Сердце Ковбоя будет изранено или по меньшей мере не завершит своего развития, если юноше были запрещены приключения, и оно будет изранено, если некому было его в них сопровождать. Оно окажется израненным, если у юноши не было вырабатывающего уверенность в своих силах опыта тяжелого труда. Оно также окажется израненным, если приключения или труд были слишком суровыми для сердца мальчишки, если он постоянно терпел в них поражения.

Кажется, я где-то уже рассказывал историю о своем знакомом, мать которого не разрешала ему в детстве кататься на «русских горках». Он изо дня в день видел их перед собой, потому что жил в доме, который от парка аттракционов отделялся только пустырем. Но он ни разу не смог добиться разрешения отправиться туда вместе с друзьями и пережить это маленькое приключение. Такие вещи выхолащивают душу мужчины, и то же самое делают родители, которые не позволяют мальчишке проехаться на велосипеде по тропинке с лужами, запрещают ему залезать на деревья и прыгать на батуте и большую часть времени вообще не отпускают из дома. Они могут заявлять, что ими движут родительские любовь и забота, но переданный мальчишке глубинный смысл этих запретов таков: «Ты поранишься. Тебе с этим не справиться. В тебе нет того, что для этого нужно». Зачастую это голос матери, которая от природы заботлива и нежна, но которой нужно научиться допускать, чтобы ее сын сталкивался с опасностями.

Если уж на то пошло, у мальчишки появляется рана, когда родители позволяют ему проводить все свое свободное время перед экраном телевизора, или за компьютером, или за приставкой для видеоигр, которые так нравятся детям и подросткам. Я ничего не имею против компьютерных или видеоигр (дополнив это признание предостережением, что некоторые игры по своему содержанию крайне порочны и место им в преисподней). В целом они безобидны, и мальчишки любят их потому, что они устроены в соответствии с тем, как устроен мозг мальчишки, но я бываю очень озабочен, когда они становятся заменой настоящих приключений.

В своем исследовании развития гомосексуальности у мужчин Джозеф Николоси особое внимание уделяет мальчикам, которые чересчур робки для того, чтобы выйти на улицу и поиграть с соседскими ребятами. Он называет их «детьми в окне кухни» — детьми, которые сидят дома и просто смотрят в окно. Некоторые мальчишки от природы больше подвержены страхам, чем другие, а некоторых боязливыми делают их чрезмерно заботливые родители. Как бы то ни было, если оставлять мальчика дома, в душе у него появится рана.

Душа будущего мужчины выхолащивается, когда его ограждают от всех опасностей. Да, опасности существуют, и когда подросток становится юношей, угроза физических нападений многократно усиливается. Я не разрешаю своим сыновьям гонять под девяносто миль в час на внедорожнике, хотя им это понравилось бы. Для того чтобы быть хорошими родителями, нужно обладать мудростью, но необходимо также примириться с тем, что придется рисковать. Возможно, вы помните эпизод из фильма «Фаворит», в котором спорят, позволить ли Реду после несчастного случая снова участвовать в скачках, ведь он может разбиться еще раз. Тогда один жокей предостерегает: «Мужчине лучше искалечить ногу, чем сердце».

С другой стороны, я только что, на прошлых выходных, слышал историю о молодом человеке, который в детстве работал со своим отцом на ранчо. Все лето они проводили в предгорьях, на скотоводческой ферме, где была нехватка питьевой воды. Они садились в седла до рассвета, а слезали уже после заката. Отец не заботился о пище и воде, а когда сын жаловался, что хочет пить, советовал ему «пососать камень». Мальчику было десять лет. Это же сущее издевательство — такие испытания для мальчишки, способные сломить и взрослого мужчину.

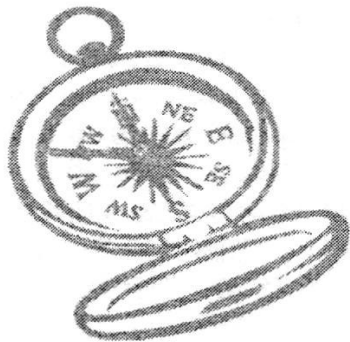
Что касается труда, принцип в точности тот же. Если труда слишком мало — это ранит мальчишку, если слишком много — тоже. Я намеренно растил сыновей так, чтобы они умели пользоваться ручным электроинструментом. Я слышал много историй о том, как отцы и сыновья трудились над чем-то вместе — над деревянной моделью гоночной машины, игрушечным домиком, — но отцы не разрешали сыновьям пользоваться инструментами. Теперь эти сыновья стали нерешительными мужчинами. Конечно, они могли пораниться. Но именно поэтому так важно было привить им навыки работы, сопряженной с какими-то опасностями. Как в случае с моим дедом, доверившим мне трактор, этим бы подразумевалось: «Я верю в тебя. В тебе есть то, что для этого нужно». Я не хочу сказать, что в руки шестилетнему мальчику надо давать бензопилу. Но, разумеется, будущему мужчине даже во время выполнения им простой работы надо позволить рисковать.

В сердце мальчишки появляется рана, если некому взять его с собой в приключение, которого жаждет его душа, если никто ему не покажет, как бить пенальти, как прыгать на велосипеде, как залезать на дерево, как сверлить дрелью дырки. Именно таким образом большинство растущих мужчин ощущают свою безотцовщину — рядом с собой они не видят взрослых, которым есть до них дело, которые достаточно сильны, чтобы взять их с собой хоть в какое-нибудь приключение. Отец может физически присутствовать, но быть во всех отношениях недоступным, прячась за газетой или часами просиживая за компьютером, пока мальчишка все ждет и ждет своего отца, который никогда к нему не придет. Значительная часть той агрессивности, которую мы видим в молодых людях, возникает вследствие именно этого жизненного опыта, потому что будущий мужчина воспылал, но не нашел отдушины, точки приложения сил. Потом его рана прорывается агрессивностью.

Рана в сердце мальчишки появляется, если он постоянно терпит поражение. Само собой, неудачи — это часть обучения, и нет такого ковбоя, которого бы ни разу не сбросила лошадь. Но необходимо, чтобы рядом был кто-то, кто *разъяснил* бы ему его ошибки и причину неудачи, кто побудил бы его снова сесть в седло. Если вы не были Возлюбленным сыном, то приходящие на этой стадии испытания могут показаться вам враждебными, будут восприняты вами как признак отторжения жизнью именно вас, особенно если вы предоставлены самому себе. Мой друг Морган вспоминает урок физкультуры, когда он получил душевную рану, ставшую одной из самых глубоких душевных ран его жизни. У Моргана был избыточный вес, и когда учитель вызвал его подтянуться на перекладине, он просто на ней «завис». «Это было такое унижение! Помню, я висел и думал: „Я не настоящий парень и никогда не стану мужчиной!“».

Душа мужчины нуждается в испытаниях, в приключениях, в жизненном опыте схваток со «львами» и «медведями», в опыте, который приводит юношу к *твердой уверенности* в себе, проявленной Давидом в бою с Голиафом. Все происходящее на стадии Ковбоя ведет его к одной всеобъемлющей цели: к ответу на его главный вопрос. Становящийся мужчиной мальчишка спрашивает себя: «Есть во мне то, что нужно?» Задача отца — помочь сыну найти ответ, сказать ему то громогласное «да!», в которое поверит и сам мальчишка, потому что убедился в этом на

собственном опыте. Отец осуществляет инициацию сына, посредством приключений и тяжелого труда организуя те моменты, в которые ребром встает главный вопрос, и помогая добиться на него прямого ответа. Пусть отец даст сыну всеми глубинами его души почувствовать отцовское одобрение: «Да, ты можешь. В тебе есть то, что для этого нужно». Мальчишке необходимо убеждаться в этом сотни раз, но его мужская душа выхолащивается, если его удерживают от получения такого опыта, или если он вынужден самостоятельно справляться со своими неудачами, или если некому совершить его инициацию.

6

СТАНОВЛЕНИЕ КОВБОЯ

...Будьте мужественны, тверды.

1 Кор. 16:13

После нескольких летних путешествий в Тетон такие поездки стали своего рода традицией нашей семьи, к которой присоединились несколько наших друзей. А внутри этой традиции есть свои традиции. Черничное мороженое. Вечерняя прогулка на Лебединое озеро. Плавание на каноэ — по озерам и по вьющейся через национальный парк реке Снейк. Пикники на озере Стринг, посреди которого высится замечательная скала — на нее можно взобраться и с нее нырять. В один прекрасный день лет пять назад Сэм отпросился покататься в одиночку на каноэ. Кажется, ему было лет одиннадцать. Озеро мелкое и не слишком широкое, так что его легко переплыть, поэтому мы ему это разрешили. То была минута торжества Сэма, который в гордой индейской позе работал в своем каноэ веслом, пока не скрылся из виду. И здесь важно именно это «скрылся из виду», ведь юному Ковбою (или Рейнджеру) нужна возможность проверить себя вне пределов досягаемости мамы и папы. Сэм отсутствовал минут двадцать, а когда вернулся, он уже пересек один из тех небольших, но важных рубежей, которыми изобилует эта стадия.

Еще у нас есть традиция на протяжении целого дня сплавляться по реке Снейк — на ее живописных берегах изредка мелькают лоси и бизоны, а на деревьях сидят орлы. На ленч мы всегда останавливаемся на песчаном пляже, откуда затем поднимаемся на четверть мили вверх по реке и в спасательных жилетах прыгаем в бодрящую холодом воду, плывя назад по течению, словно утиный выводок или стая выдр. Что касается плавания на каноэ, пока дети были маленькими, они просто сидели в них пассажирами. Потом, годам к двенадцати-тринадцати, стали по очереди садиться на корму, пробуя свои силы в гребле. И, наконец, два года назад мы попросили старших ребят — Сэма и Джесса, пятнадцати и семнадцати лет, — самостоятельно вести две лодки с пассажирами, потому что к этому времени у них уже было больше умения и опыта, чем у других членов нашей группы.

Настоящие быстрины на реке начинаются только в конце нашего традиционного дневного перехода, и учитывая, что наши каноэ обычно загружены пассажирами и сумками-холодильниками, мы самые трудные из них всегда обходили стороной. Но этим летом мы решили — в последний момент, ярдов за сто до быстрины, — пройти ее напрямик. Блейн, Люк и я сидели в первом каноэ и, хотя мы зачерпнули немного воды, преодолели препятствие. Шедшие сзади Стейси и Сэм на середине пути встретили большую волну под неправильным углом, так что их каноэ перевернулось, раскидав по всей реке маму, сына, наши сумки и прочий скарб. Быстро плавающий Сэм уже вытащил большую часть имущества на берег, пока я только-только к нему причалил. Но Стейси пыталась спасти каноэ, погрузившееся в воду и быстро влекомое течением мимо нас и последней

удобной высадки на берег по направлению к еще более опасному порогу. В мгновение ока Сэм вновь очутился в воде, догнал Стейси и ухватился за каноэ, которое и потянул к берегу, предоставив маме возможность добираться до берега самостоятельно. Тем временем на помощь ей уже пришел Блейн.

Это спасение на водах стало грандиозным событием, ведь оба мальчика показали, в кого они превратились — в юных мужчин. От них требовалось быть сильными, и они с этим справились.

Приключения закаляют сердце мужчины

У вас есть сила, и она востребована. Если мужчина чувствует, что это сказано о нем, он встает и занимается мужским делом. Когда мальчик начинает становиться мужчиной, обязательно должно быть решено несколько ключевых вопросов. Он должен убедиться в том, что у него есть настоящая сила, и он должен понимать, что в конечном счете его сила дана ему ради блага других людей. Еще есть отвага, которую в нем нужно воспитывать, потому что она понадобится ему на каждой следующей стадии его жизни. Приключения нужны для того, чтобы развивать душу мужчины, ведь приключения требуют от нас стать такими, какими мы хотели бы быть, да только не уверены, что способны на это. Приключения возвращают и закаляют сердце мужчины таким образом, который и объяснить-то нельзя, — это нужно испытать самому. Их действие несравнимо ни с чем другим мне известным. Вот что пишет Норман Маклин о людях, которые прыгают с парашютом над пересеченной местностью, чтобы потушить лесной пожар:

Многим мужчинам очень важно с предельной ясностью показать самим себе и всему миру, что они любят окружающий мир, но не запуганы им и он не сможет нарушить их душевной непоколебимости, что бы он им ни преподнес. Более того, уже на ранних стадиях своей жизни [на стадии Ковбоя] они требуют от себя совершать что-то такое, что с тех пор всегда можно будет считать демонстрацией этой укоренившейся в них непоколебимости.

«Юноши и огонь»

Как я уже писал в «Необузданном сердце», тяга к приключениям — это духовная жажда, вложенная в сердце каждого мужчины. Обратите внимание, что в библейских рассказах, когда бы Бог ни занялся каким-то человеком, Он всегда втягивает его в первоклассное приключение. Авраам, призванный Богом из Ура, чтобы следовать за Ним в земли, которые он прежде никогда не видел, и никогда не вернуться назад. Иаков, глухой ночью в пустыне борющийся с Богом. Петр, в свирепую бурю побуждаемый Христом выйти из лодки. Павел, призванный отказаться от роли фанатичного иудея и стать апостолом для язычников восточной Азии. История его путешествий — это следующие одно за другим чудесные избавления от опасности.

Биографию Теодора Рузвельта стоит прочесть. У него было выхолащивающее мужскую душу детство — он рос разжиревшим избалованным сыном богачей, да еще и со слабым зрением. В детстве мать одевала его в девчоночьи платья. Взрослея, он понял, что ему необходимо развиваться в качестве мужчины, понял, что ему нужна инициация. Он расстался с рафинированной культурой элиты Восточного побережья и направился на Запад, где купил ранчо на территории, которая тогда называлась просто Дакотой¹⁵. Он начал жить на природе, ездить на лошадях, охотиться — не столько ради удовольствия, которое все это ему доставляло, сколько ради того действия, которое все это оказывало на его душу. В конечном счете он стал охотником на крупных африканских животных, стреляя в слонов и львов за считанные мгновения до своей неминуемой гибели. На примере своих охотничьих приключений Рузвельт показывает, как он развивал в себе мужскую отвагу и силу духа:

На охоте выслеживание и добыча дичи есть, в конце концов, лишь часть целого. Свободная, самостоятельная, полная приключений жизнь.... дикая природа вокруг,

¹⁵ То есть без деления на Северную и Южную Дакоту.

грандиозные пейзажи... вместе все это придает занятию охотой особое очарование. Выслеживание добычи — один из лучших национальных видов спорта, он развивает ту энергичную мужественность, отсутствие которой у нации, как и у отдельно взятой личности, не искупается наличием любых других качеств.

Благодаря привычке и постоянным упражнениям в самообладании... [охотник] должен полностью владеть своими нервами... Первые два-три оленя, которых я увидел в своей жизни, вызвали у меня «охотничью лихорадку», но после того как я набрался опыта с обычной добычей, у меня не бывало никакой «охотничьей лихорадки» даже с добычей опасной. В моем случае преодоление этого «недуга» стало результатом сознательных усилий и твердой решимости его преодолеть. Людям с более удачной нервной конституцией вообще не нужны такие целенаправленные усилия — чем, возможно, доказывается, что среднему человеку может больше пригодиться мой опыт, чем опыт людей исключительных.

Пусть читатель, который считает себя «средним» человеком, особо отметит то, что Рузвельт — мужчина, борющийся с лишним весом, имевший слабое зрение, не прошедший никакой инициации у своего отца — смог самостоятельно развить в себе такую уверенность, которую мы видим у Давида перед схваткой с Голиафом. Он отправился в путь, и сам нашел для себя инициацию, и ее прошел. Слишком много знакомых мне мужчин не прошли стадию Ковбоя, а значит, скорее всего, своим сыновьям они тоже не помогут ее пройти. Поэтому нам нужно вернуться назад и начать с того места, где мы остановились, двигаясь так же целеустремленно, как и Рузвельт. Он, кстати, в дальнейшем стал Воином, потом Любящим и — на мой взгляд — хорошим Царем, и все это было заложено в нем на стадии Ковбоя.

Далее, масштаб приключений должен подходить мальчишке или мужчине, соответствовать характеру его продвижения по пути возмужания. Садитесь в каноэ, гребите как умеете, ведите его сами. Это прогресс. Возьмите с собой в приключение мальчишку и предоставьте ему постепенно возрастающую меру свободы и ответственности. Мои сыновья только что отправились на ночевку в горы неподалеку от нашего дома. Я смотрел в окно, как они собираются, то есть запихивают в рюкзаки столько закусок, сколько в силах унести, и увидел, что назревает гроза. Я предложил им взять с собой мою зимнюю палатку «Northface». «У нас есть брезент — все будет отлично». — «Брезент?» Я воззвал к их мудрости, предостерегая, что они промокнут и замерзнут, если не возьмут палатку. «Пап, — сказал Сэм, — как же мы будем учиться на своих ошибках, если ты не позволяешь нам их совершать?» Да, и в самом деле.

Но сначала удостоверьтесь в том, что проверка или испытание придется юноше по сердцу. Один мой друг хотел устроить своему четырнадцатилетнему сыну что-то вроде турпохода и договорился еще с несколькими приятелями вместе пройти по необжитым местам. Мальчишка спросил отца: «А к чему все это?» И отец ответил: «Чтобы ты становился мужчиной». На это сын заявил: «Я не хочу быть мужчиной. Я хочу быть мальчиком». Он в своей жизни, похоже, уже успел получить множество ран, и отец знал, что сыграл в этом немалую роль. Его отсутствие в жизни сына, его собственные надломленность и греховность как мужчины вынудили мальчишку в слишком раннем возрасте за многое взять ответственность на себя. И хотя отец раскаялся и постарался стать по-настоящему хорошим отцом, сыну все еще требовалось некоторое возмещение. Ему требовалось побыть Возлюбленным сыном, которым ему не довелось себя ощутить, и в его случае приглашение на стадию Ковбоя было преждевременным.

Стадии возмужания частично накладываются друг на друга, и хорошая основа доброты и не обусловленной никакими требованиями любви должна быть заложена в душу мальчишки, чтобы переход со стадии на стадию не воспринимался им как непосильный, или преждевременный, или недружественный. Приключения и труд, которые мы выбираем для мальчишки, должны быть ему по душе. То, что для одного юноши — приключение, может оказаться крошечным адом для другого.

Здесь я должен кое-что пояснить. Приключениям на пути возмужания отведена очень важная роль. К сожалению, мы живем в эпоху, когда приключения стали сферой большого бизнеса. Журналы заполнены фотоочерками о самом современном снаряжении, о самых экзотических

местах, о самых экстремальных приключениях — люди там спускаются в каяках по водопадам и занимаются кайт-серфингом, выискивая невероятно огромную волну. Значительная часть подобных приключений вообще не имеет отношения к инициации — они становятся просто экстравагантной (иногда экстремальной) игрой, не более чем развлечением недорослей. Зачастую фигурирующие в таких журналах персонажи — типажи Питера Пэна в эпоху постмодернизма.

Без своего смыслового контекста приключение по большей части — это... просто приключение. Ничего плохого в нем нет, но, как я знаю по опыту, а вы могли слышать в интервью с честными искателями приключений, оно ничего не оставляет после себя. Отчасти поэтому продолжают отодвигаться границы экстрима. Мало влезть на Эль-Капитан¹⁶ — теперь это надо делать без шлямбуров¹⁷, в одиночку, за один день. Такие вот безумства. Как я писал в «Необузданном сердце» (вам следует его прочитать и проработать, если вы до сих пор этого еще не сделали), существуют разные уровни приключения — от проходного до определяющего и критически важного. Страницы туристических журналов заполнены рассказами о проходных приключениях. Я верю в то, что они способны подготовить мальчика или мужчину к более важным приключениям и могут стать ключевой составляющей инициации, если у них есть смысловой контекст и если они предназначены для того, чтобы служить первым шагом к более важным приключениям. Вы не сможете за один день превратиться из лежебоки-телезрителя в сильного мужчину. Но мы не должны лелеять идею, будто проявление мужественности сводится к совершающимся одна за другой вылазкам на природу.

Приключения бывают разными — это и проколота шина через двести миль после начала путешествия по пустыне, и предложение друзей забраться в лесные дебри, и непреодолимое желание сменить профессию. Мы, мужчины, должны искать приключения и приветствовать их, когда они неожиданно находят нас сами, — не для того, чтобы жить для себя, растрачивая силы на рыбалку и гольф и страдая синдромом Питера Пэна, но потому, что в нашей мужской душе есть то, что должно усилиться, что должно откликнуться на зов, а происходит это только в приключениях.

Нечто эпическое

Когда выдается день с небывало большими волнами, превращающими серфинг в рискованное приключение, среди молодых серфингистов пользуется успехом прилагательное «эпический». Например: «Слушай, там было нечто эпическое. Тебе надо было это видеть». В самом деле, юноше нужно нечто эпическое.

Ведь столь многое в поисках опасности, которые мы видим у молодежи, является поисками более глубокого опыта — опыта по своей природе духовного, хотя она и не может выразить это словами. Обратите внимание на то, что для мальчишки, когда он становится старше, типична тяга ко все более экстремальным приключениям. Ему уже недостаточно того, что он освоил сноуборд, — теперь он хочет проделывать свои трюки в хафпайпе¹⁸. Ему уже недостаточно, что он научился альпинизму, — теперь ему нужен маршрут категории сложности 5.11. Машины становятся все быстрее. Шум становится все громче. Музыка становится все быстрее и тоже громче. Понимаете, что происходит? Он стремится к чему-то эпическому. Просто взгляните на то, какие фильмы любит молодежь: «Звездные войны», «Храброе сердце», «Гладиатор», «Матрица», «Падение Черного ястреба», «Властелин колец». Сердце юноши жаждет участвовать в чем-то эпическом.

Мы должны помочь ему найти это в христианстве. Нам самим нужно найти это в Боге. Сколько раз мы проходим мимо этого стремления молодого человека, призывая его «успокоиться», в то время как нам следовало бы направить его стремление к Богу. Следование совету «сходи в церковь» его удовлетворить не может. Возможно, посещение церкви помогло бы ему как-то выразить свое эпическое переживание, коль скоро оно связано у него с христианством, но такое посещение само по себе — это не эпическое переживание, и одного его недостаточно, чтобы такое

¹⁶ Вершина калифорнийского хребта Сьерра-Невада в национальном парке «Йосемити» с отвесными склонами до 1000 м высотой.

¹⁷ Вбиваемые в трещины скалы крепления для страховки, также «костыли», «крючья» и т. п.

¹⁸ U-образная чаша, которая позволяет сноубордистам двигаться от одной стены к другой, выполняя трюки при каждом перемещении.

переживание выразить. Духовность, которую мы предлагаем молодому человеку, должна быть эпической, иначе он для нас потерян.

Мои рекомендации по этому поводу состоят из трех частей. Прежде всего, взгляните на свою христианскую веру. Она эпична? Или она просто мораль добропорядочных людей плюс набор молитв? Вспомним, что в Писании, когда бы Бог ни занялся каким-то человеком, Он всегда втягивает его в эпическую историю, полную опасностей и драматизма и исполненную глубокого смысла. Авраам, Иосиф, Давид, ученики Иисуса, Павел... Рассказы, которые мы там читаем, не предназначены для того, чтобы просто произвести на нас впечатление, мол, какая у этих людей была насыщенная жизнь. Это примеры того, что с нами может произойти, если во имя Бога мы откажемся от самих себя. В случае многих мужчин это, помимо всего прочего, означает, что они перестанут подстраховываться, играть в заведомо безопасные игры.

Когда речь идет о воспитании мужчины, чрезвычайно важно, чтобы жизнь (и христианская вера) его отца в своей основе была эпична. Помните старую песню Кэта Стивена «Отец и сын»? Юноша жаждет отправиться в путешествие, а отец его отговаривает: «Сейчас не пора для таких перемен, / сядь-ка да не спеши. / Ты все еще молод, вот твой изъян, / тебе еще многое нужно пройти». Сядь-ка? Не спеши? Это последнее, что хочет услышать молодой человек, тем более от своего отца. Духовная жизнь отца его либо увлекает, либо отталкивает.

Джесс, сын Гэри, в прошлом году окончил школу. Многие месяцы он мечтал о чем-нибудь эпическом, о каком-нибудь путешествии. Он заводил речь о поездке в Европу. Гэри его планы поощрял, они вместе их обсуждали, вместе молились, прося Бога предоставить такую возможность в нужный момент. Как раз в этом месяце Джесс вернулся домой, в одиночку пройдя четыреста миль по дорогам Испании, повторив паломнический путь святого Иакова. Первокласное приключение, имеющее духовный контекст. Джесс отправился в путь, чтобы открыть для себя новые горизонты и услышать голос Бога.

Роль природы

Несколько мужчин написали мне о том, что поначалу им не хотелось читать «Необузданное сердце», потому что их «не тянет во все эти турпоходы». Они любят города, а не дикую природу. Субботу они проведут за чтением книги или сходят в кино. Они никогда не были на охоте и в ближайшие сто лет не собираются. Они работают в четырех стенах, в офисе, и их это вполне устраивает. И все же дальше они мне рассказывали, что при чтении «Необузданного сердца» многое открыли для своей души: они поняли, что волнующие мужское сердце темы — всеобщие. За это я им очень благодарен. И я хочу сказать, что вовсе необязательно, чтобы мужчина становился скалолазом, или охотником, или проводником сплавляющихся на плотах через пороги, чтобы испытать то, о чем я пишу в этой книге.

Один из моих любимых фильмов — «Найти Форрестера». Действие в нем происходит в центре Нью-Йорка. Сначала мы видим одаренного чернокожего парня, учащегося школы. Он — талантливый писатель, но у него нет отца и свои таланты он скрывает. Парень встречается взрослого писателя, эксцентричного, психически неуравновешенного и тоже талантливого. Тот берет юношу в своего рода литературные ученики, но ученика отнюдь не балует. По отношению к литературным опытам юноши он безжалостен, но юноше это нравится — ему нравится, что в его становлении принимает участие взрослый человек. Это тяжелый труд, время испытаний, но этот юноша без отца получает в квартире на десятом этаже от страдающего агорафобией¹⁹ писателя нечто больше того, что можно выразить словами: «Ты сможешь. В тебе есть то, что нужно». Это тоже стадия Ковбоя, но проходит она целиком в городе.

И тем не менее есть что-то жизненно важное и даже необходимое для мужской души, что можно найти только на природе. Позвольте мне вам это пояснить.

Во-первых, стоит вспомнить, что природа — это тот самый мир, который создал Бог и в который Он поместил человека. Он сотворил Адама не из полиэфира, а из «праха земного» и предназначал ему жить не в торговом центре, а на открытом воздухе, *на природе*. Сотворенный мир природы со

¹⁹ Боязнь открытого пространства, сопровождающая многие нервные расстройства и психические заболевания.

всей ее красотой, и разнообразием, и дикостью — это мир, во взаимодействии с которым нам предназначено жить Богом.

В Писании ясно сказано, что в самой ткани существования этого мира содержится много уроков, которые, по замыслу Бога, должна преподнести нам природа. Как сказал Павел, «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1:20).

Как вы можете вспомнить, когда Бог нисходит до непосредственного общения с Иовом, то в ответ на все его сомнения и вопросы указывает ему на природу:

Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее?.. <...> Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града?.. <...> Кто проводит протоки для изливания воды и путь для громоносной молнии?.. <...> Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах, и замечал ли роды ланей? <...> Твоею ли мудростью летает ястреб?.. <...> Можешь ли ты удою вытащить левиафана?..

Иов 38:12, 22, 25; 39:1, 26; 40:20

Есть свои смирение и зрелая мудрость в том, чтобы учиться у природы, усваивать ее уроки, которые нельзя получить ни в какой другой школе. Согласен: сидя за компьютером, я тоже учился смирению, но все это бледнеет по сравнению с тем, чему я учился в горах. А там можно получить еще много других уроков.

Приклоните ухо, и послушайте моего голоса; будьте внимательны, и выслушайте речь мою. Всегда ли земледелец пашет для посева, бороздит и боронит землю свою? Нет; когда уравнивает поверхность ее, он сеет чернуху, или рассыпает тмин...

И такому порядку учит его Бог его; Он наставляет его. Ибо не молотят чернухи катком зубчатым, и колес молотильных не катают по тмину; но палкою выколачивают чернуху, и тмин — палкою.

Ис. 28:23-27

Исайя говорит здесь о земледельце — о человеке, работающем в мире природы, — чтобы напомнить нам о том, что существует естественная логика вещей. Для нас это один из величайших уроков природы. *Существует естественная логика вещей.* В нашем мире нельзя действовать как кому заблагорассудится. Поставьте каноэ бортом к волне, и оно опрокинется. Попробуйте подобраться к вапиту с наветренной стороны, и только вы его и видели. Проведите ладонью по неструганой доске, и в кожу вонзятся занозы. *Существует естественная логика вещей.* И какой же это важный урок для человека! В царстве природы невозможно взять и заказать в номер завтрак, или переключиться на другой канал, или поставить новую версию операционной системы. Вы не можете игнорировать естественную логику вещей — вы должны усваивать ее уроки. Смирение и мудрость приходят к человеку, когда он эти уроки усвоит, когда научится в соответствии с ними строить свою жизнь. Бог наставляет человека с помощью мира природы.

С другой стороны, искусственный мир — это мир, который в основном находится под нашим контролем. Именно поэтому он нам и нравится — мы, мужчины, любим, когда у нас все под контролем. И хорошо, чтобы контроль был дистанционным. Но нет, для мужской души это не благо, и это не благо для его духовности. Бог не находится под нашим контролем, и мир природы помогает мальчику и юноше это осознать. Он достаточно велик, достаточно могуч, достаточно грозен, чтобы вынудить вас перестроиться. Вы — не центр вселенной. В ней есть силы, требующие от вас уважения. Умение жить в гармонии с ними существенно для вашего выживания, не говоря уже о том, чтобы вы могли чувствовать себя счастливым. Таким образом, вполне понятно, что на протяжении столетий совершаемая инициация мужчины почти неизменно выводит его в мир природы, и на долгое время.

Итак, я утверждаю, что столкновение с миром природы — с миром, в который нас поместил Бог, — существенно для мужской инициации. При этом я не считаю, что каждый мужчина должен

любить охоту и рыбалку. И все же у природы можно научиться таким вещам, получить от нее такие уроки, которые просто нигде больше не получить. Речь может идти о плавании в открытом море. Речь может идти о езде по проселку на велосипеде. Так означает ли это, что мужчина, предпочитающий городскую жизнь, не в состоянии пройти инициацию и достичь зрелости? Ни в коем случае! К. С. Льюис не был альпинистом или лесовиком. Он проводил свои дни, сидя над книгами, в кабинете и библиотеках. Но для меня важно, что день, прожитый без прогулки, он считал неполным. Нет, не без пятидесятимильного турпохода. Без прогулки в роще. Или в полях. Кстати, стоит попробовать, и я обещаю, что там вас встретит Бог, если только вы от Него не отвернетесь.

Инициация

Прошлой зимой мы, наконец, купили ранчо — это была кульминация эпопеи, на подробное изложение которой здесь места нет. Скажу только, что началась она лет двадцать назад. Одной из решающих причин вложения почти всех наших многолетних сбережений в недвижимость, расположенную в некотором отдалении даже от захолустья, стала забота о благе наших сыновей, которые уже перешли на стадию Ковбоя, и понимание того, что в начавшие быстро улетать годы нашей жизни нам может больше никогда не встретиться столь подходящий вариант. Время пришло — нас просили об этом сердца сыновей. А о чем еще так сильно может мечтать мужчина, как не о том, чтобы быть на коне? Собственно, ранчо продавалось вместе с несколькими лошадьми, которые годами не ходили под седлом, поэтому прошлым летом я попросил одного моего друга, профессионального лошадирика, заехать к нам и оценить, что же мы в результате приобрели.

Была там одна лошадь, которую мы никак не могли поймать. Этого не смог сделать даже мой друг Джим, творящий с лошадьми чудеса. В конце концов мы от нее отступились и стали работать с теми, которых сумели загнать в наш круглый кораль. Люк, которому тогда исполнилось двенадцать лет, проникся симпатией к этому неукротимому жеребцу по кличке Мо-Джо и часа два потратил на бесплодные попытки его приручить, делая это при помощи морковки и ласки. У Мо-Джо была эта иногда встречающаяся у лошадей блажь, когда им кажется, что все и вся против них. Он нас просто боялся. Маленький и кроткий Люк выглядел прекрасным решением проблемы, и спустя какое-то время Мо-Джо последовал за ним в кораль. «Да, Люк, — сказал тогда Джим, — похоже, мы уже знаем, чья это будет лошадка».

Ради связности рассказа сразу перескочу вперед. После долгих тренировок по приучению одичавших лошадей к человеку, к узде, к выезде мы в конце концов оседлали Мо-Джо и Люк на него взобрался. Конь рысцей пошел было за Джимом внутри загона, как вдруг резко подался влево — он не взбрыкнул и не попытался сбросить Люка, но Люк полетел на землю. Ох! Это больно, и легко понять, что Люку хотелось заплакать. Кроме того, он был напуган, а Мо-Джо нервничал еще больше. Наступил критический момент. Что бы вы сделали, чтобы в сердце мальчишки не осталось раны? (Стейси все видела и позже мне призналась, что хотела броситься в кораль и утешить Люка.) Помните, я говорил, что в сердце Ковбоя появляется рана, если он постоянно терпит поражения или если никого нет рядом, чтобы объяснить ему причины его неудач и помочь снова сесть в седло? Люк колебался, не зная, на что решиться. Джим подошел и положил ему руку на плечо, сначала чтобы убедиться в том, что Люк расшибся несильно, а потом чтобы дружески ему объяснить, что произошло:

— Ты все делал правильно. Он не хотел тебя сбрасывать. Он слишком резко повернул, вот и все. Мо-Джо тебя любит, Люк, и знаешь, что тебе нужно сделать? Тебе нужно снова сесть в седло. Прямо сейчас. — Долгая пауза. — Ты сможешь, Люк. Пора становиться ковбоем.

— Ладно.

Окруженный любовью и поддержкой, но не избалованный жалостью и телячьими нежностями, Люк вернулся в седло. Остаток дня прошел хорошо, и, когда мы вечером за ужином обсуждали случившееся, Люк воскликнул:

— Я чувствовал себя победителем!

Вот оно! Именно к этому и стремишься на стадии Ковбоя. В тебе есть то, что нужно. Мне понравилось выражение лица Люка, когда он сказал «...победителем!». И это заставляет меня

задуматься о том, какое неоконченное дело Бог хочет довести до конца в нас, мужчинах, подняв нас там, где мы упали? Может быть, приступить к инициации, которая так и не начиналась?

Вы, наверное, помните, какое большое значение имело для меня ранчо моего деда на стадии Ковбоя. Оно было для меня даром, и, подобно многим дарам, этот был в конце концов похищен. Когда мне было восемнадцать лет, дед заболел раком и довольно скоро умер. Для меня его смерть оказалась такой мучительной, что я даже не смог заставить себя прийти на его похороны. Тот год ознаменован концом моей истории с ранчо и лошадьми. Перенесемся на два с половиной десятилетия вперед. Друзья, имеющие здесь, в Колорадо, ранчо, пригласили меня на денек покататься на лошадях. О, как я этого ждал! Хотя тем холодным днем в конце января на земле лежал снег, мне не терпелось промчаться по окрестностям. Мне, но не лошади.

У лошадей на ранчо сезон выезда закончился уже пару месяцев назад, и мой конь не был счастлив куда-то там скакать, причем в одиночку и с незнакомым всадником. Он все норовил повернуть назад, к конюшне. Мы начали с ним сражаться, и я совсем было пал духом. «Сделай что-нибудь, Боже. Ты знаешь, как много это для меня значит. Неужели все должно быть так плохо?» Лошадь становилась неуправляемой, и мне это начало казаться символом всей моей жизни. «Почему для меня все должно быть таким трудным?» (А много ли среди нас найдется мужчин, которые хотя бы раз в жизни не говорили себе нечто подобное?) Я боялся, что в любой момент прогулка может превратиться в родео, поэтому готов был уступить, сдаться, свернуть. Но что-то толкало меня вперед. Когда я стал понуждать упрямую лошадь двигаться по трудному для нее рельефу — мы, то и дело чуть-чуть оскальзываясь, поднимались и спускались по крутым заснеженным тропам, — у меня забрезжил вопрос: «Отец, так Ты здесь?»

Одна из форм, в которой запечатлен в моем сердце главный мужской вопрос, — «Есть в тебе то, что нужно, чтобы быть хорошим наездником?». Для другого человека лошади могут мало что значить. Наш вопрос настигнет его в другом месте — на работе, или на спортивной арене, или вообще в сфере финансов. Но для меня вопрос упирается в них, в лошадей. И в тот день, поднявшись на гребень, полностью взяв под контроль лошадь и покорив все трудные тропы, я в глубине души ощутил удовлетворение иного, совершенно неожиданного рода. Бог хотел дать мне ответ на мой вопрос крупицей моего же личного опыта, и только день, подобный сегодняшнему, позволил Ему это сделать. По пути домой я задумался: «А сколько вообще в моей жизни было такого, что я понимал неправильно? Такого, что я списывал на обычные проблемы, на „жизнь трудна“, а то и на враждебность ко мне мира, тогда как рядом со мной был Бог, Который в этих испытаниях хотел стать для меня истинным Отцом?»

В обществе мужчин

Для меня, как и для моих сыновей, многие из подобных историй сначала рождались — а теперь рассказываются — в компании мужчин, которые каждый год выезжают в гористые пустоши, расположенные в окрестностях города Моаб (это уже штат Юта), чтобы в свои выходные заняться альпинизмом, ездой на горных велосипедах и всеми теми безумствами, которые почему-то начинаются, когда сугубо мужская компания вырывается в какие-нибудь глухие места на свободу. Утром мы обычно катаемся, потом, в послеполуденную жару, отправляемся к реке Колорадо, чтобы окунуться в нее (единственная наша «ванна» за пять дней), потом возвращаемся на склоны каньона, чтобы лазать по ним до ужина. Наше сообщество включает в себя два поколения — в нем есть подростки, есть молодые люди уже за двадцать и есть мы, их отцы. В общей сложности от десяти до двадцати человек. И это очень плодотворное время, потому что молодые люди сглаживают барьер между отцами и детьми: мальчишки смотрят на них и рады находиться в их обществе, а им, в свою очередь, нравится быть рядом с нами, старшим поколением.

Это имеет большое значение для инициации мужчины. В одиночестве отцу пришлось бы взвалить на себя слишком тяжелое бремя. Нужно мужское сообщество, чтобы ввести мальчишку в мир мужчин и сопровождать молодых людей в их взрослении. Впрочем, на пустошах близ Моаба ни о чем таком не говорят — там просто парни вместе участвуют в приключениях. «Эй, Ник, разведи-ка нам костер». «Эй, Блейн, на этом восхождении ты пойдешь впереди». У нас есть свои ритуалы, например, возле родника мы присуждаем звание «Обнаженный мужчина Холодного ключа» (не

нужно много воображения, чтобы понять, почему). Мы разрешаем мальчишкам гонять по грунтовым дорогам, и они просто счастливы. Но главным событием во время этой поездки в окрестности Моаба становятся для них вечерние костры, когда рассказываются разные истории. Не могу дождаться, когда в этом году услышу рассказы Джесса об Испании. Он перешел из категории слушателей историй в рассказчики, так как на своем пути уже давно достиг стадии Ковбоя.

Мне очень понравилась книга «Вечный поток», автор которой — известный в прошлом репортер газеты «Washington Post» Уолт Харрингтон. Это прекрасно написанный рассказ о его пути возмужания, об освобождении, а лучше сказать о спасении, от той жизни, которую большинство мужчин ведет в нашей столице, «городе, где у людей нет друзей — только знакомые. Это город бешеной спешки, где работающие мамы и папы мчатся в детские сады, чтобы успеть туда до шести часов вечера, ведь с этого момента им придется платить доллар за каждую минуту опоздания. Это город, где работа и достижения ценятся превыше всего», город, как мы убеждаемся, фактически убивающий в мужчине душу. Мне знакома эта история. Когда-то я сам там работал. Это город, где полно мужчин, претендующих стать Царями, но никогда не бывших ни Ковбоями, ни Воинами, ни Любящими. Как предостерегает Харрингтон, «Вашингтон — это будущее Америки».

Чтобы «проложить себе путь», что пытается сделать большинство мужчин, Харрингтон работал по семьдесят часов в неделю без выходных. Работал он и во время отпуска, все писал и писал. Работал в Рождество. Жил на «острие современной жизни», что означает — он и его жена работали в сумасшедшем режиме, их дети практически жили в детском саду, счета за мобильники были астрономическими. «Сейчас это звучит ужасно, но пока мы, словно безжалостные специалисты по организации труда, строили свою жизнь, мы считали, что у нас все в порядке». Внутреннее освобождение Харрингтона происходило преимущественно в сельской местности штата Кентукки, где он со своим тестем и его приятелями в каждый День благодарения охотился на кроликов. Когда тесть в первый раз позвал Уолта пойти с ними на охоту, тот хотел было отказаться, считая это варварским занятием, но все-таки пошел и в тот день подстрелил своего первого кролика. В этот момент, признается Харрингтон,

...моя жизнь полностью изменилась, хотя я этого сразу не осознал. Лишь на следующий год я понял, что в тот день мне лучше было стрелять из дробовика не с таким сильным дульным сужением ствола, а с умеренным, при котором кучность боя меньше, что повышает шансы попасть в цель. И лишь через несколько лет я дошел до того, что сменил ружейную дробь номера 7.5 на дробь 6-го номера, у которой убойная сила больше. Но только через пять лет я научился делать то, что Алекс, Бобби, Льюис и Карл делали запросто, — они давали вспугнутому кролику отбежать ярдов на двадцать пять, прежде чем выстрелить в подпрыгнувшее животное несколько выше «центра мишени», так чтобы разлетающиеся дробинки накрыли только голову и переднюю часть тела, а мясистая задняя часть не оказалась испорченной для еды. И самое главное — прошло чуть ли не десятилетие, пока я осознал, какую честь оказали мне эти люди, приняв меня в свой круг, и тогда я начал записывать их историю, к тому времени ставшую уже и моей историей. Иногда я задумываюсь над тем, как сильно отличалась бы моя сегодняшняя жизнь, если бы тот кролик не заскочил в штабель кедровых бревен, если бы Карл не устоял перед искушением выстрелить из своего ружья, если бы я вообще не познакомился с Алексом, Бобби, Льюисом и Карлом.

Общение с этими старыми охотниками изменило жизнь Харрингтона. Оно его просто спасло. И он первый признаёт, насколько редко встречается такое сообщество мужчин. Я годами упорно завоевывал дружбу мужчин — приходится быть упорным, чтобы найти друзей и поддерживать с ними дружбу, — и буквально двумя руками держался за наши вылазки в окрестности Моаба и охоту на вапити, когда мужчины, мальчишки и юноши собираются вместе. Я знаю, это редкость, но этого можно добиться. Это нужно вам, и это нужно вашим сыновьям.

Тяжелый труд

Должен сказать, что есть свой ритм у нашей планеты и свой ритм у живущего на ней мужчины. В наилучшем своем проявлении этот ритм — гармония дисциплины и свободы. Будни и выходные. Учебный год и летние каникулы. Утро понедельника и вечер пятницы. Убери в своей комнате и можешь идти гулять. На стадии Ковбоя мы обучаем мальчишку — причем мы, тоже проходящие инициацию, сами извлекаем из этого наиважнейший урок — сочетать приключения и тяжелый труд.

У нас в окрестности живет достаточно много одиноких женщин, и, похоже, за последние несколько лет каждая из них раза по три переезжала с места на место. Это было хорошо для мальчиков — мы подключали их к процессу перетаскивания вниз по лестнице диванов и холодильников и погрузке ящиков в арендованные фургоны. Разумеется, иногда они жаловались, как это свойственно всем мальчишкам: «Мы рабы наших соседей», но на более глубоком уровне это шло им на пользу, что они и сами понимали.

На этой стадии идеальными были бы миссионерские поездки. Для становящегося мужчиной мальчика увидеть, как живут в развивающихся странах, вплотную столкнуться с бедностью, помогать строить дома, кормить голодающих, обучать их английскому языку — это урок, который он никогда не забудет. Как и вы. После состоявшегося у меня несколько недель назад разговора с группой мужчин о стадиях возмужания один из них, лет шестидесяти с лишним, мне сказал, что во время своей недавней недельной миссии в Коста-Рику словно прошел все стадии инициации. «Сначала я чувствовал себя Возлюбленным сыном, просто отправившись в путешествие. Там была красивая природа, и меня не раз охватывало чувство землепроходца. Ощущая отеческую любовь к местным ребятишкам, я понимал, что наш Отец любит меня. Потом, когда началась работа (мы строили здание школы), я чувствовал себя юным Ковбоем, который впервые в жизни учится работать». Этот мужчина сиял. Изыщите способы привлечь ребенка к самостоятельному труду. Блейн хотел повесить у себя в комнате несколько полок. Когда мы с ним этим занялись, я протянул ему дрель со словами: «На вот, сверли». Смысл ясен: ты в силах это сделать. Поэтому меня не удивило, когда этим летом сыновья решили построить у нас на ранчо крепость и не захотели принять от меня помощь. Я почувствовал легкое разочарование, но радость за них была сильнее. Они выслушали только самые необходимые советы, а потом все делали сами, построив свою крепость (конечно же) так высоко на дереве, как только смогли. Лесенки, электроинструмент, самые разные пиломатериалы, входной люк на петлях. Если вы предоставите молодому человеку широкие возможности, он, скорее всего, даже не посчитает то, чем занят, работой.

Тем временем я сам прошел некую часть инициации, решив перекрасить крыльцо. Я купил краску, которая мне понравилась, с учетом надежности марки, и в магазине проверил оттенок цвета. Когда я вылил ее в корыто, чтобы начать красить валиком, мне показалась, что она немного темновата, но я подумал, что, может быть, она посветлеет, когда впитается и высохнет. Не посветлела. Теперь у меня почти все крыльцо имеет цвет, который мне не по душе. И опять же во мне проснулось это чувство безотцовщины. Почему Бог меня не предостерег? Почему я не последовал написанному на этикетке совету — попробовать краску где-нибудь в уголке, прежде чем окрашивать большие площади, а также не красить в такие жаркие дни, когда на крыльце можно зажарить кабана. Мне не хотелось тратить время на проверку. Я хотел сделать все быстрее. Хотя день был именно таким — жарким. Все тот же старый принцип «семь раз отмерь...» Я не подчинился дисциплине и поплатился. Понимаете, нам много чему нужно научиться, прежде чем мы станем по-настоящему сильными людьми. *Существует естественная логика вещей.*

Эта мудрость годится и для приключений. Есть в мальчишке или мужчине нерешительность? Займитесь этим. Что порождает в нем ощущение своей силы, храбрость и уверенность в себе? Займитесь этим. И, наконец, как вы будете противостоять этому врожденному себялюбию мужчины, как вы научите его служить людям? Займитесь этим. Моргана, кстати, никто не учил ремонтировать автомобили или что бы то ни было еще. В такой семье, как его, принадлежащей к верхушке среднего класса, вы просто звоните ремонтнику. Поэтому несколько лет назад в возрасте двадцати двух лет он в качестве этапа своей инициации пошел работать в мастерскую по ремонту автомобилей. Точно так же Аарон, которому тоже за двадцать, на протяжении года занимался чисткой ковров на дому. Это хорошая работа для Ковбоя. Между прочим, вы, те, кто постарше, в

качестве очередного этапа инициации можете для начала почистить собственные ковры, а не просто заплатить кому-то, кто сделает это за вас. Когда Харрингтон усвоил некоторые уроки стадии Ковбоя, он начал понимать, сколько самых разных возможностей инициации упустил в течение своей взрослой жизни:

Я даже не знал, как поменять глушитель в собственной машине. Когда я обзавелся своим домом, я тратил деньги на водопроводчиков, которые чинили подтекающие краны, и электриков, которые меняли сломанные выключатели. Я нанял дизайнера для благоустройства участка и садовника, чтобы дважды в год подстригать кусты и чистить газоны. Мой отец, даже если бы мог себе это позволить, ни за что бы не отдал такие значительные дела в собственном хозяйстве в наемные руки. Но я делал то, что и полагается делать молодым людям в Америке. Я вращался в высшем обществе. Я обедал с президентом. Странно, но, несмотря на мое восхождение по социальной лестнице, моей самой простой и самой заветной мечтой было научить Мэтта [сын Харрингтона] хоть чему-то из того, чему научил меня отец. Отец научил меня, что мужчина убивает животных и их ест. Из животных течет кровь. Умей с этим жить. Он научил меня, что мужчина стремится покорить свой мир, каким бы этот мир ни был. Мужчина не сидит и не хнычет — он действует. Самое главное, мужчина никогда не бессилён, каким бы бессильным он ни был. Может быть, эта философия проистекала из тяжелых обстоятельств его жизни, но такие ее благородные качества, как доброта и сила, жизнеспособность и самобытность, очевидны.

«Вечный поток»

Наставники и советчики

Да, я согласен, согласен. Если этого еще не произошло, он скоро снова застучит, и сильно застучит, в одиноком уголке вашего сердца. Он — это все тот же вопрос: «Но кто это сделает для меня? Для моего сына? Где мне это теперь искать, когда мне уже тридцать восемь... шестьдесят два?»

Мой ответ многих мужчин рассердит, даже не знаю, почему. Ответ — Бог. Это для вас сделает ваш Отец.

Я так много видел мужчин, уходивших в разочаровании после того, как я им это говорил. Может быть, это связано с какой-то неисцеленной раной, нанесенной их отцами. Или они не сознают, что возможна близость к Богу более проникновенная и задушевная, нежели все испытанное ими до сих пор. Но не отчаивайтесь, братья мои. Бог хочет быть вашим Отцом. И в какие-то моменты вашей жизни Он отечески вас наставлял, а у вас просто не было глаз это увидеть. По сути, даже самый лучший земной отец не смог бы сделать для вас больше. Он и не предназначался быть для вас всем. Нет, он просто должен был привести вас к истинному Отцу.

Бог иногда присылает в нашу жизнь нужных мужчин, чтобы «заполнить пробел». Та история с рыбной ловлей на Саут-Платте — лишь одна из сотен, которые я мог бы вам рассказать. Я научился чинить свой «фольксваген», понаблюдав за механиком, к которому обратился по этому поводу, и поговорив с ним об автоделе. Скалолазанию я научился еще от одного человека, а любить Шекспира — благодаря моему школьному учителю драматического искусства. Некоторые из моих нынешних наставников давно умерли — Клайв Льюис и Джордж Макдональд, Иоанн Креста и Фома Кемпийский. Я так многому от них научился!.. Бесценный урок может быть преподан нам самым неожиданным образом. Мы можем найти наставника, который проведет нас через многие стадии, но все мы теперь понимаем, как трудно его найти. Не требуйте, чтобы все свелось к одному-единственному человеку.

Вы, мамы, если у вас в доме нет для этого мужчины, сами отведите сына в бойскауты или в церковную организацию, где предлагаются реальные приключения. Пусть он займется спортом — не обязательно с напряженным графиком тренировок в клубной команде, а чем-то для него увлекательным и не слишком обременительным, скажем в группе отдыха и туризма, как правило, существующей где-нибудь поблизости. Пусть в школе он пройдет курс обучения в столярной

мастерской. Отправьте его в летний лагерь, а когда он станет чуть постарше, пусть сам работает в таких лагерях. Возможно, на протяжении нескольких лет рядом с вашим сыном не было мужчины, чтобы взять его под свое крыло, — то, о чем сейчас горестно вспоминают многие мужчины, читающие эту книгу. Но им Отцом будет Бог. Если мы не можем на Него уповать, то я не знаю, что и сказать. Мы все погибнем.

По моему опыту, подтвержденному историями, которые рассказывали мне многие мужчины, Бог хочет совершать нашу инициацию непосредственно, лично, Своей рукой. Он стремится к таким же отношениям с нами, в каких был с Ним, свершая Свой земной путь, Иисус. Помните, вы — сын доброго, сильного и участливого Отца, достаточно мудрого, чтобы руководить вами на вашем пути, достаточно заботливого, чтобы обеспечить вас всем необходимым, предлагающего делать на этом пути вместе с вами каждый ваш шаг. Что бы еще ни казалось вам истинным, это — самое истинное.

Не просто испытание

Вот еще одна история об инициации. В прошлом году Сэм, Морган, Пи-Джей и я охотились на вапити, одновременно исследуя новый для нас горный склон в северо-западной части штата Колорадо. Когда день стал клониться к вечеру, мы с Сэмом спустились к машине — отчасти потому, что я собирался еще немного поизучать окрестности, отчасти потому, что не хотел всю дорогу идти в темноте (почему — вы поймете из следующей главы). Морган и Пи-Джей остались на горе, надеясь в сумерках наткнуться на добычу, а потом идти вниз уже в полной темноте. Пытаясь обогнуть несколько каменных круч, они проскочили слишком далеко вправо, мимо ведущей по восточному каньону тропки к машине. Положение менялось от плохого к худшему. Морган потерял свой компас и рацию. В рации Пи-Джея начали садиться батарейки, и мы лишились связи. Они ошибались относительно того, в каком месте дорога упирается в гору, и после двух часов блужданий вслепую поняли, что окончательно заблудились.

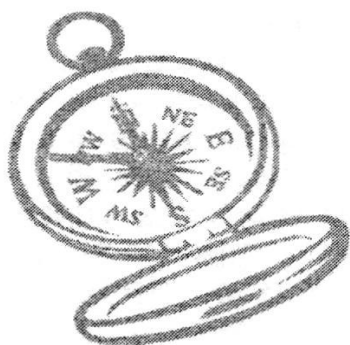
Это ужасное ощущение — вдруг понять, что ты заблудился, особенно если ты новичок в горах, как Морган. Впрочем, головы они не потеряли и продолжали двигаться на юг, зная, что рано или поздно выйдут на берег реки Колорадо. Воду они нашли в каком-то ручейке, благо у Моргана были дезинфицирующие таблетки. Через четыре часа — им показалось, что ночь уже прошла, — они снова смогли связаться с нами по рации. Сквозь шум и треск донесся слабый сигнал, тогда они для ориентировки выстрелили, и мы им сообщили, что их услышали. В общем, они смогли выйти к дороге и мы с ними встретились за несколько миль от предполагавшегося места встречи. В тот вечер уже в лагере Морган отошел в сторонку, пытаясь разобраться в случившемся. И вот что, с его точки зрения, произошло: Меня, словно осиный рой, донимали обвинения: «Ты кретин. Ты поддался панике. Тебе здесь не место». Я рискнул спросить у Бога: «А что Ты обо мне думаешь?» И Он ответил даже более ясно, чем всегда: «Все это устроил для тебя Я. Ты со всем справился. Я горжусь тобой. Ты молодец». Тогда-то я и подумал обо всем, что было сделано хорошо... о том, что у меня не было наставника в занятиях охотой, но благодаря книгам и прошлому опыту я кое-чему научился. У меня был компас, были на всякий случай дезинфицирующие таблетки, была хорошая карта местности и аварийный комплект снаряжения, чтобы продержаться ночь в горах. Потом я осознал, что Бог говорит со мной о чем-то большем, чем просто охотничья вылазка. У меня только что закончились едва ли не самые трудные месяцы в моей жизни, во всяком случае — самые трудные в моей семейной жизни. Новые, родительские обязанности потребовали от нас огромных усилий — и от меня лично, и от нашей семьи, — и вот нашему Джошу уже пять месяцев. Я почувствовал, что Бог говорит: «В данный момент и в данных обстоятельствах ты просто не смог бы лучше выстроить свою жизнь. Я доволен тобой, Я очень за тебя рад».

То, что выглядело неприятным ночным происшествием, случившимся из-за недостатка мужской мудрости и силы, оказалось актом инициации, подтверждением мужественности. Это было не просто испытание, не просто трудности. В этом участвовал Бог, и благодаря Его истолкованию произошедшего молодой человек услышал слова, которые все мы жаждем услышать. Убежден, что такого рода вещи происходят в нашей жизни чаще, чем мы думаем, и будут происходить с еще более отчетливым пониманием нами происходящего, когда мы доверим

Богу снова провести нас через пропущенные стадии, такие как стадия Ковбоя, чтобы завершить в нас то, что еще не завершено.

Отец, веди меня. Верни меня к тому, что мной утрачено, что осталось незавершенным или даже неначатым. Веди меня на стадию Ковбоя и соверши в моей душе этот труд. Будь мне Отцом. Дай мне глаза, чтобы увидеть то, в чем Ты отечески меня наставлял, а я этого не знал, и то, в чем Ты сейчас совершаешь мою инициацию, хотя я могу этого не понимать. Я хочу быть мужественным и состоявшимся человеком. Я хочу быть сильным, чтобы служить людям. Веди меня.

И помоги мне сделать то же самое для моих сыновей и тех людей, которых по Твоей воле свела со мной жизнь. Дай мне глаза увидеть, в чем они нуждаются, и силы, чтобы именно это им дать. Покажи мне, как помочь им на пути возмужания, хотя и мой путь все еще далек от завершения.

7 ГОД СЭМА

Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем.

Лк. 2:40

На пути возмужания есть много вех, много критических моментов. Один из самых важных — когда мальчишка оставляет позади свое детство и входит в мир взрослых мужчин. Полагаю, что этот переход относится к началу стадии Ковбоя, и считаю его одним из тех, которым следует осуществляться гораздо более целенаправленно, чем это было у большинства из нас. «В древних сообществах считали, что мальчик становится мужчиной только через обряд, только благодаря „активному вмешательству старших”», — напоминает нам Роберт Блай. Обязательное совершение обряда — это я и понимаю под целенаправленностью. Я хочу рассказать вам историю о так называемом *Годе Сэма* в надежде, что она послужит как примером совершения обряда, так и своего рода притчей, проливающей свет на тот процесс, который Бог, возможно, призывает нас пережить хотя бы в качестве мужчин, которым уже тридцать один или семьдесят два.

У *Года Сэма* было формальное начало, сценарий которого написал я, и неформальное, сценарий которого написал Бог. Формальное начало относится к выходным на его тринадцатый день рождения, когда на высоте тридцати пяти тысяч футов мы летели в Атланту на самолете авиакомпании «Дельта эрлайнс». Оттуда мы собирались поехать на юг штата Джорджия, на ферму наших друзей, чтобы там провести первую для Сэма совместную охоту на фазанов. Эти длинные выходные были не просто необычным и волнующим подарком на день его рождения — они были началом очень важного года жизни нашего сына-подростка, который в тот момент лишь смутно понимал, что для него это будут поиски своего жизненного призвания.

«Вот, Сэм... прочитай», — я протянул ему книгу «Неистовый Конь и Кастер» историка Стивена Амброуза, открытую на четвертой главе под названием «Видение Кудрявчика». Речь в ней шла о том, как юный индеец из общины оглала народности сиу по имени Неистовый Конь — при рождении он был назван Кудрявчиком — обрел свое жизненное призвание, а с ним получил и новое имя, намного лучше прежнего. С таким именем, как Кудрявчик, вас во дворе могут просто побить. А если вас зовут Неистовый Конь, друзья будут рады ринуться с вами в любое приключение... и в битву.

Насколько я могу судить, инициацию своих юношей индейцы проводили целенаправленно, как и все племена аборигенов Северной Америки и почти все известные в мире сообщества с начала времен и до промышленной революции. Инициация юного сиу как раз и включала в себя поиски им своего жизненного призвания, для чего ему предписывалось в одиночестве удалиться в безлюдные места и там ждать ниспосланного от богов видения.

Для юноши племени сиу поиски своего призвания были самым главным в жизни делом. Обычно этому предшествовали суровый обряд очищения и наставление праведным человеком. Затем подросток оставался один в каком-нибудь священном месте и заставлял себя бодрствовать, до тех пор пока к нему не придет видение. Праведный человек истолковывал это видение, становящееся для юноши путеводной звездой. Из таких снов сиу узнавали свое призвание. Эти видения могли побудить юных индейцев стать лекарями, воинами, наездниками, но что бы ни говорило видение получившему его юноше, это было *откровение*, которое игнорировать нельзя. Видение давало мужчине силу. Без него он был никем. Благодаря ему он соприкасался со священными началами.

Я разжигал любопытство Сэма — какого мальчишку не очаровывают истории о легендарных воинах, индейских вождях? — и в то же время подготавливал почву. «Ух ты... ничего себе, — сказал он. — Да. Это было сильно, правда?» Затем я дал Сэму прочитать несколько страниц из книги Томаса Кахилла «Как ирландцы спасли цивилизацию». В ней описывается, как святой Патрик стал тем выдающимся человеком, которым ему предназначено было стать. Подросток из Уэльса (примерно того же возраста, что и Неистовый Конь во время получения им своего видения) был захвачен работорговцами и продан ирландскому язычнику, заставившему его присматривать за стадом свиней.

Работа свинопаса предполагала почти полную оторванность от людей, месяцы горестного одиночества на пустынных холмах... Мы знаем, что постоянных спутников у него было два — голод и нагота — и что терзающая боль внутри и холод снаружи были для него худшими страданиями, мучительной реальностью, от которой не отмахнешься. Из этих скудных сведений — а Патрика нельзя назвать любителем многословия — мы можем заключить, что организм у него был сильный и закаленный. Вероятно, в семье он рос любимым, получающим хорошее питание ребенком, иначе он не выжил бы в таких условиях.

Итак, мы видим, что Патрик сначала был Возлюбленным сыном, а потом насильственным образом оказался грубо вышвырнут на стадию Ковбоя. Но эта стадия шла своим чередом. Именно там и тогда — на пустынных холмах, в полном одиночестве — он встретил Бога.

«Присмотр за стадом был моей ежедневной работой, и в дневные часы я постоянно молился. Божья любовь и страх перед Ним подступали ко мне все ближе и ближе — и росла вера, и пробуждался Дух, так что за день я мог прочесть добрую сотню молитв и после заката еще почти столько же, хотя и оставался ночевать в лесу или на холмах». Патрик выдержал шесть лет горестного одиночества и к концу их превратился из беззаботного мальчишки в человека, которым иначе ни за что не стал бы, — в праведника, в настоящего провидца... В свою последнюю ночь в качестве раба он во сне впервые соприкоснулся с миром сверхъестественного. Таинственный голос сказал ему: «Твои упования вознаграждены — ты отправляешься домой».

Так началась удивительная история бегства Патрика из Ирландии и его возвращения домой, где — из еще одного сновидения — он узнал о своем призвании стать миссионером для тех самых людей, которые некогда держали его в рабстве. Я сопоставил здесь две эти истории, чтобы показать, как Бог говорит с юношами — с помощью испытаний, молитв и поста, и чаще всего в

безлюдных местах. И то, что Он им говорит, становится для них путеводной звездой. Время Сэму отправиться в лес должно было прийти позже. Я создавал контекст этого предстоящего ему года трудностей, испытаний и проверки сил, благодаря которым Сэм должен был получить подтверждение своей мужественности, а возможно, взял бы себе новое имя и обрел свое призвание.

Еще в 1997 году мой дорогой друг Brent Кертис поделился со мной идеей помочь нашим сыновьям, когда им исполнится по тринадцать лет, осуществить поиски своего жизненного призвания. Мы говорили о том, что это должен быть обряд, суть которого в преодолении различных трудностей, прохождении испытаний и, наконец, подтверждении мужественности. Когда Сэм приблизился к возрасту двенадцати лет, я подумал, что пора начинать этот уникальный этап его инициации, чтобы он закончился к его тринадцатому дню рождения, на который мы устроим особую церемонию. Однако когда я молился, то почувствовал, что Бог мне говорит: «Нет, нужно подождать еще год». Я, честно говоря, был разочарован, но насколько же правильными и своевременными оказались эти слова! Они оказались правильными для Сэма, а позже и для Блейна: переход у них совершался по собственному расписанию — не в двенадцать, а в тринадцать лет. Переход от мальчишеского детства к взрослению — время активного вмешательства отца.

Ты — моя радость

Пока Сэм читал Томаса Кахилла, я на первой странице переплетенного в кожу дневника, который подарил ему к началу его пребывания на стадию Ковбоя, написал напутственные слова. Они должны остаться моим сугубо личным обращением к Сэму, однако суть их заключается в том, что, во-первых, я объясняю сыну смысл этого года и почему мы посвящаем его взрослению Сэма, а во-вторых, обещаю наставлять его и руководить им. Задача Сэма — оставаться открытым по отношению ко всему, что делает Бог, и довериться мне в том, что делаю я. Обращение отца к сыну. Потом я молился. «Что главное в этой поездке, Иисус?» Было так много всего, о чем мне хотелось поговорить с Сэмом, — о девчонках, о храбрости, о молитвах и Боге, о том, как становятся мужчиной.

— *Твоя радость в нем.*

Это то, что я услышал. Моя радость в тебе. Но это естественно. Это урок номер один. Ты — сын десницы моей, моя радость, мой Возлюбленный сын, в котором мое благоволение. Это фундамент всего остального.

Правду сказать, я почувствовал облегчение. Подобно столь многим отцам, родившимся в эпоху бэби-бума, я достаточно упорно стараюсь сделать то, что не было сделано для меня, и мы, отцы, даже можем стать одержимыми, взваливая на ребенка слишком много «уроков», «ценностей» и «поучительных моментов», при этом теряя для себя его сердце. Ты — моя радость. Отлично. Это я сделать могу. Те выходные были волшебными, наполненными смехом, приключениями и радостью. Мы удиили рыбу в пруду, вместе съездили на лошадях в лес, ели на природе. Мы остановились в старой хижине Отиса, и хотя внизу пустовала хозяйская кровать, я спал на чердаке рядом с Сэмом. Ты — моя радость. Мне нравится просто быть рядом с тобой.

За день до большой фазаньей охоты я отвел Сэма в тир потренироваться в стрельбе. И это тоже чудесная часть истории о Божьей воле во всем происходящем, ведь всего лишь за неделю или две до этого Сэм спросил меня за завтраком: «Папа, а в чем я силен?» Его младший брат Блейн проявляет одаренность во всем, к чему ни приложит руку, — в музыке, спорте, науках, — и я думаю, что из-за этого Сэм чувствует себя несколько неполноценным. У него есть множество своих достоинств, но, увы, мы всегда последними готовы поверить, что в нас самих есть что-то замечательное. В то самое утро, когда он задал этот вопрос, я отправился с ним пострелять по тарелочкам, в чем он проявил несомненный талант. Выбив двадцать тарелочек из двадцати пяти (достаточно, чтобы выиграть турнир), Сэм, взглянув на меня с улыбкой, сказал: «Ну что, может, посоревнуемся?»

Фазанья охота оказалась буквально легендарной. В лесных чащобах Джорджии нас вел вперед местный старожил со своей собакой. Это был настоящий дед-лесовик, учивший нас обоим искусству охоты на фазанов. Вы должны понять — мой отец никогда ничего подобного для меня не делал. Те

поездки на рыбалку в моем детстве — это да. Но охота, ружья и все прочее — нет. Целенаправленная инициация — никогда. Не знал, как, или не понимал, зачем. Ко времени, когда мне исполнилось тринадцать, его давно уже затянула пучина пьянства. Поэтому я занимаюсь охотой, в общем-то, как дилетант, обучаясь делу на какой-нибудь шаг впереди моих сыновей. И Отец послал нам этого деда-лесовика, чтобы тот день стал таким чудесным. По-моему, мы, по большей части благодаря Сэму, добыли около тридцати птиц. Полет на самолете, эта необыкновенная ферма, время наедине с отцом — я хотел, чтобы суть этого прозвучала для Сэма громко и отчетливо: «Тебя ценят. И ты вступаешь в совершенно невероятный год своей жизни».

Дикий Гусь

Вообще-то настоящее начало *Года Сэма* относилось к более раннему времени, когда у него еще оставался какой-то срок до тринадцатилетия. Как и у святого Патрика, поиски Сэмом своего жизненного призвания тоже происходили в безлюдной горной местности, где его одолевали голод и холод, и хотя он был не один, он тоже подвергался испытаниям и ощущал потребность молиться. Когда кому-то из моих сыновей исполняется двенадцать лет, он может пойти охотиться на вапиту. Пусть он еще не охотится сам — это право надо заслужить, — но может идти вместе со взрослыми мужчинами, есть с ними, слушать их шутки и охотничьи рассказы, шаг за шагом следуя в поисках неуловимой добычи и сообщая переноса все тяготы охоты. Вставать до рассвета, весь день охотиться, затемно возвращаться домой, чтобы съесть что-нибудь горячее и изнуренным рухнуть на кровать, и то только для того, чтобы, едва, кажется, коснувшись щекой подушки, услышать будильник, словно гонг, объявляющий новый раунд, — призыв боксеру встать и выйти на середину ринга.

Уолт Харрингтон о подобном приглашении в компанию опытных охотников сказал: «Какую честь оказали мне эти люди, приняв меня в свой круг!» Однако к нему пришло понимание того, что хотя они и научили его «достаточно хорошо стрелять кроликов», все же это «оказалось наипростейшим из охотничьих умений и наипростейшим из того, чему [он] научился за многие годы охоты вместе с этими людьми».

Сценой разыгравшейся вскоре драмы стал безымянный каньон на юго-восточном склоне Куотс-Дома, невысокой горы в хребте Саватч Скалистых гор (в центральной части штата Колорадо). Мы выдержали несколько дней изматывающих переходов по сильно пересеченной местности — «вооруженного туризма», как мы охарактеризовали свое занятие, когда неудачные дни стали безнадежно сменять друг друга, а потом с нарастающим цинизмом заговорили о поисках Усамы бен Ладена, с пулеметом в руках, должно быть, скрывающегося в этих горах. В тот вечер нам совсем не хотелось продолжать в том же духе. Нам был нужен план попроще. Мы решили, что будем охотиться, двигаясь вниз по склону.

Поэтому наш приятель Мэтт по каким-то старым лесовозным дорогам подвез нас поближе к вершине Куотс-Дома, и мы разработали простой до гениальности план. Я и Сэм будем спускаться с горы в направлении на юго-восток. Наш друг Ларри высадится на один гребень южнее и начнет охотиться на параллельном, но сближающемся маршруте, пока мы не встретимся на небольшой возвышенности, на последнем плато перед крутым, идущим уже до самой подошвы горы, склоном. Мэтт схематично начертил на земле карту местности, постаравшись как можно лучше нас сориентировать, и заключил инструктаж предостережением: «Не забирайте слишком далеко влево, не то попадете в ужасный каньон, заросший таким буреломом, что пройти по нему практически невозможно. Скверное место. Не вздумайте там спускаться».

Это был бы превосходный план, если бы наш маршрут начинался с того места, в которое, как думал Мэтт, он нас доставил. Но, как слишком часто бывает в лесах (и на войне, и в любви) с самыми замечательными планами, мы неверно оценили свое положение, начав движение намного севернее предполагаемой отправной точки, и, как бывает в классической античной трагедии, напрямиком направились в тот самый каньон, который всеми силами хотели обойти стороной. Уезжая на своем старом нещадно дымящем джипе, Мэтт выдал в окошко заключительный совет: «Первые полмили — самая лучшая охота. Потом идти довольно трудно. Если вы завалите там оленя, нам придется арендовать лошадей, чтобы его вывезти». Классическая прощальная реплика парня,

который, как мы с тех пор поняли, недооценивает трудности чего бы то ни было, потому что он в силах справиться с чем бы то ни было и полагает, что и все остальные тоже в силах сделать это. Мы видели, как он в одиночку тащил, наверное, сотни две фунтов оленины по горам, по которым большинство туристов не захотели бы тащить в рюкзаке что-нибудь тяжелее своего дневного пайка. Хотел бы я тогда, слушая его, все это понимать.

В самом деле, первые полмили маршрута были прекрасными — отлогие склоны и лес со множеством оленьих следов. Мы шли медленно, надеясь поднять дичь в местах повыше. Постепенно спускаясь, мы старательно придерживались своего направления на юго-восток, высматривая последнее плато и нашего приятеля Ларри. Минут через сорок мы вышли к поросшей лесом возвышенности, поднявшись на которую, на мгновение увидели потрясающий окрестный пейзаж. Но меня беспокоили две вещи — не было видно никаких признаков Ларри, и я заметил, что солнце уже опускается за горизонт. Мы еще подождали, теряя последние драгоценные минуты дневного света, не охотясь и не спускаясь обратно. Я внимательнее присмотрелся к окрестностям и обнаружил, что южнее находится еще одна возвышенность, но слишком далеко, чтобы теперь до нее можно было добраться. А за ней, кажется, была еще и третья. Так какая же из них нам нужна? Где мы, в конце концов? Хотя это я как раз начинал понимать: мы сильно отклонились от маршрута.

В этот момент наш поход из прогулки вниз по склону превратился в старания обойтись без суровых испытаний нашей способности выжить. Так и начинаются все эти истории: «Все шло прекрасно, пока не...» До полной темноты оставалось минут десять. Мы были изнурены многодневной физической нагрузкой, сбились с пути — пусть не окончательно, но довольно серьезно — и в неприятную местность спускались без фонариков, без раций, без пищи, имея лишь самое общее представление о нужном направлении. У нас была вода, но не было ни спичек, ни палатки. Одеты мы были легко, а ночь грозила оказаться холодной. Повернувшись к Сэму, я сказал: «Сэмюэл, ситуация изменилась. Мы больше не охотимся. Мы не пытаемся найти Ларри. Нам нужно как можно быстрее спуститься вниз и обойтись при этом без травм. Я сейчас пойду быстрее, а ты, сынок, иди за мной след в след». Уверенно и спокойно я посмотрел ему в глаза: «Хорошо?» Я разглядел в мальчишеских глазах обеспокоенность, однако Сэм просто ответил: «Хорошо».

К настоящему времени я уже лет тридцать в том или ином качестве хожу в горы — в качестве туриста, скалолаза, охотника, рыболова — и видел кое-какие неприятные рельефы. Эта местность была просто зверской — всюду валялись бревна, словно тайфун налетел на старую судоверфь, огромные стволы желтой сосны, слишком большие, чтобы их перешагнуть, так что приходилось на них взбираться, а потом прыгать вниз на скрытый густой порослью ненадежный откос. Казалось, что перелома ноги не миновать. Сквозь такие дебри хотелось пробираться помедленнее, но я чуть не бежал. Я стремился преодолеть как можно больше этих завалов в последних оставшихся нам сумерках. В темноте все это превратится в ночной кошмар. Сэм бежал позади меня, след в след.

Мэтт рассчитывал, что за час мы не спеша спустимся с горы. На спуск ушло свыше четырех часов наших настойчивых усилий. Несколько раз я ловил себя на том, что устало выдыхаю: «Это нехорошо. Это нехорошо». Примерно в это время упал и покатился вниз Ларри, повредив прицел винтовки, а ведь он спускался по правильному маршруту. Наш же маршрут вел нас через настоящий ад. Мэтт оказался прав в одном — мы наткнулись на вапиту. Даже два раза. Но в тот момент ничто не могло нас взволновать меньше этого обстоятельства. Никакая лошадь в такой местности пройти бы не смогла. Чтобы вывезти отсюда добычу, нам пришлось бы арендовать вертолет.

В последний час спуска мы видели фары машины, курсирующей туда и обратно по шоссе номер 76, футов на тысячу ниже нас. Это (несомненно) Мэтт и (надо надеяться) Ларри ищут, где мы выйдем на дорогу. Когда мы впервые увидели эти огни, они были так далеко, словно огни корабля для терпящих бедствие моряков. Выбившиеся из сил, промокшие от пота, ввергавшего нас в холодную дрожь, мы практически проползли последнюю милю по сланцевому склону, поскользываясь чуть ли не на каждом шагу. На шоссе мы вышли в десять вечера. Мне хотелось упасть на колени и поцеловать асфальт. Мне хотелось убить Мэтта.

На четырнадцатый день рождения Сэма мы устроили церемонию по поводу окончания его Года и вступления в сообщество мужчин. Я начал празднество с рассказа об этом дне и сказал: «Сэмюэл вел себя как настоящий мужчина. Он не позволил страху завладеть собой. В темноте по ужасной

местности он шел со скоростью взрослого мужчины и держался молодцом. Этот молодой человек произвел на меня очень сильное впечатление». Я не собирался делать то происшествие вехой на пути его возмужания, но таков уж он, путь мужчины. С нами случается то, что случается. В конце концов, нас ведет Святой Дух, Которого первые кельтские христиане, такие как святой Патрик, называли Дикий Гусь. Они понимали, что Его нельзя укротить. Наше дело — просто Ему доверять и откликаться на Его неустанный призыв, и Он приведет нас к уготованному нам приключению. «...Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8:14). Как сказал Честертон, «приключение по самой своей природе есть то, что к нам приходит. Оно выбирает нас, а не мы его». То, как мы поведем себя в этом приключении, и формирует из нас тех мужчин, которыми мы становимся.

Миссионерская поездка со взрослыми

Это был другой полет, на этот раз на маленьком чартерном самолете, и речь шла об ином рода сражении. Наша миссия направлялась на конференцию в штат Висконсин, и Сэм впервые отправился с нами. Его братья ему завидовали — к тому моменту ни один из них не участвовал в закулисные таких сражений, не приобщался к нашему мужскому братству, когда мы боремся за сердца Божьего народа. Разыгрывалась драма, которую трудно описать, и я хотел, чтобы Сэм ее пережил. Он видел, как мы вместе трудимся, вместе развлекаемся. Теперь я хотел, чтобы он увидел, как мы вместе сражаемся, услышал, как мы молимся, понял, как мы поддерживаем друг друга, продвигаясь по территории врага, чтобы освободить пленных.

Мне было важно, чтобы он увидел нас во время исполнения нами своей миссии — узнал, как мы общаемся с Богом и друг с другом, услышал, как мы молимся о прекращении духовной войны, как мы ходим в смирении, чтобы передать Благую весть. Сэм не был просто зрителем — ему поручили выполнять свою часть общей работы, и мы относились к нему как к члену нашей команды. Один из шагов на пути возмужания, который мы в нашем братстве предлагаем совершить нашим сыновьям, когда им исполнится четырнадцать лет, — присоединение к команде мужчин, совершающих служение в рамках нашей организации. Это долгожданная привилегия! Мальчишки о ней говорят как о главном событии года. Как хорошо для сына увидеть, чем отец зарабатывает на жизнь, и даже более того — лично поучаствовать в деле. Узнать, что мы действительно живем чем-то эпическим и что христианство — нечто большее, чем видеофильмы в воскресной школе или детские отряды «Авана»²⁰. Это опасно, это требует самоотдачи, но это прекрасно.

Тяжелый труд

Еще один дар Дикий Гусь прислал нам в виде рабочего дня на ранчо Барта. Барт хотел построить круглый загон для выездки лошадей футов пятидесяти в диаметре, со столбами высотой шесть футов и четырьмя рядами свеженапиленных досок профилем два на десять дюймов (доски были еще сырыми и *тяжелыми!*). Барт попросил нас помочь ему в строительстве загона, и я спросил, можно ли Сэму принять участие в этой работе. Кожаные рабочие перчатки, тяжелые пиломатериалы, серьезные мужские инструменты, компания взрослых мужчин — все это очень полезно для подростка.

Когда ранним субботним утром мы приехали на ранчо Барта, тот просто подошел к Сэму и сказал: «Вот, Сэм, возьми это», вручив ему большой ключ для болтов — инструмент, создающий достаточный момент силы, что позволяет вкрутить в столб восьмидюймовый болт через двухдюймовую доску. «Вкручивай эти болты, когда твой отец и Аарон скажут, что готовы держать доску». А потом Барт повернулся и ушел. О, как это было важно! Мужчина, которого Сэм уважал, в компании других мужчин показал, что и к Сэму все относится как к мужчине. *В тебе есть то, что для этого нужно.* И в самом деле, есть. Думаю, тот загон теперь не повалит даже ураган.

²⁰ Awana (сокращение от Approved Workmen Are Not Ashamed) — детские христианские отряды скаутского типа в США и др. странах.

Духовные уроки

Может быть, дело тут во мне самом, но, по моему опыту, наполнить жизнь подростка подлинными духовными уроками — это самая трудная часть инициации. Хотя если об этом задуматься всерьез, вся инициация — трудное дело. Прав был Габриель Марсель — это действительно «рискованное завоевание... шаг за шагом осуществляемое в труднопроходимых землях, где полно засад». Как представляется, духовное наставление особенно чревато всевозможными ловушками. Подростки наделены невероятной чуткостью в отношении даже малейшего намека на поверхностность, скудоумие, лицемерие и рисовку. Им ни секунды не хватит терпения усваивать уроки, которые явно не имеют отношения к реальной жизни. Разумеется, везде есть много церковной мишуры, но мои сыновья это видят насквозь. Они достаточно вкусили Божьего Царства, чтобы сразу распознать фальшь, и, хотя это мне в них нравится, из-за этого их труднее дисциплинировать. Их уже невозможно обмануть, просто так всучить им в руки духовную фальшивку.

Я обеспечил Сэму два курса изучения Библии — один был посвящен постижению нашей индивидуальности во Христе, другой — изучению Евангелия как

Священного романа²¹. Мы вместе смотрели фильмы, затрагивающие важные мужские темы, такие как «Гладиатор» — о храбрости и честности, «Легенда о Баггере Вэнсе» — о том, что Бог запечатлел нечто в сердце каждого мужчины и это нечто и есть его жизненное призвание. Мы также обсудили тему нового имени, ведь в Писании Бог зачастую дает избранному Им человеку новое имя (Авраам стал Авраамом, Иаков — Израилем, Симон — Петром, Савл — Павлом), и это новое имя выявляет истинную сущность человека, его жизненное призвание. На протяжении своей жизни мальчик или мужчина может зваться по-разному, но, сколько бы мы ни твердили, мол, «хоть горшком назови, только в печь не сажай», некоторые из этих характеристик действительно больно бьют нас и в конечном счете формируют наше восприятие самих себя.

Потребность мужчины в подтверждении своей состоятельности — одна из самых отчаянных. Пока у нас нет такого подтверждения, мы живем с глубоко скрытой от посторонних глаз неуверенностью в себе. Нам, мужчинам, нужно знать, кто мы такие на самом деле и кем нам предназначено стать, и единственно надежный источник этого знания — сотворивший нас Бог. Поэтому нам нужно слышать от Бога, что Он о нас думает. Иногда с этим связано получение от Него нашего нового имени. Собственно, Иисус говорил, что Его имя — это имя Его Отца, которое Ему дал Отец. Точно так же, как Неистовый Конь (бывший Кудрявчик) получил это имя от своего отца. «Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира... <...> Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое...» (Ин. 17:6, 11-12). Твое имя, которое Ты мне дал. Как прекрасно! Как сильно!

Заложив этот библейский фундамент и запечатлев в памяти такие образы, как образ святого Патрика, в юности услышавшего Бога, мы с Сэмом направились в леса, чтобы у Сэма был день поста и одиночества, день поисков Бога. Мы обосновались в одном национальном парке, и на следующее утро я отвел Сэма в уединенное место, где он мог бы провести этот день. Затем я ушел искать местечко для самого себя, чтобы молиться за Сэма и тоже спрашивать Бога о его жизни. Раньше Сэм никогда не постился и никогда не оставался в лесу один на целый день.

К вечеру, когда уже сгущались сумерки, я вернулся за Сэмом, и мы вместе направились в наш лагерь, по пути разговаривая о пережитом. Сэм сказал, что это было трудно и «немного странно» — находиться в одиночестве в лесу и стараться услышать Бога. Но он услышал от Него нечто важное, как, впрочем, и я. Пока мы готовили ужин и я учил Сэма разводить костер, мы поделились тем, что услышали от нашего Господа. Становилось холодно, так что мы забрались в палатку и завершили ужин целой коробкой шоколадного печенья «Огеов» — львиная доля, конечно же, досталась Сэму. Забравшись в спальные мешки, мы устроили борцовский поединок. Сэм снова и снова припечатывал меня к полу, и мы отчаянно пытались отдышаться от разбивавшего нас безудержного смеха. Этот момент останется моим любимым воспоминанием о Годе Сэма. Мы хорошо выспались, а на

²¹ См.: Brent Kerig, John Eldridge. *Священный роман* / Пер. с англ. Ю. Сульженко. СПб.: Шандал, 2000.

следующий день спустились с холмов, чтобы закатить грандиозный завтрак в ближайшем ковбойском кафе, как только его найдем.

Гранд–Тетон

Была уже середина *Года Сэма*, когда мы вместе поднимались по гребню Экзама, что грозило стать одним из труднейших испытаний этого года. Твердо придерживаясь убеждения в том, что для инициации юноши необходимо сообщество мужчин, мы совершали восхождение командой — с Гэри, Джессом, Морганом и Аароном. С собой мы взяли проводников. Горные проводники обосновались здесь же, в парке, в анналы которого вписаны самые славные среди альпинистов имена. Я решил взять проводников по трем причинам: во-первых, потому что мы никогда раньше не поднимались на пик Гранд-Тетон. Во-вторых, потому что мне хотелось во время восхождения порадоваться обществу Сэма, отдать ему все свое внимание, не обременяя себя обязанностями руководителя группы. А в-третьих, из смирения. Эта добродетель превышает всех прочих, и в приключениях она — *самая* важная. Не переоценивайте свои силы, и у вас будет больше шансов вернуться домой.

Такая экспедиция — трехдневная, и первый день в ней отводится на проверку «Альпинистской школой Экзама» своих клиентов, перед тем как ее инструкторам придется страховать их над пропастью глубиной в несколько тысяч футов. Это был замечательный день — мы все вместе занимались скалолазанием, приводили в порядок нервы, физически и психологически готовясь к штурму вершины. Последний экзамен в этой школе — спуск на веревке по стофутовому скальному обрыву, когда каждый альпинист в одиночку шагает за край уступа в пустоту и спускается вниз, упираясь ногами в отвесную стену. «Если кто-то из вас сейчас засомневается в себе, восхождение отменяется». Причина этого в том, что подобный спуск совершается при возвращении с Гранд-Тетона, а там уж не время собираться с духом. Напряженность момента обострялась одним обстоятельством, которое я пока не упоминал: у Сэма страх высоты. Не убийственный страх — за минувшие годы мы с ним не раз занимались скалолазанием на стенах пусть и пониже, но более трудных, чем горные кручи Экзама. Но все-таки какая-то тень страха у него оставалась. Я подумал тогда: «Ладно — это испытание ничуть не хуже любого другого. Если он сейчас дрогнет, нам просто придется считать это одним из этапов его поисков».

Не слишком представляю себе, как бы я все это исправлял, если бы Сэм в ужасе застыл на краю обрыва. Я знал, что никто из нас не станет его стыдить, а я постараюсь как-нибудь перевести его позор примерно в такой контекст: «Сэм, у всех нас есть свои страхи. Некоторые из них победить труднее, чем другие. С этим страхом мы, с Божьей помощью, еще совладаем. А сейчас давай поищем горный маршрут, где не будет таких спусков. Я бы тоже предпочел здесь не спускаться». Но необходимости в этом не возникло. Сэм подошел к краю, обвязался тросом, шагнул назад в пустоту и скрылся внизу, не промедлив ни секунды.

Само восхождение — приключение на два дня. Первый день занимает выдвижение из каньона Гарнетта к Нижней седловине — жестокий пеший переход, когда за восемь миль пути вы поднимаетесь на пять тысяч футов, от парковки внизу до этой седловины на высоту 11 620 футов, где ветер ночь напролет треплет вашу палатку и до подъема ровно в три часа утра можно часок-другой поспать. План штурма вершины требует выйти на тропу с Нижней седловины не позже четырех часов утра, еще в темноте, когда неровная цепочка восходящих с фонариками на лбу напоминает устремившуюся в небо вереницу светлячков. Таким вот образом во время восхода солнца группа подходит к знаменитой тропе Уолл-Стрит — первому серьезному подъему на гребень Экзама. И тогда вы покидаете равнины и штурмуете вершину. Проводник первым без страховки поднимается по каждому скальному участку, после чего начинает держать страховочный трос для следующего за ним восходителя. Когда второй альпинист добирается до проводника, он готов страховать третьего, а проводник начинает преодолевать следующий участок восхождения, что затем делает и второй альпинист, после того как третий, которого он в это время страховал, доберется до уступа, где стоит второй, а четвертый действует примерно в одной фазе со вторым. Вот так связка из четырех альпинистов и движется вверх по склону — наподобие гусеницы.

Мы с Сэмом начали совершать пробежки за несколько месяцев до восхождения. Нам обоим нужно было войти в спортивную форму, и еще мне хотелось больше общаться с сыном. Мы бегали в наш местный парк, где есть крутой склон, переходящий в заповедную рощу. Первые дней семь мы с трудом могли взбежать по склону один раз, и я сказал: «Прежде чем мы закончим тренировки, мы сможем взбежать по этому склону семь раз подряд». Во взгляде Сэма я не увидел и тени недоверия. За неделю до восхождения на Гранд-Тетон мы добились результата. Нашей целью были не столько тренировки, сколько общение друг с другом. Мы бежали бок о бок и молились о предстоящем восхождении. Наши молитвы и тренировки окупились сполна. Мы шли по стенке быстро, быстрее, чем ожидал наш проводник, что порадовало и его, и нас. Мы гордились собой, когда он признал: «Да, парни, вы идете быстро».

Гранд-Тетон мы покорили в половине девятого утра, и у меня в кабинете висит фотография, на которой мы с Сэмом в обнимку машем на вершине руками, торжествуя свою победу. Потом мы спустились назад к седловине (по тому опасному отвесному склону), где быстро перекусили и пошли с рюкзаками к нашим машинам, невзирая на боль в коленях из-за горных круч. В общей сложности — вверх и вниз на 9250 футов с четырех часов утра. И Сэм сумел это совершить, и знает, что сумел, и всегда будет знать, что сумел.

Церемония в честь перехода на новую стадию

Вечером того дня, когда Сэму исполнялось четырнадцать лет, ровно через год после начала им поисков своего жизненного призвания, в нашем доме собрались несколько близких друзей, чтобы чествовать Сэма. Наше сообщество мужчин разработало церемонию в попытке восстановить, не впадая в дешевый мелодраматизм, что-то из утраченного обряда инициации. Праздник состоял из трех главных частей. Во-первых, мы посмотрели видеофильм, который подготовила Стейси, — своего рода биографический рассказ о жизни Сэма от рождения до настоящего времени: любимые плюшевые зверушки, «лягушатник» на заднем дворе, моменты семейного отдыха, первые дни в школе, спорт, домашние питомцы — прекрасная панорама жизни Сэма. В ней отразилась его личность, его история и, самое главное, та бесспорная перемена, которую мы праздновали в этот вечер. Сэм из мальчишки явно превратился в юного мужчину.

Затем пришла очередь Сэма выйти на сцену. Его духовное воспитание включало в себя изучение, а затем изложение Истории — Евангелия в лучшем его понимании, — о чем я рассказал в книге «Еріс». Сэм использовал отобранные им слайды, чтобы проиллюстрировать свой рассказ о Троице, о том, как в мир вошло зло, о грехопадении и спасении рода человеческого, о грядущем Царстве. Он волновался, перед сообществом мужчин рассказывая историю, которую все мы знаем и любим. И он прекрасно с этим справился. Потом мы поднялись наверх для заключительной, третьей части праздника — поздравлений и вручения подарков, которые Сэм уже ждал.

В нашем сообществе возникло некоторое напряжение в связи с вопросом, какую роль в нашем обряде должны играть женщины. С одной стороны, мы решительно не хотели преуменьшить их значение в жизни мальчика, в его воспитании, в том его переходе на новую стадию возмужания, который мы праздновали. Влияние матери, ее самоотверженность невозможно переоценить. Мать в жизни сына незаменима, и так будет всегда. С другой стороны, переход отмечен приглашением мальчишки переступить порог, за которым открывается мир мужчин. Следовательно, сделать это приглашение, дать свое подтверждение его мужественности должны главным образом те самые мужчины, в чей мир он входит. Женщины в этот момент — в особенности мать — отпускают становящегося мужчиной мальчишку, отпускают его от себя в сообщество мужчин. Он вступает в мужское братство, и в приветствии этих мужчин, в их подтверждении своей мужественности он нуждается в этот момент больше всего. Мы со Стейси сошлись на том, что она первая обратится к Сэму с поздравлениями и она будет говорить единственной из женщин. Потом придет очередь мужчин, а последним выступлю я.

Я, кстати, должен признать, что в церквах делаются попытки возродить что-то вроде инициации, и каждый подобный опыт имеет свои достоинства. Но главное отличие нашего случая в том, что, во-первых, у Сэма такой обряд завершал год его подготовки — год проверки сил, испытаний и достижений. Сэма чествовали заслуженно, что делало это событие еще более

значительным. Во-вторых, собравшиеся поздравить Сэма мужчины были людьми, с которыми он провел этот год, с кем строил загон, ездил с миссией, штурмовал Гранд-Тетон. Они не просто подбадривали Сэма — для мальчишки это пустые слова. Это были люди, которых Сэм уважал как мужчин, и они хвалили его, потому что стали свидетелями его побед. Я рад был бы поделиться с вами их словами, но не хочу опошлять дорогие для Сэма воспоминания, сделав их публичными (эту главу он прочитал и дал свое разрешение на ее обнародование). Достаточно будет сказать, что обращенные к Сэму речи мужчин были прочувствованными. Я прослезился. Затем настала очередь двух подарков, снова от сообщества мужчин. Первым стало помповое ружье двенадцатого калибра «Remington 870». О, как много говорит это сердцу юноши: «Теперь ты вооружен и опасен — как и должно быть. Ты владеешь этим оружием». Это также ему говорит: «Теперь тыходишь в наше сообщество», так как ружье подразумевает, что отныне юноша будет охотиться вместе с мужчинами. Следующим подарком был меч.

Для нас меч — это символ мужской силы. Возможны и другие символы, но для нас это оружие, которое обращается к нашим сердцам и к сердцу получающего его от нас юноши (мы также дарим мечи мужчинам постарше, никогда не проходившим инициации). Ввиду огромного значения этого символа выбор меча очень важен. Он должен быть настоящим. Это подарок не мальчику, а юному мужчине. Он должен быть смертельно опасным — как и подлинная мужественность. Он также должен быть благородным, как подлинная мужественность, ведь вручение меча в этом возрасте — призыв к будущему Воину и Царю. В случае Сэма мы решили выбрать меч Арагорна из «Братства кольца». Сэм любит эти истории, чувствует особую привязанность к Арагорну, хочет ему подражать. Но мы не подарили Сэму «Андрил» — меч, которым Арагорн владеет в качестве Царя. Мы подарили ему меч Арагорна-Рейнджера — оружие, которое он носит в начале истории, ведь Сэм перешел именно на эту стадию. Теперь он — Рейнджер. И он любит свой меч. Мужчины встали в круг, и мы помолились за Сэма. Потом был праздничный торт.

Постскрипtum

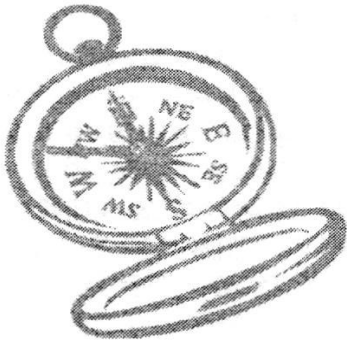
План Года Сэма я составил по большей части самостоятельно, иногда импровизируя на ходу, и в нем были как свои светлые моменты, так и разочарования, словно нашему совместному времяпрепровождению что-то постоянно мешало. Порой проходил месяц, а нам не удавалось толком побыть вместе. Я знаю, что упустил много возможностей, и я хотел бы прожить этот год заново, еще раз. Я продолжаю развивать эту идею для других моих сыновей, и по ходу дела мы вместе учимся (сейчас очередь Люка). Нам следует действовать более целеустремленно в отношении этого движения мальчишки по пути возмужания, и все должно соответствовать потребностям его личности. Полагаю, что вне зависимости от деталей такой год должен включать в себя испытания физического, эмоционального и духовного плана, и осуществляться это должно, если возможно, отцом или другим значимым для мальчишки взрослым мужчиной. Хорошо также, чтобы это происходило в сообществе мужчин.

Я также считаю, что нечто подобное — как тем испытаниям, которые составили инициацию Сэма, так и тому обряду, который стал ее кульминационным пунктом, — мы можем предлагать в юности не прошедшим инициации мужчинам. Но все должно происходить настолько же искренне. Не подбадривать, а *подтверждать* мужественность должны те мужчины, которые знают этого человека и прошли с ним часть пути. Сугубо мужской разговор.

Далее, я считаю, что, когда мы переходим со стадии на стадию, могут и должны быть также другие события обрядового характера, такие как получение диплома, свадьба и прочие, зависящие уже от самого человека. Ищите эти моменты, братья мои, и придумывайте возможности сделать их частью инициации мужчины. У меня есть друзья, которые, вместо обычного мальчишника, берут жениха совместно сплавляться через пороги или совершать затажные прыжки с парашютом (гораздо ближе к тому, что на самом деле готовит ему супружеская жизнь), а потом по очереди вслух подтверждают его мужественность. Барт только что провел впечатляющую церемонию для своего сына Криса, которого приняли офицером на службу в морскую пехоту США. Это был еще один пример преодоления водораздела, и Барт не упустил этот момент, созвав мужчин из нашего

сообщества, чтобы произвести своего рода «духовное» посвящение Криса, поделиться с ним советами, подтвердить его мужественность.

Я считаю важным отметить, что инициация моих сыновей — как и моя собственная — в значительной части останется неформальной, иногда даже случайной, как в случае со спасением каноэ в парке Гранд-Тетон, с преодолением гористых пустошей в окрестностях Моаба и в тысяче других ситуаций, которые на пути возмужания дарует мальчишке жизнь. Когда отец и сын вместе проводят время и когда мужчины вместе проводят время — будь то какие-то домашние дела, или игра на улице в серсо, или починка машины, или охота на фазанов, — между ними происходит что-то глубокое и невысказанное. Это и есть самая подлинная из всех возможных форма инициации.

8 ВОИН

Препояшь Себя по бедру мечем Твоим, Сильный...

Пс. 44:4

Когда умер Александр Македонский, его огромная империя оказалась разделенной между несколькими его полководцами. Территории, в наше время именуемые Ближним Востоком, включая Израиль, попали под власть Селевкидов, которые продолжили миссию Александра по эллинизации местного населения, стремясь повсеместно насадить греческие обычаи и греческую систему ценностей. Поначалу сравнительно невинная экспансия греческой культуры постепенно становилась все более агрессивной, а в конечном счете и грубо насильственной. Особую ненависть у Селевкидов вызывали иудеи, упорствующие в поклонении единому Богу, что казалось властям — как и впоследствии многим диктатурам — угрозой их режиму. В 165 году до Р. Х. командир греческого отряда привел своих воинов в деревню Модин — недалеко от Иерусалима — и приказал иудейским жителям поклониться идолу и съесть мясо принесенной в жертву свиньи, что было ударом в самое сердце иудаизма, в самое сердце людей, которые и представить себе не могли подобного святотатства.

Люди подчиниться отказывались, начались препирательства, и иудейский священник Маттафия убил командира отряда мечом. Жители деревни, возглавляемые пятью сыновьями Маттафии, взяли за оружие, бросились на остальных воинов отряда и всех перебили. Маттафия, по пути набирая сторонников, подался в горы, и оттуда начало действовать движение сопротивления эллинистическому угнетению. Тем временем Антиох IV (тогдашний правитель империи Селевкидов и жестокий враг иудеев) захватил храм в Иерусалиме, поставил в Святой Святынях статую Зевса и приказал евреям ему поклоняться. Те, кто отказывался забыть Бога и Его заповеди, в том числе заповедь обрезания, подвергались гонениям, матерей с обнимающими их за шеи младенцами рубили мечами.

Перед своей кончиной Маттафия передал командование растущими силами иудейского сопротивления своему сыну Иуде Маккавею, который и повел плохо вооруженных повстанцев на численно превосходящего врага (десять тысяч иудеев против более чем шестидесяти тысяч греков и эллинизированных сирийцев) и в конце концов выбил его из Иерусалима. Иудеи совершили очищение храма, разрушили оскверненный алтарь (включая идола) и возвели новый жертвенник из неотесанных камней, после чего состоялся всенародный праздник поклонения единому Богу. Разумеется, я говорю о происхождении иудейского праздника Ханука (обновления храма). Как

отмечает историк Томас Кахилл, «существуют такие унижения, которые гордый народ, даже если его поколение за поколением угнетали, терпеть не в силах».

В самом деле, на это может уйти время, потребуются неоднократные провокации, но в конце концов мужчина должен осознать, что в жизни есть вещи, за которые стоит сражаться. Возможно, если мы впитаем в себя эту истину, мы сможем лучше понять сердце нашего Бога.

Бог — Воитель

Я не совсем понимаю свойственную современной церкви забывчивость (смешанную с неприятием) в отношении одного из важнейших качеств Бога, о котором знали за многие века до нас:

Господь — муж брани, Иегова имя Ему.

Исх. 15:3

Господь выйдет, как исполин, как муж браней возбудит ревность; воззовет и поднимет воинский крик, и покажет Себя сильным против врагов Своих.

Ис. 42:13

Но со мною Господь, как сильный ратоборец; поэтому гонители мои споткнутся и не одолеют...

Мер. 20:11²²

Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? — Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани.

Пс. 23:7-8

Наш Бог — Воитель, могучий и грозный в битве, Он возглавляет воинства. По образу *такого* Бога сотворен человек. Я говорил об этом в «Необузданном сердце», но некоторые вещи нужно повторять не раз, поскольку мужчина оказывается в гораздо лучшей позиции для перехода на стадию Воина, если знает, что все это твердо основано на Писании, *подтверждается* Писанием и *проповедуется* им.

И пошли Филистимляне, и расположились станом в Иудее, и протянулись до Лехи. И сказали жители Иудеи: за что вы вышли против нас? Они сказали: мы пришли связать Самсона, чтобы поступить с ним, как он поступил с нами. И пошли три тысячи человек из Иудеи к ущелью скалы Етама и сказали Самсону: разве ты не знаешь, что Филистимляне господствуют над нами? что ты это сделал нам? Он сказал им: как они со мною поступили, так и я поступил с ними. И сказали ему: мы пришли связать тебя, чтобы отдать тебя в руки Филистимлянам. И сказал им Самсон: поклянитесь мне, что вы не убьете меня. И сказали ему: нет, мы только свяжем тебя и отдадим тебя в руки их, а умертвить не умертвим. И связали его двумя новыми веревками, и повели его из ущелья.

Когда он подошел к Лехе, Филистимляне с криком встретили его. И сошел на него Дух Господень, и веревки, бывшие на руках его, сделались как перегоревший лен, и упали узы его с рук его. Нашел он свежую ослиную челюсть, и, протянув руку свою, взял ее, и убил ею тысячу человек. И сказал Самсон: челюстью ослиною толпу, две толпы, челюстью ослиною убил я тысячу человек.

Суд. 15:9-16

²² В переводе The New American Standard Bible, в отличие от «могучего воина» [mighty warrior] из перевода The New International Version, появляется «грозный единоборец» [dread champion]. Грозным единоборцем был Голиаф, грозными единоборцами были могучие мужи Давида (Библия короля Иакова предлагает «могучий и ужасный» [a mighty terrible one]). — *Примеч. авт.*

История для воскресной школы? Возможно. Хотя я никогда не слышал урока, на котором объяснялось бы: «Вот, дети, что происходит, когда на человека сходит Господень Дух». Очевидно, однако, что именно такой урок содержит данный текст. Самсон становится могучим и наводящим ужас воином тогда и только тогда, когда на него сходит Господень Дух. В остальное время он ведет себя едва ли не как деревенский дурачок. Что эта история рассказывает нам о Боге, Дух Которого сходит на людей? И не только на Самсона, друзья мои. «Тогда возопили сыны Израилевы к Господу, и воздвигнул Господь спасителя сынам Израилевым, который спас их, Гофониила... На нем был Дух Господень...», и Гофониил пошел сражаться (см.: Суд. 3:9-10). «И Дух Господень объял Гедеона...», и Гедеон пошел сражаться (см.: Суд. 6:34). «И был на Иеффае Дух Господень...», и Иеффай пошел сражаться (см.: Суд. 11:29). «...Почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после...» (1 Цар. 16:13), и едва ли не первое, что сделал Давид, — убил Голиафа. Повторю свой вопрос: что эти истории рассказывают нам о Боге, Дух Которого сходит на людей?

Наши представления об Иисусе как Мужчине заметно искажаются в наших церквях, но, возможно, не в большей степени, чем наши представления об Иисусе как Воине. Что-то разгневало Иисуса, и Он взял и сделал из веревок бич, а затем обратил его против торгующих во дворе храма (см.: Ин. 2:13-17). «...Ревность по доме Твоем снедает Меня» (Ин. 2:17). Такого ли рода поведения вы ожидали от Иисуса, мягкого и кроткого, как вас учили? Да, Иисус может быть бесконечно милосердным. Но в Евангелиях мы видим Его и с другой стороны. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23:15). О, да! Это воинственные слова.

Причины быть Воином

Наш Бог — Воин, потому что в жизни есть такие вещи, за которые стоит бороться, за которые необходимо бороться. По образу Своему Бог сделал человека Воином, то есть предназначал ему сражаться в битве вместе с Собой.

Однажды юноша Моисей, «принц Египта», пошел посмотреть, не угнетают ли его соотечественников. Когда он своими глазами увидел, как египетский надсмотрщик бьет еврейского раба, он не мог этого вынести и убил египтянина. Опрометчивый поступок, из-за которого Моисею пришлось бежать из страны, но мы видим, что в нем зарождается Воин. Спустя много лет Бог посылает Моисея освободить свой народ, и, могу добавить, завоевание этой свободы становится непрекращающейся битвой. Давид тоже сражался в одной битве за другой, чтобы завоевать свободу своему народу и объединить колена Израилевы. Было в этом человеке нечто, что заставляло его поступать именно таким образом, и то же самое нечто не позволяло Линкольну сидеть и смотреть, как разваливаются на части Соединенные Штаты, не позволяло Черчиллю — вопреки позиции многих его соотечественников — сидеть и смотреть, как фашисты беспрепятственно маршируют по Европе, ведь он знал, что рано или поздно они доберутся и до Англии.

Есть такие вещи, за которые стоит бороться. За брак, например, или институт брака в целом. За детей, неважно — ваши они или нет. Как вы уже поняли, нужно бороться за дружбу, как и за церкви, которые склонны сами себя уничтожить, если они еще не уничтожены ненавидящим их врагом рода человеческого. Многие люди считают, что бороться нужно и за природу. Врачи борются за жизнь пациентов, учителя — за души и будущее своих учеников. Возьмите что-нибудь хорошее, истинное, прекрасное, что есть на земле, и спросите себя: «Можно ли это защитить без борьбы?»

Мы видим это в фильме «Нокдаун», основанном на подлинной биографии боксера Джеймса Брэдцока. Он утратил стремление к борьбе и начал проигрывать схватку за схваткой. Но когда страну подмяла Великая депрессия и начала угрожать его семье разрушением, в этом мужчине разгорелся пламень. Он совершил поразительное возвращение на ринг и одного за другим «свалил» соперников, которые были намного моложе и сильнее его. Ошеломленный менеджер спросил: «Откуда это в тебе?» Это шло изнутри, это было пробуждением спавшего в нем Воина. На пресс-конференции ему задали сходный вопрос: «За что вы сражаетесь?» «За молоко, — ответил он.

— За спасение своей семьи». Иногда, чтобы в мужчине пробудился Воин, битвы должны вспыхивать совсем близко. Может быть, поэтому Бог позволяет вспыхивать им у порога нашего дома?

Так и в фильме «Ковбои»: эти юные пастухи, у которых еще не обсохло молоко на губах, когда они вступили на свой путь, к концу становятся Воинами. В их хозяина стреляют преступники, стреляют в спину безоружному старику, их скот угнан, и это перебрасывает юношей на следующую стадию пути возмужания. Они добывают себе оружие и гонятся за злодеями, большую их часть убивают и возвращают себе свой скот. Так и Симба, когда в конце концов покидает стадию Питера Пэна, распрощавшись с беззаботной жизнью в джунглях, в качестве юного мужчины борется со своим вероломным дядей за царство. Обычно зло не отступает с готовностью — его нужно вынудить сдаться или его нужно уничтожить. Бальяна учит быть Воином его отец, и первый свой шаг в обретении Святой земли он делает, возглавив атаку конницы на врага. И все же одна из любимейших моих историй содержится в конце «Властелина колец».

Возлюбленные сыновья возмужали как Ковбои (или Рейнджеры) и продолжают становиться полноценными Воинами. Хоббиты помогли своему королю Арагорну победить в последней великой битве за Средиземье и возвращаются домой. С этого начинается одна из самых моих любимых во всей книге глав — «Очищение Удела» (в фильме полностью пропущенная). Когда наконец хоббиты по завершении своих поисков (и своей инициации) возвращаются в свой родной Удел, они находят его в руках зла. Деревья вырублены, реки загрязнены, их сородичи поработаны, уютные трактиры закрыты или превращены в тюрьмы. Волк не просто у дверей — он проник в дом. Они не в силах этого вынести.

Это было слишком для Пиппина. Он вспомнил поле Кормаллен, а здесь косоглазый называет Хранителя Кольца «маленьким хвастуном». Он распахнул плащ, выхватил меч. Блеснул черный с серебром мундир Гондора. — Я посланник короля, — сказал он. — Ты говоришь с другом короля и одним из наиболее славных героев запада.

Ты разбойник и дурак. На колени и проси прощения, или же я покажу тебе проклятие троллей! Меч блеснул в лучах заходящего солнца. Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и подъехали к Пиппину... И разбойники отступили. Их работа была пугать жителей Пригорья и колотить испуганных хоббитов. Бесстрашные хоббиты с яркими мечами и суровыми лицами явились для них неприятным сюрпризом. И в голосе пришельцев были нотки, которых они раньше не слышали. Они испугались.

Возлюбленные сыновья вернулись Воинами. Это было хорошо и для Удела с его кроткими обитателями.

Пассивность

Одна из самых печальных глав в истории Божьего народа начинается вскоре после его драматического исхода из Египта, когда иудеи уже стояли на пороге совершенно новой жизни в обещанной им Богом земле:

Но вы не захотели идти и воспротивились повелению Господа, Бога вашего, и роптали в шатрах ваших, и говорили: Господь, по ненависти к нам, вывел нас из земли Египетской, чтоб отдать нас в руки Аморреев и истребить нас; куда мы пойдем? Братья наши расслабили сердце наше, говоря: «народ тот более и выше нас, города там большие и с укреплениями до небес, да и сынов Енаковых видели мы там». И я сказал вам: не страшитесь и не бойтесь их; Господь, Бог ваш, идет перед вами; Он будет сражаться за вас [не «утешит вас», не «будет с вами в ваших бедах от руки врагов ваших» — *будет сражаться за вас*], как Он сделал с вами в Египте, пред глазами вашими, и в пустыне сей, где, как ты видел, Господь, Бог твой, носил тебя, как человек носит сына своего, на всем пути, которым вы проходили до пришествия вашего на сие место. Но и при этом вы не верили Господу, Богу вашему... <...> И вы отвечали тогда и сказали мне: согрешили мы пред Господом, пойдем и сразимся, как повелел нам Господь, Бог наш.

Но было слишком поздно. Из-за своего решения не сражаться они были обречены сорок лет странствовать в пустыне. Мы часто цитируем этот фрагмент, говоря о собственных скитаниях, принимая эту сагу странствий так, как если бы они были неизбежными. Но нет, урок вовсе не в этом. Мы забываем, что этого можно было избежать. Причина, по которой состоялось это прискорбное многолетнее странствие, заключалась в том, что Божий народ не стал сражаться. Точнее говоря, скитания были наказанием, следствием отказа довериться Богу и идти в бой.

Помните, в трилогии «Властелин колец», в книге «Две башни», Теоден, король Рохана, не хочет воевать? «Я не рискну начать открытую войну». Я только качаю головой. Что есть такого в природе человека, что заставляет его отворачиваться от реальности борьбы? Да что там, мой сын совсем недавно столкнулся с этим, и не где-нибудь, а на своих занятиях по изучению Библии. «От нас не требуется противостоять сатане. Это дело Бога». Опасная идея и совершенно небиблейская.

...Противостаньте диаволу...

Иак. 4:7

Противостойте ему...

1 Пет. 5:9

Мы живем в мире, в котором идет война. От нас требуется давать отпор врагу. Очевидно, реальность этого трудно принять, о чем свидетельствует пассивность, характерная для значительной части современных христиан. Мы хотим, чтобы христианская жизнь сводилась к наслаждению любовью Иисуса. Но в нашем мире имеет место совсем другое. Такая ситуация может вам не нравиться, может казаться неприятной, но от этого она отнюдь не становится надуманной.

Агрессивность

Я сказал, что отказ Израиля сражаться за обетованную землю представляется мне одной из самых печальных историй Писания. Но это еще не самая печальная его история. Когда речь заходит о поведении отдельных людей, худшим для нас оказывается падение Адама — явление в мир первородного греха, из-за которого вообще и начались все неприятности. Это грехопадение было отмечено пассивностью. Ева прельстилась, говорит Павел, но не Адам (см.: 1 Тим. 2:14). Он согрешил по другой, не указанной причине, однако если мы внимательно посмотрим на эту историю, то обнаружим некоторые нужные нам свидетельства. Адам остался безучастен, он не вмешался, он палец о палец не ударил. А сотворен Он был для действия, по образу и подобию могущественного Бога, Который действует, решительно вмешиваясь в историю. Адам же пассивен, он словно находится в параличе, и какие бы качества ни перешли к нам от первого мужчины, мы знаем, что одно из них, безусловно, пассивность.

Сколько-то лет назад у меня была отличная возможность сделать для миссии, в которой я работал, доброе дело. Менеджер в нашем отделении плохо обращался с персоналом, несколько человек уволились, и он наконец заинтересовался, почему. Он пришел в мой кабинет, чтобы узнать, в чем тут, по моему мнению, дело, но я ушел от разговора, притворившись, будто спешу на собрание. Я струсил, уклонился от конфликта. За это я себя ненавижу. Что это во мне такое, что я отказываюсь проявить заботу, когда у Стейси выдается тяжелый день? Почему я предпочитаю заняться своей машиной или поработать над этой книгой, лишь бы не входить в темные воды взаимоотношений? Почему я тушуюсь, когда один из моих сыновей со слезами на глазах рассказывает мне о каких-то своих неприятностях в школе? Вы отлично понимаете, о чем я говорю.

В мире мужчины есть такие области, которым он позволяет превратиться в своеобразные демилитаризованные зоны, в территории пассивности и уступок, отмеченные табличками: «Я не буду обременять тебя, если ты не будешь обременять меня». Это могут быть вопросы семейного бюджета или отношений с родственниками жены. Это может быть назревающий в церкви или в

ином сообществе конфликт. Мы ищем пути наименьшего сопротивления, а они редко бывают правильными. Мне грустно вспоминать обо всем, с чем я смирился за прошедшие годы, сдавшись без борьбы. Для мужчины важно преодолевать этот паралич воли, эту пассивность, унаследованную нами от Адама, впитавшуюся в наши плоть и кровь. Чтобы быть мужчинами, мы с Божьей помощью должны их преодолевать, целеустремленно, неустанно, в одной битве за другой, во всякую пору нашей жизни.

В вестерне «Открытый простор» есть сцена, прекрасно иллюстрирующая эту идею. Как это типично для сюжетов вестернов с их мифической простотой, городок захватили плохие парни — что ж, по словам Иоанна, «весь мир лежит во зле» (см.: 1 Ин. 5:19). Мерзавцы поставили шерифом своего человека и наняли бандитов, чтобы держать жителей городка в страхе. В городок приезжают два ковбоя с целью воззвать к правосудию — их товарищ убит и едва не убит подросток, с которым они подружились. В салуне они пытаются побудить жителей городка действовать. Один из местных лавочников говорит: «Просто позор, до чего дошел наш город», на что один из ковбоев отвечает: «Вы могли бы что-нибудь предпринять». «Предпринять? — испуганно переспрашивает тот. — Мы торговцы. А Ральф — владелец магазина». Далее следует моя любимая реплика: «Да вы мужчины или нет?!»

Исходная посылка здесь та, что кем бы по профессии ни был мужчина, он обязан быть Воином. Тот же постулат я встретил в описании исчисления сынов Израилевых по исходе их из Египта. Роды и семейства были исчислены по количеству годных для ведения войны мужчин (см.: Числ. 1). А ведь вспомним — это не опытные воины, а беглые рабы. Я сомневаюсь в том, что кто-то из них прежде хоть раз держал в руках оружие, однако подразумевается, что каждый из них, если он вообще мужчина, способен идти в бой. В Писании предполагается, что мужчина, учитывая, кто он такой, вмешивается в ход событий и действует. В характере истинного мужчины нет места пассивности. Совсем нет. И чтобы преодолеть эту пассивность, Бог вложил Свое сердце Воина в каждого мужчину.

Сердце Воина

Когда мне был двадцать один год, я хотел изменить мир. Ничего необычного в таком стремлении молодого человека нет, что засвидетельствовано многими революциями и реформаторскими движениями, возглавляемыми молодыми людьми. Бобу Вудворду и Карлу Бернстайну не было и тридцати, когда они разожгли Уотергейтское дело. И это юные студенты лет двадцати выступили на площади Тяньаньмэнь против коммунистического режима в Китае. Лютер, поступая в семинарию, был чуть старше двадцати, а в тридцать три или тридцать четыре, в разгар стадии Воина, он прибил свои тезисы на дверь церкви в Виттенберге. Уилберфорсу был двадцать один год, когда он стал членом парламента, а в двадцать восемь он начал борьбу против участия Британии в работорговле. Смело можно сказать, что большинство учеников Иисуса были молодыми людьми, что вполне типично для отношений раввин-ученик. Та молодежь тоже страстно желала изменить мир и ради этого была готова призвать с неба огонь (см.: Лк. 9:54).

Я был юным христианином, когда поступил в светский колледж, и притом ревностным, что обращалось в настоящее бедствие для любого профессора, сталкивающегося с тем, что я считал квинтэссенцией христианства. Я ходил на курс философии, который мне очень нравился, и едва ли проходила хоть одна лекция, чтобы я не тянул руку, стремясь оспорить утверждения профессора, настроенного агностически и, к счастью, доброжелательно. Я был убежден в том, что истина стоит того, чтобы за нее сражаться. Многие молодые люди думают так же. Это можно услышать в музыке практически каждого поколения молодежи — этот крик об улучшении мира, «песни сердитых молодых людей», как в мюзикле «Отверженные», — «музыка людей, которых не заставишь снова стать рабами».

Примерно в это время я основал театральную студию в Лос-Анджелесе, и мы всеми силами старались изменить мир к лучшему. Мы работали допоздна, погружались в дело с головой. Летом 1984 года мы вышли на улицы с представлением на евангельскую тему, когда толпы народа стеклись на Олимпиаду в Южную Калифорнию. Это было смело, это было дерзко — как раз такое дело, в которое бросается юный Воин. В те годы по лос-анджелесским холмам прокатилось немало

пожаров, раздуваемых приходящим из пустыни ветром санта-ана. Я помогал эвакуировать соседей, стоял рядом с человеком, поливавшим из шланга крышу дома знакомой нам престарелой женщины, которая сама не сумела бы защитить свой дом от огня. Я ощущал в себе что-то очень живое и смелое — все дело было в том, чтобы встречать опасность лицом к лицу.

Как я писал в «Необузданном сердце», что-то от Воина заложено в каждом мужчине. Это так, потому что человек сотворен по образу Бога, великого Воителя. Каков Отец, таков и сын. Это так и по другой причине — значительную часть миссии мужчины здесь, на земле, составляет участие в битве великого Воителя со злом. Наша агрессивная сущность позволяет нам преодолевать унаследованные от Адама пассивность и паралич воли. Фактически каждое принятое нами решение делает нас в момент его принятия или Воином, или пассивным мужчиной. Воодушевить молодого человека быть Воином, когда он только набирает силу, — значит оказать ему неоценимую помощь в дальнейшей жизни, ведь мы с вами отлично знаем, как трудны битвы для тех, кто долгие годы провел в пассивности.

Я не говорю, что каждый мужчина должен идти на военную службу, хотя это благородное призвание. Воин в мужчине может пробудиться по-разному. Столетиями оказывалось, что перо, как гласит старинная поговорка, бывает острее меча. Я лишь утверждаю, что эта агрессивность, запечатленная в душе каждого мужчины, существует, поэтому нас не должно удивлять (хотя многих родителей это все же немного удивляет и даже беспокоит), когда мы видим, что в душе еще совсем юного мальчишки пробуждается Воин. Что касается собственно *стадии* Воина, я считаю, что она начинается ближе к двадцати годам — примерно в том возрасте, в котором мы и отправляем молодых людей на войну. Когда Бог велел Моисею исчислить беглых рабов по родам, тот должен был учитывать мужчин «...от двадцати лет и выше, всех годных для войны у Израиля...» (Числ. 1:3). Итак, здесь точка отсчета возраста Воина указана как двадцать лет, что, по-видимому, подтверждается множеством революций, движущей силой которых была молодежь.

Сердце Воина говорит: «Я не допущу, чтобы зло творило свои дела. Есть такое, что нельзя терпеть. Я должен что-то сделать. Есть свобода, и ее нужно обрести». Сердце Воина говорит: «Я вступлюсь за тебя». Именно поэтому такая стадия должна наступать раньше стадии Любящего, ведь в браке от мужчины потребуются делать это снова и снова, ведь именно мужская пассивность разбила сердца столь многих женщин. Душа у Воина неистовая, храбрая, он готов противостоять злу, готов идти в бой. Для молодого человека это пора, когда стыдно вопрошать, почему так тяжела жизнь. Трудности надо воспринимать как призыв восстать, вступить в борьбу, взяться за дело. Воину пора научиться держать свое лицо, «как кремень», что потребовалось и от Иисуса, чтобы выполнить величайшую миссию Своей жизни (см.: Ис. 50:7).

Упорство

Рассмотрим историю, относящуюся к началу служения Иисуса, — искушение в пустыне, чтобы выяснить, что еще мы можем узнать о Воине. Это одна из первых историй, рассказанных о Спасителе, и я считаю важным подчеркнуть, что последовательный рассказ о Его жизни начинается (как и в случае Давида) со стадии Воина. Это должно что-то сообщить нам о том, насколько важна эта стадия. Действие разворачивается в пустыне. Во-первых, мы узнаём, что Иисус постился сорок дней. Остановитесь — это Воин в мужчине дает ему силы на такое подвижничество. Сколько тягот сможет вынести мужчина, как долго и как стойко он будет держаться, определяется тем, сколько в нем от Воина. У молодого человека может быть ненавистная ему работа с невыносимо надменным боссом, но если он смотрит на нее как на воинскую тренировку, он выдержит. В трудной семейной жизни мужчина будет стойким только тогда, когда увидит в себе Воина.

Стадия Воина — это пора приучения себя к дисциплине, к концентрации всех своих телесных, умственных и духовных сил. Разумеется, в любом армейском учебном лагере дисциплины предостаточно, ведь военные люди знают, что на поле боя, когда на свободу вырываются все силы ада, мужчина должен опираться на что-то посильнее эмоций. Боевой дух высок, пока вы не встретите реального противника, но в хаосе сражения этот дух может мгновенно испариться. Это

верно даже вдали от песков Иводзимы²³, и особенно это верно в духовных битвах. Я с изумлением прочитал о самодисциплине одного из первых отцов-пустынников — святого Антония, считающегося основателем христианского монашества:

Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага, неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что, если враг и не мог обольстить сердца его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом; потому что демон грехолюбив. <...> Столько неутомим был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна... Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищею же служили ему хлеб и соль, и питием одна вода. <...> Во время сна Антоний довольствовался рогожею, а большую часть возлегал на голой земле.

Афанасий Великий, «Житие Антония Великого»

Силы на такое подвижничество молодому человеку двадцати с лишним лет придает именно Воин, ведь этот молодой человек должен найти свое призвание и своего Царя. Далее, дисциплина бывает разной. Церковь по преимуществу призывает к дисциплине словами «умертви свое сердце и просто веди себя правильно». Это ужасно. Это изнуряет душу и в конце концов убивает сердце, то есть портит именно то, что так нужно перед лицом великих лишений и испытаний. Хорошая дисциплина обуздывает страсти, а не убивает их. Когда Иисус, обратив лицо к Иерусалиму, держит его, «как камень», Он демонстрирует идущую из глубины сердца решимость. Его не отвратить от выполнения Своей миссии. Молодому человеку нужна душевная сила — для того ли, чтобы защитить диссертацию, или в гонениях держаться своих убеждений, или освоить трудное искусство. Для всего этого нужна дисциплина, которую питает страстное сердце.

Именно такая внутренняя решимость подвергалась суровым испытаниям, когда к Иисусу в пустыне приступил сатана, проверяя Его стойкость, выискивая подход, какую-то уловку, чтобы вынудить Христа поддаться искушению. Он не поддался. Это чрезвычайно существенно для Воина — развить в себе такую непреклонность сердца. Именно здесь нас ждут самые серьезные проверки. Хотя Павел побит камнями и бичами, за свое благовестие брошен в узилище, он неустрашим. Он не дрогнет, и благодаря этому у нас есть Послания к Ефесянам, Филиппийцам, Колоссянам и Филимону. Беньян писал «Путешествие пилигрима» в тюрьме, а Александр Солженицын продолжил свое сопротивление советскому режиму в ГУЛАГе. Я не сдамся, я от своего не отступлюсь — так рождается Воин.

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь...

И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова —
Без прежних сил — возобновить свой труд...

И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,

²³ Остров, известный благодаря битве, которая произошла на нем в феврале-марте 1945 года между Японией и США.

Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» <...>
Земля — твое, мой мальчик, достоянье!

И более того, ты — человек!

Р. Киплинг, «Если»²⁴

Воин должен научиться ни перед чем не падать духом. Не умерщвлять свое сердце из страха поддаться искушению, а оберегать его для благородных дел — сохранять его чистоту как великий источник страстной силы и святых устремлений. В этом состояла битва Иисуса в пустыне, когда разными способами Его пытался искушить сатана. «В своих потребностях Тебе незачем полагаться на Бога — сделай эти камни хлебами. Докажи, что Бог заботится о Тебе, — бросься вниз с этого здания. Тебе не нужно идти крестным путем — поклонись мне, и я отдам Тебе все царства этого мира». Иисус не поддался. Выстоять в таких сражениях нелегко, о чем свидетельствует история рода человеческого. И ваша собственная история.

Заметьте — по окончании битвы «Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4:11). Я никогда особо не обращал внимания на эти слова, считая их малосущественным дополнением. Но мы должны их для себя отметить, ведь они были сказаны не зря. Иисус нуждался в том, чтобы Ему служили, и это позволяет нам почувствовать, что испытание далось Ему тяжело. Я нахожу в этом нечто утешительное, как потому, что это напоминание о человеческом аспекте тайны воплощения — Иисус действительно был Человеком, так и потому, что это, бесспорно, соответствует моему личному опыту такого рода сражений. Когда они завершаются, я полностью опустошен и сам нуждаюсь в чем-нибудь служении.

Между прочим — утешения уместны на пути возмужания, уместны милосердие, и отдых, и чье-то служение. Это не одни только испытания, тяготы и сражения, это ни в коем случае не так. Просто чаще всего настоящее утешение приходит *после* битвы и тем самым оказывается гораздо более приятным. Оно оказывается одним из военных трофеев.

Раненые

В сердце Воина появляется рана, если ему в детстве и юности говорят, что агрессивность совершенно недопустима, что это не христианское поведение, что вежливость равносильна благочестию. Рана появляется, если высмеиваются его попытки вырасти Воином или если они кончаются крахом. Рана появляется, если некому его наставлять, если у него нет Царя, чтобы быть ему преданным, и нет причин сражаться.

У моего коллеги по служению несколько лет назад родился малыш, первенец, и отец в одной из своих статей описал то, как мальчонка пытается обрушивать свои башни из кубиков, а он ему этого не позволяет. «В жизни нужно не разрушать, а строить». Ну и ну! Классическая религиозная чепуха. Разве не сказано в Писании: «Всеу свое время, и время всякой вещи под небом... время разрушать, и время строить... время войне, и время миру» (Еккл. 3:1, 3, 8)? Мальчишки хотят узнать, что у них есть сила. В том мире, который понятен трехлетнему малышу, обрушение башни из кубиков — просто проявление своей недюжинной силы: «Ого-го! Посмотрите-ка на меня. Вот какой я сильный!» Говорить ему, что это грех, — означает выхолащивать его душу, точно так же, как никогда не разрешать ему играть с оружием, в битвы и в супергероев. Уверен, что он вырастет очень милым мужчиной.

У юноши в его сердце Воина появляется рана, когда он пытается быть Воином, а его унижают. Мне вспоминается день в седьмом классе: на уроке физкультуры я увидел, что у питьевого фонтанчика над моим другом издевается здоровенный парень. У друга был избыточный вес, он уже достаточно опозорился во время выполнения упражнений, а этот скот измывался над ним, ржал, заставлял его пить, а потом пинал, так что тот обливался водой. Я хорошо понимал, как моему другу сейчас страшно и стыдно. А унижал его такой наглый, самодовольный павлин, что я просто обязан

²⁴ В переводе С. Маршака.

был вмешаться. Физруков нигде не было видно, так что я подбежал и крикнул: «А ну хватит — оставь его». Он тут же развернулся и выбил мне два зуба. Вот так-то. Теперь я стал тем, кто чувствовал себя опозоренным и бессильным.

Такая жизнь, когда ты ни в чем не побеждаешь, когда над тобой издеваются, тебя задирают, просто бьют, сокрушила сердца многих юных Воинов, культивируя в них пассивность: «Больше не буду и пытаться». Мне тогда нужен был человек, который бы мне сказал, что я смелый, что я поступил благородно и что пусть мы не всегда побеждаем, все равно есть то, ради чего стоит драться. И показал бы мне, как это делается.

Рана вдвойне глубока, когда жестокие удары получаешь от собственного отца или, быть может, старшего брата. Вообще говоря, рана у Воина появляется из-за того, что мальчишка слишком рано вынужден стать бойцом, как в случае, когда отец ему говорит: «Не будь таким плаксой» и посылает его вновь иметь дело с кучкой ребят, которые его изводят, или если он живет в неблагополучной семье, где скандалы и стычки ясно свидетельствуют о том, что каждый сам за себя, или когда ему никак не удастся победить. Мои сыновья любят бороться, но они быстро утратили бы свой боевой дух, если бы я каждый раз валил их на пол и припечатывал к ковру.

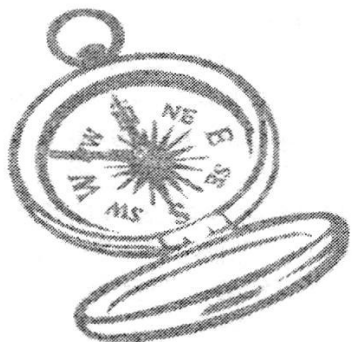
С другой стороны, если отец пассивен, как юноша научится быть Воином? Ничто не возбуждает в сердце мальчишки столько злости, досады и растущего пренебрежения, как пассивность его отца. В фильме «Патриот» сыновья не понимают, почему их отец не идет в бой, и один из них погибает, пытаясь выручить своего брата, потому что отец ничего не делает (многие мальчишки и юноши сами вступают в сражение за семью, потому что их отцы пассивны). Когда отец в конце концов берется за дело, сыновья узнают, что он — великий Воин, и проникаются глубочайшим к нему уважением. Мой знакомый, пастор церкви, проповедующей «доброго и кроткого Иисуса», однажды мне сказал, что его сын взял и пошел в морскую пехоту. Отца это сильно озадачило: «Не понимаю, почему он это сделал». — «А я вам скажу, почему, — потому что вы никогда не учили его быть Воином, вот он и решил найти кого-то, кто его научит».

И, наконец, в сердце Воина появляется рана, или оно черствеет, или может стать совсем беспутным, когда у юноши нет своего Царя и нет причины для служения. Мой коллега Брайан пару недель назад мне сказал: «Я уже некоторое время встречаюсь с компанией мужчин из нашей церкви, и у нас постоянно возникает один и тот же вопрос — „Чем нам заняться без Царя?“. Люди, с которыми я общаюсь, испытывают глубокую неудовлетворенность. Они называют себя ронинами — это бывшие самураи, оставшиеся без своего господина. Мой простой ход для решения этого вопроса состоит в том, что в качестве нашего господина на каждой стадии выступает Бог. Он — наш Отец на стадии Возлюбленного сына и наш Царь на стадии Воина. На примере этих людей я вижу, что в нас глубоко заложено стремление служить Царю, но что этот простой ответ их не устраивает». Мне понятна их неудовлетворенность. Меня самого годами злили люди постарше, которые вели себя не так, как должен вести себя Царь. Это глубоко уходит корнями в нашу безотцовщину.

Но надежда есть. Рядом с Иисусом, когда Он оказался на стадии Воина, уже не было Иосифа. В Своем человеческом сердце Он ощущал Себя сиротой. Однако мы знаем, что Он не был одинок. И у нас тоже есть Отец, великий Воитель, Он воспитает в нас Воинов, если мы на это согласимся, если пройдем происходящую на этой стадии инициацию. В вас скрыт Воин. Если раньше вы не чувствовали себя Воином, знайте, что все еще можно возродить, всему вернуть силу. Писание говорит, что Отец нас воскрешает, чтобы мы стали такими же Его сыновьями, как Иисус, а это значит, что мы станем такими же доблестными, как и Он.

Отец, покажи мне, где я пал духом в качестве Воина. Что я упустил на этой стадии? Какая у меня рана и в чем я капитулировал? Верни меня в те времена и места, когда и где во мне угас Воин. Пробуди и возроди во мне сердце Воина. Подготовь меня. Покажи мне, в чем я дрогнул, в чем предпочел пассивность. Научи мое сердце быть непреклонным. Воскреси меня. Я готов. Я Твой.

И помоги мне воспитывать моих сыновей и других юношей рядом со мной Воинами по образу Твоему. Покажи мне, как в них зарождается сердце Воина, как его укрепить, как к нему воззвать и как привести его к святости.

9

СТАНОВЛЕНИЕ ВОИНА

Бог препоясывает меня силою... делает ноги мои, как оленьи, и на высотах моих поставляет меня; научает руки мои брани...

Пс. 17:33-35

В девятом классе, через два года после того, как тот громила выбил мне два зуба, у меня опять вышла драка. Для меня она была еще более случайной. Несколько человек дурачились перед уроком, я бросил в них грейпфрут и попал в парня, в которого никак не собирался попасть, вообще даже не понял, что в кого-то попал. Когда я повернулся и пошел, он напал на меня сзади. В нем было шесть футов роста, а во мне — пять футов и пять дюймов. Нет нужды объяснять, что он лупил меня до тех пор, пока нас не разняла учительница. Вскоре после этого парочка приятелей спросила меня, не хочу ли я ходить на занятия каратэ, которые проводит у себя на заднем дворе один местный парень. Вы понимаете, почему я ни минуты не раздумывал. К тому времени я чувствовал себя просто слизняком, неспособным себя защитить, неспособным хоть что-то сделать со своей беспомощностью. Я ощущал свое бессилие. Найдись у меня в то время нужные слова, я бы сказал: «Я не Воин и никогда им не буду».

Вы также помните, что я и в спорте был слабаком. С началом серьезных занятий боевым искусством все изменилось. Я обрел координацию движений, почувствовал, что обитаю в своем собственном теле. На это ушло некоторое время, но я становился сильным и ловким. Мы с приятелями занимались у этого юного Воина примерно год, а потом еще года два тренировались самостоятельно. И наконец мы нашли учителя постарше, который мог вывести нас на более высокий уровень. Владелец черного пояса четвертого дана с мягким и добрым сердцем — отцовская фигура для юношей без отцов. Я не имел представления о том, на какой дан могу претендовать. Он лично меня проверил и присудил мне коричневый пояс. Через год я получил черный. Забавно, но больше ни одной драки у меня так и не случилось.

Мне вспоминается сцена из «Царства Небесного», в которой Годфруа и Бальян начинают совместный путь, и мы видим их в стане посреди леса. Годфруа решает готовить из своего сына Воина. Он бросает на землю перед Бальяном меч: «Подними его. Посмотрим, из какого ты теста». Бальян изо всех сил старается защищаться от внезапных атак Годфруа. «Никогда не держи меч низко. Ты хорошо рубишься. Подойди-ка. Давай поработаем над твоим мастерством». Военная академия развернула полевые учения. «Держи меч выше, вот так». Годфруа поднимает над головой свой двуручный меч. «Итальянцы называют это *la costa de falcone*. Замах ястреба. Бей сверху. Вот так. Давай». Бальян старается подражать движениям отца. «Клинок прямее. Ногу назад. Слегка присядь. Меч прямее. Защищайся».

Это зов для сердца Воина: его готовят к бою.

Полагаю, в этом и состоит секрет того, почему среди мальчишек бешено популярен киносериал «Звездные войны» — из-за боев воинов-джедаев, а особенно сцен, на которых они учатся быть Воинами. В данный момент мои сыновья очарованы книжной серией «Звездные войны: ученик джедая». Мне понятна эта жажда проходить подготовку. Мне тоже нравятся сцены обучения с участием Нео и Морфеуса в первом фильме «Матрицы», сцены в учебном лагере Токоа из сериала

на канале НВО «Братья по оружию», сцены обучения из фильма «Бэтмен: начало», описанная выше сцена из «Царства Небесного».

Этого-то мы и жаждем.

И если мы примем предложение, с которым, как я убежден, Бог обращается и к нам с вами, — предложение стать Его проходящими инициацию сыновьями, — если мы целенаправленно изменим свой образ мыслей, говоря: «Мой Отец позаботится обо мне», то увидим, что на самом деле Он уже начал нашу подготовку. Мы надеемся и верим в то, что сумеем обеспечить ее нашим сыновьям и другим молодым людям, хотя и сами еще ее проходим. Бог будет обучать нас так, как, по словам Давида, обучал его Господь, и Он обеспечит все необходимое для нашей подготовки. Перемены начинаются тогда, когда мы усваиваем новый взгляд на мир и на свое место в нем. Мы находимся в состоянии войны, наш Отец и старший Брат — великие Воители, и многое из того, с чем нам приходится сталкиваться, фактически является либо нашей подготовкой Воина, либо битвой, в которой мы должны сражаться, либо, как бывает чаще всего, одновременно и тем, и другим.

Мальчишка

Однажды в детском саду у Сэмюэла воспитательница раздала всем детям краски, кисточки и вырезанные в форме огромных бабочек листы бумаги, предложив раскрасить их «с помощью своей фантазии». Потом планировалось украсить этими шедеврами детского творчества доску объявлений на родительский день, когда мамы и папы придут в садик в гости. Это было очень важное задание, и Сэм выполнил его ценой предельной сосредоточенности и титанических усилий, с гордостью показав воспитательнице бабочку-штурмовик A-10 Varthog с крупнокалиберным пулеметом, ракетными подвесками и ракетами с инфракрасным наведением. Воспитательница пришла в ужас. А я от этого творения был в абсолютном восторге, как и все приятели Сэма и те мужчины, которым я показывал эту «бабочку». Это же сокровище — бабочка-штурмовик мальчишки с сердцем Воина!

Вам не нужно «внедрять» Воина в мальчишку — он уже у него внутри, с самого его рождения. Едва у моих сыновей года в два появлялась координация движений, как они начинали на меня нападать. Борьба с папой, драки на подушках, тактические учения вокруг дома — это бывало у нас ежедневно и продолжается по сей день, хотя у подростков выше драматический накал. К битвам с папой Блейн когда-то добавил повествовательный элемент в стиле комментариев к фильмам о животных. При моем возвращении с работы он прячется в засаду и оттуда вещает: «Старый буйвол, одряхлевший от груза прожитых лет, не видит молодого льва, изготовившегося на него напасть. Молодой лев осторожно подкрадывается в высокой траве и бросается на свою добычу...», что в этот момент и проделывает Блейн, выскакивая из-за кухонного стола, и старому буйволу действительно трудно удержаться на ногах.

Вы можете увидеть Воина в мальчишке, когда тот превращает в игрушечное оружие все, что попадется ему под руку. Банан становится пистолетом. Мандарин — гранатой. У мальчишек врожденный дар подражать звукам боя — взрывам различной силы, пулеметным очередям, стрельбе из пистолета. Вы можете увидеть Воина в мальчишке и поспокойнее, когда он с той же страстностью играет в шахматы или решает кроссворды. Он жаждет победить. Это может проявляться и в спорах, которые он ведет. Герои у мальчишек — почти всегда воины: Человек-паук, Бэтмен, джедаи, солдаты, самураи. Да, в некоторых мальчишках словно бы больше от Воина, чем в остальных, но если мы считаем, что принадлежность к мужскому полу ко многому обязывает (что подразумевается 1-й главой Книги Бытие) и что человек сотворен по образу Бога-Воителя, то мы найдем в нем Воина, стоит нам только поискать, и тогда мы должны целенаправленно его воспитывать и вести к зрелости.

Пока мальчишка мал, пробудить в нем Воина довольно просто — всего и надо, что не мешать. Боритесь с ним, да почаще, играйте с ним во всякие игры и *давайте ему побеждать*. Но не каждый раз, ведь он должен знать, что все равно его отец — сильный человек, которого нужно уважать. И все же в большинстве случаев дайте ему торжествовать победу. Захочет он играть в военные игры, скажем в ковбоев и индейцев, — играйте. Воюйте. Покидаться снежками, подраться подушками — да что там, все это его увлечет. Просто предложите ему бой. Давайте ему читать рассказы о Воинах.

Их много в Библии, притом таких, которые способны пленить его воображение. Покажите ему, что Бог — как раз такой Царь, какого он ищет (христианские проповеди типа «просто будьте хорошими мальчиками» выхолостили души многих мужчин, и этим не завоевать сердца мальчишек). Выбирая книги и фильмы, убедитесь, что в них есть благородные Воины. Это будет нетрудно, так как они там есть почти всегда, ведь вряд ли мальчишек удалось бы увлечь чем-то другим. Пусть он одевается, как Воин, — в камуфляж, костюм Бэтмена или джедая.

Разрешайте ему что-то ломать. Мои сыновья обожают, идя по лесу, поднимать самые толстые и длинные сухие ветки, чтобы ломать их о стволы деревьев. Ветки ломаются со страшным треском, мальчишки в восторге, им хочется делать это еще и еще. Пусть они побуйствуют таким образом — это никому не причиняет вреда.

Однако если мальчишка сбивает с ног братика или терроризирует собаку, это совсем другое дело — мы должны учить его самоограничению и уважению к другим людям. Но даже в таком случае, как я заметил, я выводил для Сэма, когда он был маленьким, неправильную мораль. Я был с ним довольно суров, когда он обижал своих братьев, но я стал замечать — отчасти благодаря появлявшейся у Сэма нерешительности, — что самые сильные мои слова «Это нехорошо» начинают звучать примерно как «Всякая агрессия — это нехорошо. Твоя сила — это нехорошо. Будь пассивным». Я стал выбирать более взвешенные дисциплинирующие призывы: «Сэмюэл, твоя сила дана тебе вовсе не для этого». Иными словами, сила у тебя есть, и это хорошо. Только правильно пользуйся ею.

Позволяйте мальчишке что-нибудь взрывать. Пусть играет с оружием. Откуда, по-вашему, Давид научился так хорошо обращаться с пращей? Не думаю, что отец заставлял его играть в куклы. Мне тут одни родители написали, что пытались такое сделать — давали своим сыновьям играть в куклы, чтобы вырастить их более «чувствительными». Однажды поздно вечером вернувшись домой, они услышали извинения от сидевшей с детьми няни: «Ой, мне так жаль, но я просто не знала, что они там делают». Родители обнаружили сыновей на заднем дворе: те, вырядившись индейцами, с дикими криками плясали вокруг дерева, к которому привязали своих кукол. Причем обезглавленных. Над такими шуточками полагается хохотать до слез. Это же классика — маленький Воин.

Некоторые мальчишки более склонны к тихим занятиям, и ничего страшного в этом нет. Только не поощряйте пассивность — попытайтесь мальчишку расшевелить. Он любит играть в настольные игры? Значит, он стремится побеждать. Любит читать? Дайте ему истории о героях, легенды, сказки. То, что нужно, вы можете воспитать в любом мальчишке. И кстати, если мальчишка склонен к агрессии, вы можете за этим проследить, обратив внимание Воина на более безопасные занятия, такие как спорт. Скажем, повесьте в подвале боксерскую грушу (тогда он сможет колотить ее, а не сестренку). Дайте ему простор.

На стадии Ковбоя (или Рейнджера) мы ищем ответ на вопрос: «Есть ли во мне то, что нужно?» На стадии Воина появляется новый урок, который необходимо усвоить: «Ты силен и опасен. Пользуйся этим во имя добра». Именно к этому мы и устремлены.

Юноша

Пишу вам, дети,
потому что прощены вам грехи ради имени Его.

Пишу вам, отцы,
потому что вы познали Сущего от начала.

Пишу вам, юноши,
потому что вы победили лукавого.

Пишу вам, отроки,
потому что вы познали Отца.

Я написал вам, отцы,
потому что вы познали Безначального.

Я написал вам, юноши, потому что вы сильны,

и слово Божие пребывает в вас,
и вы победили лукавого.

1 Ин. 2:12-14

Достигший старости апостол Иоанн пронизательно судит о стадиях возмужания. Мы понимаем, что дети — это Возлюбленные сыновья. Они знают суть Благой вести: они прощены и Бог — их Отец. Люди постарше названы здесь отцами — это Цари и Мудрецы. Они знают «Сущего от начала», и к этому я еще вернусь, когда мы дойдем до соответствующих стадий. А сейчас сосредоточимся на юношах, которые, как мы знаем, — Воины. Они сильны (или доблестны), в них пребывает Божье слово, и они победили лукавого. Это благо. Чтобы пробудить в юноше Воина (и в нас самих, людях постарше), может оказаться полезным обдумывание трех тем: «Мужество», «Убежденность» и «Нечто эпическое».

Мужество

Уинстон Черчилль утверждал, что мужество — первейшая из добродетелей, поскольку все остальные добродетели проистекают из нее. Нужно мужество, чтобы любить, ведь все мы знаем, что значит любить, — это значит, что вам будет больно. Раз за разом. Нужно мужество, чтобы иметь веру, ведь все мы знаем, что наша вера подвергнется суровым испытаниям. Нужно мужество, чтобы оставаться честным, и так далее. Важно воспитывать юношу так, чтобы он был мужественным. Притом, добавлю, существуют разные виды мужества — мужество физическое, душевное и духовное.

Прочитайте любую биографию военных героев, да и любых героев, и вам сразу бросится в глаза их физическое мужество. Хэл Мур, который первым пошел в бой и последним покинул поле боя в долине Иа Дранг во Вьетнаме. Пожарные, которые бежали вверх по лестницам Всемирного торгового центра, когда все остальные бежали вниз. Физическая храбрость воспитывается в значительной степени благодаря приключениям и спорту, когда вы целенаправленно ставите себя в опасные ситуации. Пока Ковбой (или Рейнджер) растет, он участвует во все более серьезных приключениях, которые создают условия становления в нем Воина. В конце наших ежегодных поездок в окрестности Моаба мы вручаем Большой приз «Крепкий орешек», который представляет собой пару деталей альпинистского снаряжения — шлямбуров, также именуемых «орешками», и присуждается юноше, показавшему себя на этой неделе самым храбрым. В этом году премию получил Люк, потому что он, хотя и самый младший, не отставал от нас, съезжая на велосипеде по крутым и скользким горным тропам. Это такой способ подтверждения мужественности со стороны сообщества мужчин.

Душевное мужество в большинстве случаев развивается из физической храбрости, когда юноша учится побеждать свой страх, но оно вырабатывается также тогда, когда юноша идет на некоторый риск в отношениях с людьми. Это может быть риск публично опозориться, выступая с речью перед всем классом или баллотирясь на какой-либо пост. Это может быть риск оказаться отвергнутым, пытаясь с кем-то подружиться или поспорив с друзьями по какому-то вопросу. От подростка может потребоваться бросить дружескую компанию и уйти домой, если ребята в ней начнут делать то, чего делать не следует. Юноше понадобится большое душевное мужество, когда он вступит в брак, ведь «адамов паралич» охватывает многих мужчин, когда они вязнут в мистических глубинах женской души.

При выработке душевного мужества важно научить мальчишку не сдаваться, научить его преодолевать неудачи и жестокие разочарования. В последнее время Блейн стал играть в футбол. Он, хотя и новичок, действительно хорошо играет и мечтает попасть во вторую школьную команду. Но пока он в нее не попал, а просто получил место в третьей команде. Блейн по-настоящему расстроен. Тем не менее он играет с душой, отдавая этой команде столько же энтузиазма, как если бы она была главной. Через пару недель после вхождения Блейна в команду для него наступил трудный момент: после его ошибки в важном матче товарищи по команде начали его сторониться. Тренер грозился отправить его на скамейку запасных, и Блейн готов был сдаться. Но не сдался. Вернувшись на поле, он играл еще более энергично. Так и проявляется благородство души. К этому

мы и стремимся. «О, если ты покоен, не растерян, когда теряют головы вокруг, и если ты себе остался верен, когда в тебя не верит лучший друг...» В последней игре сезона Блейн забил решающий гол!

Духовное мужество проявляется, когда мы имеем дело с верой. Я бы сказал, что это величайшее мужество. Вспомним о множестве мучеников, таких, как идущий на казнь Поликарп. В видении он получил предупреждение, что его сожгут на костре, но не дал страху себя победить. Отказавшись признать своим Богом кесаря, престарелый святой с готовностью пошел на смерть, даже сказал своим мучителям, что нет нужды прибивать его гвоздями, так как он Божьей милостью сам не уйдет с костра. Он слышал глас с небес: «Будь мужчиной» и повел себя как мужчина. Мы услышим тысячи рассказов о такой мужественности на брачном пиру Агнца.

Как воспитать из юноши такого человека? Все начинается с самых простых вещей, например рискнуть о чем-то в молитве попросить Бога, ведь если Бог не откликнется, что тогда делать юноше? Он может упорствовать, держаться своего, не отступать. Он должен оградить свое сердце от козней клеветника. Желанная перемена может случиться позже или прийти в виде ответа на совсем другую молитву, в совсем других обстоятельствах. Нужно поддерживать юношу, чтобы он был тверд в своей вере. Нужно научить юношу противостоять дьяволу, как Иисус в пустыне, и повелевать: «...отойди от меня, сатана...», когда на него будет совершаться духовное нападение (см.: Лк. 4:8).

Воспитание смелости сводится к одному — когда бы мальчишка ни испугался, когда бы вы ни заметили его колебания и нерешительность, мягко, не спеша приблизьтесь к нему и помогите победить страх. Помните Люка и Мо-Джо? «Я чувствовал себя победителем!» К этому и нужно вести своего сына. К этому стремимся прийти и мы, учась выдавливать из себя собственные страхи. Убежден, что именно поэтому Бог и продолжает создавать для нас ситуации, в которых у нас возникает страх. Враг рода человеческого скажет, что мы проиграли, что о нас забыли, а Отец говорит: «Ты сможешь — будь же мужчиной». Так и вырабатывается мужество.

Убежденность

В «Царстве Небесном» есть сцена, в которой Бальян по старинному обряду дает обет и посвящается в рыцари. Преклонив колена, он слушает произносимые отцом слова обета: «Быть бесстрашным перед лицом врага. Быть смелым и честным, чтобы тебя любил Бог. Говорить всегда правду, даже если это будет стоить жизни. Защищать слабых и не творить зла. Это твой обет». И это благородный обет. Моим сыновьям нравятся такие сцены. Мне тоже они нравятся. В таком благородном обете что-то есть — свой кодекс чести, свои принципы, — что отзывается в сердце мужчины. Отметим, кстати, что слово «самурай» означает «стражник». Быть опасным и сильным, чтобы служить — охранять. Как и в случае самураев, практически любое военное сообщество на протяжении веков имело свой устав. В конце концов, мы не воспитываем бесшабашных вояк — мы воспитываем Воинов, которые сражаются за *правое дело*.

У подростков обычно обостренное чувство справедливости — особенно когда они считают, что несправедливость допущена по отношению к ним. Ведите себя соответственно. Научите их этике. Пусть они увидят, что в своей жизни вы руководствуетесь ею. Пусть несправедливость вызывает у них гнев. Они склонны к черно-белому мышлению, что на этой стадии совершенно нормально, так как им нужно противостоять злу, занимать свою позицию в схватке с ним. Юноше нужно иметь свои принципы, и ему нужен Царь. У Давида были могучие воины. Рыцарей Круглого стола созвал король Артур. Можно надеяться, что Царь направит энтузиазм юного Воина в нужное русло. Вы можете стать Царем, который ведет своих сыновей, а вместе вы будете служить Царю царей.

Как говорит Иоанн о победивших лукавого юношах, «...слово Божие пребывает в вас...» (1 Ин. 2:14). Мне было чуть больше двадцати, когда у меня зародилась любовь к Божьему Слову. Я вижу, что то же самое бывает с другими юношами — на этой стадии они начинают серьезно относиться к своей вере. Это больше не «вера мамы с папой» — теперь это их собственная вера. Такое может произойти в старших классах школы, но чаще — в колледже. Торопить с этим не нужно. Это должно произойти естественным образом, по внутренним побуждениям. И признаюсь, для меня это было самым трудным делом в воспитании моих сыновей. Как помочь им не просто знать, но и *любить*

Божье Слово? Механическое запоминание не поможет, и я консультировал слишком много молодых людей, душа которых стала глуха к Писанию после посещения ими занятий по изучению Библии. Нас должен отрезвить тот факт, что книжники и фарисеи знали Библию лучше, чем когда-либо сможем знать ее мы с вами, и все же они не узнали Иисуса. Величайшим врагом истинной веры всегда была религиозность (вспомним, на кого направлены самые суровые обличения Иисуса), и эта религиозность — вовсе не то, к чему мы стремимся. Пусть сыновья видят вашу любовь к Писанию. Пусть они видят, что в вас благодатно обитает Божье Слово. Говорите об этом естественно, такие разговоры должны стать частью повседневной жизни. Научите сыновей реальному и осмысленному общению с Богом.

Им нужно свое дело. Им нужны битвы, в которых они будут участвовать. Для молодого человека двадцати лет это может означать некоторый срок военной службы, а может означать аспирантуру. Можно поощрить его вступление в ряды лесных пожарных или спасателей на водах — туда, где он будет нужен. Своевременной окажется и миссионерская работа, особенно в опасных условиях. Истории о борьбе великих людей помогут вам в воспитании ваших сыновей. Им нужно видеть пример, нужны истории, которые их увлекут. Брат Андрей оставил библейскую школу, чтобы тайком ввозить экземпляры Библии в Советский Союз. Я познакомился с молодым человеком, который ходит по барам в Сингапуре, чтобы спасти молодежь от проституции. Это хорошие занятия для юных Воинов.

Нечто эпическое

Когда началась война в Ираке, два знакомых мне молодых человека — каждый по отдельности, но в одну и ту же неделю — сказали мне: «Я чувствую, что мое место там». Ни один из них не происходил из семьи военных, ни один не стремился к военной карьере. И все же есть в сердце юноши что-то, что говорит ему: «Дай мне дело. Я должен сражаться». Он создан для сражений, и ему нужно христианство с его великими сражениями. Битвы за свое примерное поведение — в духе проповедей «просто будьте хорошими мальчиками» — будет для него недостаточно, уверяю вас. Чтобы следить за своим поведением, нет необходимости быть Воином. Молодой человек, становящийся Воином, нуждается в эпической истории.

Мне вспоминаются слова Ларри Крабба о том, что в детстве на него производило огромное впечатление одно обстоятельство — его отец любил Нечто больше, чем что-либо другое, даже больше, чем свою семью. Это не было отчуждением, ведь мальчик отлично знал, что отец его любит. Это была тайна и приглашение самому открыть, что это за Нечто. В ряде других мест я объясняю, что именно я считаю тем Эпическим, к чему нас призывает Бог, так что здесь повторяться не буду. В любом возрасте для установления контакта с сыновьями пользуйтесь теми историями, которые нравятся молодежи. «Король Лев», «Властелин колец», киноэпопея «Звездные войны» связаны с благовестием. Как и «Храброе сердце», «Гладиатор», «Царство Небесное». Некоторые из видеоигр, любимых подростками, тоже ведут их в этом направлении. Сражение с орками в игре «Властелин колец» не слишком далеко от борьбы с нечистыми духами — они тоже упорны и злы. Обычно нечистые духи не исчезают просто потому, что мы этого хотим — им нужно с твердостью противостоять (см.: 1 Пет. 5:8-9). Вы можете воспользоваться фильмами и играми, которые нравятся молодым, чтобы проводить параллели, рассматривать их как парафраз Истории, рассказываемой Богом, указывать, какую роль может сыграть в ней юный Воин.

Насколько же отчаянно мы нуждаемся в том, чтобы восстановить среди мужчин эту «культуру Воина», — ради тех юношей, которым необходимо на Кого-то обратить свой духовный взор! Возможно, в наших церквях этого никогда не произойдет — о, как я молюсь, чтобы это произошло, — но это может произойти в нашем сообществе мужчин. Более всего мальчишке необходимо видеть, что его отец — Воин, участвующий в великой битве. Что и возвращает нас к теме взрослых мужчин.

Побуждение Воина во взрослом мужчине

Прежде чем говорить о подготовке взрослого мужчины к тому, чтобы стать Воином, может оказаться полезным задуматься о пробуждении исчезнувшего в мужчине Воина, о его возрождении. Я недавно снова видел это в фильме «Фаворит». Жокей Ред — сердитый юный Воин, готовый сражаться со всем и со всеми. В начале истории другой жокей во время скачек нагло обходит Реда, а тот, разозлившись, пытается во что бы то ни стало догнать лошадь и всадника, тем самым нарушая тактику действий, разработанную тренером, и проигрывает состязание. После этого Ред никак не может примириться с тем, что его обошли. Чарлз Ховард отечески спрашивает его: «Что тебя так рассердило, сынок?» Для многих из нас это хороший вопрос. Лично я был сердит много, много лет — сердит на всех, кто меня нагло обходил, на любого мужчину старше меня, который вел себя не как Царь. Что тебя так рассердило, сынок?

Ред был Возлюбленным сыном и имел все задатки отличного жокея. Когда разразилась Великая депрессия, отец устраивал его работать на разные конюшни, думая, что обеспечивает для сына будущее. Но для Реда это было отторжение его отцом, главная рана в жизни. Он становится сердитым юным драчуном, а для человека с крутым нравом и раной в душе все превращается в битву, врагами становятся все. К Реду, благодаря любви и доброте по-отечески относящегося к нему Чарлза, приходит исцеление, потому что теперь он может почувствовать себя в безопасности, снова стать Возлюбленным сыном. Он больше не одинок — есть человек, который всегда будет за него. На следующем состязании ему нет нужды ополчаться на каждого соперника; он в состоянии сказать своей лошади: «Теперь мы в порядке».

Таким образом, для взрослого мужчины может быть хорошо, если он вернется в те места и те времена своей жизни, где и когда в нем получил свою рану Воин. Призовите Христа перенести вас туда, поговорить с вами, дать вам необходимое исцеление.

Кому-то из вас просто нужно какое-то время побыть Возлюбленным сыном, а потом пройти инициацию в качестве Ковбоя. Тогда вы сможете перейти на стадию Воина.

Подготовка Воина

Я с таким воодушевлением смотрел сцены подготовки Воина — с Годфруа и Вальяном, Морфеусом и Нео! Годами я жаждал, чтобы кто-нибудь взял меня на пути Воина себе в ученики. Обдумывая эту главу, как и тему нашей безотцовщины, я задавал себе вопрос: «Как Бог возрождает Воина во взрослом мужчине, если не существует таких же бесспорных методов подготовки духовного Воина?» Потом у меня возникло ощущение, словно Святой Дух мягко, но неуклонно направляет мои мысли на меня самого. Вспоминая последние два десятка лет своей жизни, я понял, что практически все, что я узнал в качестве Воина, я узнал на поле боя, в школе реальности, в классе моей жизни. Я нашел ответ на вопрос «Как Бог возрождает Воина во взрослом мужчине?».

Через преодоление трудностей.

Где-то внутри себя вы знаете, что это правда. Думаю, именно в этом отношении мы хуже всего понимаем, что Бог стремится сделать в нашей жизни. Пока мы привержены пути наименьшего сопротивления, комфортному устройению своего существования, нам будут казаться недружественными испытания и невзгоды. Но если мы ищем школу боевых искусств, чтобы пройти подготовку в качестве Воина, тогда все отлично — это настоящее дело. И что здесь может быть лучшим средством, нежели трудности?

Какой может быть лучший способ подготовки Воина, нежели раз за разом создавать для него ситуации, в которых он должен сражаться?

Несколько месяцев назад я был в далекой стране — исследовал там готовность принимающей стороны к задуманной нами миссии. Когда мы с коллегами ехали в аэропорт, мы попросили Иисуса сказать нам какие-то напутственные слова, если они у Него для нас есть (очень мудрая просьба, перед тем как ринуться в бой). «Ничему не поддавайтесь». Я не имел ни малейшего представления, что нас ждет, но теперь, при ретроспективном взгляде, понимаю, отчего Он сказал именно «ничему», а не каким-то конкретным вещам, ведь на меня обрушивалось, кажется, все, что только можно себе представить, а у меня и в помине не было известной соломинки. Принимали нас люди хорошие, но упрямые, к тому же всеми известными способами пытающиеся скрестить христианство с идеей безудержного обогащения. Враг рода человеческого нашептывал мне: «Ты понимаешь в

этом больше, чем они» — и соблазнял меня заключить хитроумный договор, что разрушило бы наши отношения. «Наплюй на них», — говорил враг. «Нет, — отвечал я. — Никакой заносчивости». Через пять минут я услышал нечто прямо противоположное: «Они плюют на тебя».

Мы вошли в отель, и портье взглянула на нас: «Вам чем-нибудь помочь?» Она была точной копией девушки, с которой я встречался в школе до того, как стал христианином. Враг не заставил себя ждать, воспользовавшись старой душевной раной, и попытался соблазнить меня на сексуальные утехы. «Ты помнишь? Все можно начать сначала...» Первый пункт — гордость, второй — похоть, и сколько же мужчин от этого пали? «Нет, благодарю, — ответил я ей, — у нас здесь просто переговоры». Одного из наших коллег не оказалось на месте. Пришла очередь осуждения: «Он — кретин». Поднялось возмущение: «Он всегда тебя подводит». Моей полученной от отца раной является боязнь быть отвергнутым, и, зная это, враг рода человеческого пытается создать у меня ощущение, будто мой друг — и все остальные — отвергают меня. Я этого не хочу, и тогда на авансцену выходят озабоченность и самокритика: «Может быть, ты что-то сделал не так. Может быть, ты что-то сказал такое, что его сильно обидело».

Кто-то мимоходом делает замечание о трудности организации задуманной нами конференции, и на меня наваливается страх. «А что если у нас ничего не получится? Сам знаешь, никаких гарантий нет. Ничего не выйдет». Я отгоняю страх. Через десять минут речь идет уже не о поражении, а о редкостной удаче. «Сам видишь, на этом можно заработать кучу денег». Это верно, мы могли бы заработать, но мы приехали не за этим. «Давайте снизим цену на билеты, — говорю я, — пусть придет больше народа». Моя команда выглядит несколько озадаченной, и в меня вселяется сомнение: «Ты идиот. Не надо было это говорить». Клянусь вам, все это произошло в первые полтора часа после нашего приземления. А нам предстояли еще три дня.

Той ночью в отеле я видел сон о девушке из школы и проснулся, плохо понимая, что со мной происходит. Я в чужой стране, разгар душевной и знойной ночи. Мне пришлось целый час молиться, чтобы снова уснуть. Навалилась апатия, так часто сопутствующая усталости. «Оно того не стоит». «Стоит, стоит», — громко заявил я себе в три часа ночи. Еще молитва. Следующим утром я злился на тех, кто потерял ключи от арендованной машины. «Идиоты. Кончай с ними. Разозлись на них». Все это продолжалось и продолжалось безостановочно, день за днем. Официантка очаровательна, и снова начинается соблазнение. Я сопротивляюсь, и доходит до «ты ее не хочешь, потому что ты гей». Отлично, мой враг не гнушается никакими аргументами. Слава Богу, у меня было достаточно таких сражений, чтобы распознать, в чем дело, и я держусь, ничему не поддаваясь. Ощущение — словно висишь на веточке над пропастью. Постоянные молитвы — в лифте, в машине, под душем, доброжелательность к людям, не переставшим совершать ошибки, внутренняя борьба со всем этим.

Я мог бы рассказать вам сотни таких историй. Про один-единственный год.

Испытания ждут вас. Как и при искушении Иисуса в пустыне, враг приходит и зондирует линию обороны. Он знает вашу историю, знает ваши слабые места. Но это и есть наша подготовка. Это духовный эквивалент наставлений: «Держи меч выше, вот так. Бей сверху. Вот так. Давай. Клинок прямее. Ногу назад. Слегка присядь. Меч прямее. Защищайся». Так у нас вырабатывается непоколебимость сердца. Мы не идем на уступки, какими бы ни были обвинения или соблазны. Мы каемся в тот же момент, как оступились, без промедлений, чтобы не подставить себя под удар. Мы молимся о том, чтобы Дух Божий даровал нам Свою силу. Мы прямо и открыто — и это вещь, которую не делают слишком многие люди, — противостоям врагу, как Иисус в пустыне. Мы цитируем Писание. Мы повелеваем врагу уйти.

Ко времени, когда уже все закончится, вы захотите, чтобы ангелы пришли послужить и вам. Молюсь, чтобы они к вам пришли.

Целенаправленность

Жизнь предоставит вам тысячи возможностей для становления Воина. На протяжении дня держите индикаторы включенными и целенаправленно не выбирайте путь наименьшего сопротивления. Ходите нехоженными тропами. Если вы такой человек, который терпеть не может конфликты, вступите в какой-нибудь конфликт. Когда на работе или дома вдруг кем-то будет

поднята неудобная тема, не уклоняйтесь от нее. Поддержите разговор. Задайте острые вопросы. Попробуйте отстоять свою позицию. Звонит телефон, и вы определяете по номеру, что это человек, с которым вы не хотите разговаривать. Снимите трубку. Участвуйте. Это ключевое слово — *участвовать*. Я прихожу домой усталый и хочу просто побыть овощем. Люку нужна помощь с домашними заданиями, Стейси хочется поговорить, у Сэма и Блейна тоже есть свои потребности. Я решаю участвовать, и моя усталость немного отступает перед проснувшимся Воином.

Есть вещи, которые мы можем делать целенаправленно, чтобы развивать в себе Воина. Сгодится спорт. Поразительно, как много может дать мужчине импровизированный баскетбольный матч. Соревнование — это хорошо, оно должно присутствовать в жизни любого мужчины. Приключения тоже создают много возможностей для выхода Воина на арену. Несколько лет назад я с семьей остановился на долгие выходные в горной хижине, и тут по-настоящему испортилась погода. Оставив Стейси и мальчиков пить у очага какао с зефиром, я нацепил лыжи и направился к высокогорному озеру. Мороз был градусов десять, а в пересчете с поправкой на резкий ветер — так и все двадцать. Достаточно, чтобы в моем термосе остыла вода. На тропе больше никого не было. Я решил идти, потому что погода была ужасной, потому что там не будет никого, кроме меня. Я хотел пройти испытание, вытерпев все невзгоды. В моей душе что-то жаждало этого. В тот период своей жизни я почти все дни просиживал в библиотеке и уже ощущал, что как-то размяк. Поэтому, как я говорил относительно стадии Ковбоя, устремитесь туда, где вас ждет настоящее испытание, и вы увидите в себе Воина.

Будьте решительными. Всякий раз, когда мужчина принимает твердое решение, Воин в нем становится сильнее. Обратите внимание на то, в чем вы обычно пассивны, и ведите себя диаметрально противоположным образом. От чего вы предпочли отказаться на днях? Пойдите и все верните назад. Хороши для вас будут и истории о Воинах. Изучите жизнь Воина Давида. Прочитайте в Писании другие истории о великих Воинах. Смотрите фильмы, которые пробудят в вас Воина (и сводите на них сыновей). Прочитайте невыдуманные рассказы о доблестных Воинах, например «Когда-то мы были солдатами...» Гаролда Грегори Мура и Джозефа Ли Халлоуэя, а также «День Д» и «Гражданские солдаты» Стивена Амброза.

Лицом к лицу с врагом

Мы, наконец, выяснили, что должны смотреть нашему врагу в лицо. Теперь речь пойдет о прямом конфликте с нечистыми духами и царством тьмы. Я знаю многих мужчин, которые слишком долго избегали заходить так далеко. В своем большинстве они неплохие люди, но боятся идти на открытое столкновение с врагом, предпочитая оставаться в сугубо человеческих сферах. «Я — не слишком рьяный Воин, — признался мне на этой неделе один друг. — Я бы предпочел оставаться в — как там? — в Уделе». Но в этом году он стал Царем в своей фирме и вынужден был вести духовную войну, «как никогда раньше; очень ожесточенную», что лишним раз напоминает нам: Царю лучше сначала быть Воином, иначе он согнется под ударами судьбы или неволью, как Теоден, будет поощрять пассивность в своих людях.

В качестве образца для подражания, как мы должны противостоять сатане, у нас есть пример Иисуса в пустыне. То же касается и нашего противостояния нечистым духам, ведь на сатану работает множество подчиненных ему бесов. Иисус относился к сатане как к реальному существу (не человеку, но наделенному разумом и характером падшему ангелу). Он не воспринимал искушения, обвинения и выпадывания так, как если бы они были свидетельствами его внутренних слабостей. Он также не считал, будто они исчезнут, если Он постарается их игнорировать. Он открыто противостоял бесам Своей властью и властью сказанного в Писании. Позже, в Книге Деяния, мы встретим сходный пример из жизни Павла:

Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом [бесом] прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она

делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час.

Деян. 16:16-18

Павел повелевает бесу уйти твердо, в полный голос, «именем Иисуса Христа», что означает властью Иисуса Христа. Вот так это и делается. Через Свой крест Иисус восторжествовал над всеми нечистыми духами (см.: Кол. 2:13-15). У Него теперь вся власть на небе и на земле (см.: Мф. 28:18). Он дает нам Свою власть побеждать нечистых духов (см.: Лк. 10:19; Еф. 1:18-21). Именно поэтому Павел повелевает бесам «именем Иисуса Христа».

Это умение будет становиться все более и более необходимым, когда вы начнете расти как Воин, отвоевывать территории, которые раньше уступили врагу и входят в Божье Царство. Открытое противостояние по примеру, поданному нам Иисусом и Павлом (вы можете прочитать об этом превосходное «Руководство по ведению духовной войны» Эда Мерфи, как и «Победу над тьмой» и «Разрывающего оковы» Нейла Андерсона и «Духовную войну» Тимоти Уорнера).

Принцип опознания нечистого духа таков — просто ответьте на вопросы: «Что он делает? К чему это приводит?» Вы вдруг почувствовали страх? Значит, вы имеете дело с бесом страха. Впали в уныние? Тогда не исключено, что на вас напал бес уныния. Во время Своего искушения в пустыне Иисус показал нам, что прежде всего мы не должны идти ни на какие уступки. Не оставляйте в своем сердце места врагу, а если что — изгоняйте его прочь во имя Иисуса. Ваша жизнь — учебный полигон, и когда речь заходит о духовной войне, там стреляют боевыми. Относитесь к этому серьезно.

Некоторые советы с поля боя

Участвуйте не более чем в одной битве одновременно

Первейший замысел врага состоит в том, чтобы полностью вывести нас из строя — за счет страха либо сомнений в себе, или шаткой богословской подготовки, или невежества в каких-то вопросах, или полученных ран, или пассивности, которую мы унаследовали от Адама. Если это не получается (а со многими мужчинами это очень даже получается) и в мужчине крепнет Воин, враг переключается на тактику «засыпки». Он хочет обессилить вас множеством сражений. Он пытается втянуть вас в битвы, участвовать в которых вам ни к чему. Будьте с этим осторожны — не вступайте в первую попавшуюся битву. Гитлер клялся, что извлек урок из Первой мировой войны и больше никогда не будет втягивать Германию в войну на два фронта, но в конечном счете сам же подвел ее к этому, и такова была основная причина, по которой он потерял побережье Нормандии: его войска увязли в России. И слава Богу, что увязли. Но вы не давайте втягивать себя в чужие битвы, какими бы важными они вам ни казались.

Когда умер мой друг Brent, у меня возникла огромная потребность взять на себя основную часть оставшейся от него практики психологического консультирования. В этом нуждалось очень много страждущих, но когда я молился, прося у Бога совета по этому поводу, я почувствовал, что Иисус спрашивает меня: «А если бы тебе не нужно было доказывать, что ты хороший человек, ты бы за это взялся?» (Бог часто отвечает вопросом на наши вопросы.) Мне не пришлось долго раздумывать над ответом. «Нет, — сказал я, — не взялся бы». Тогда Он сказал: «Тебе вовсе не нужно это доказывать, Джон». Освободившись от необходимости спасти ситуацию, я не участвовал в той битве и вместо этого стал писателем. Спросите Иисуса: «Ты хочешь, чтобы я участвовал в этой битве?» И вы получите приказ своего Царя.

Не участвуйте дважды в одной и той же битве

Вам не нужно долгие часы изводить себя рассуждениями, снова и снова пытаюсь представить, как может повернуться ход событий. Вы не знаете, как обернется дело, а высосанные из пальца прогнозы редко оказываются полезными. Они просто связывают вас по рукам и ногам. Сопровитесь этому. Не ведите битву дважды — первый раз, когда вы в тревоге пытаетесь предугадать ее ход, и второй раз, когда вы фактически оказываетесь в ее гуще. Как гласит пословица, переходи реку, когда к ней подойдешь. Для этого потребуются сила и решимость, и это

укрепит в вас Воина. Это еще один способ научиться непоколебимости сердца — в данном случае не поддаваясь волнению и тревоге.

Участие в важном мероприятии приравнивайте к участию в битве

В повседневной жизни трудности, неудачи, препятствия могут быть просто случайностями и ничем более. Проколотая шина есть проколотая шина. Но в случае каких-то важных событий мы со Стейси и люди того сообщества, к которому мы принадлежим, почти всегда обнаруживаем их сходство с военными действиями. Так к этому относитесь и вы. Под «важными мероприятиями» я подразумеваю все то, что наполнено высоким смыслом, — разумеется, миссии, но также праздники, юбилеи и прочее. Враг стремится похитить вашу радость больше, чем что-либо еще.

Сопроводяйтесь без промедления

Не давайте увязнуть коготку. Как бы вы ни устали, как бы ни были заняты, каким бы неудобным ни был момент, время сражаться — *сейчас*. «Ты должен быть бдительным, — говорит Фома Кемпийский, — особенно в самом начале искушения, ведь врага легче победить, если не позволить ему войти в двери нашего сердца, а оказать сопротивление при первом же стуке в них». Не обманывайте себя словами «я займусь этим позже». Меня изумляет то, насколько я бываю рад любому отвлекающему меня моменту, любой возможности чем-то не заняться. Я буду проверять свою электронную почту, или звонить по телефону, или слоняться по дому, уточняя, что из съестного есть в буфете, *в то самое время, когда я должен молиться*. Это пассивность и в скрытой форме капитуляция. Если вы молитесь, или боретесь, или решительно действуете *в тот самый момент, когда вам меньше всего этого хочется*, в вас набирает силу Воин. В следующий раз вы будете еще сильнее.

Помните, что вы не всегда будете чувствовать себя Воином

Об этом важно помнить, ведь мы хотели бы всегда чувствовать себя храбрыми и сильными Воинами.

Но так бывает редко. В *разгар* битвы вы зачастую будете чувствовать себя встревоженным, сбитым с толку, возможно, ошеломленным и измученным сомнениями. Вы, безусловно, заметите явившихся к вам духов, а они попытаются заставить вас поверить в то, что это *вы* виновны в злобе, гордыне или в том, что еще может вас задеть. Держите свое лицо «как кремень». В конечном счете все прояснится и вы снова ощутите Божье присутствие, почувствуете себя тем, кем вы являетесь на самом деле. Разгар войны — это хаос.

Стойте на своем

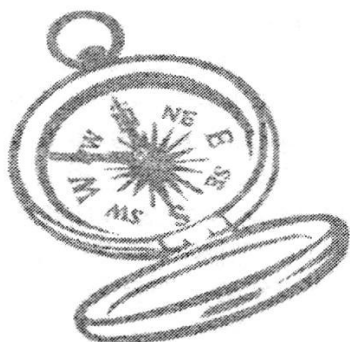
Чтобы выиграть сражение, нужно больше одной стычки. Преисполненный ненавистью враг обычно не отступает после первого же вашего хука. Стойте на своем. Враг испытывает вашу решимость. Покажите ему, что вы, как бы долго ни пришлось вам сражаться, твердо намерены победить.

Следование этим советам сделает вас праведным

Враг приближается, говорил Иисус ученикам, но «во Мне не имеет ничего» (Ин. 14:30). Мне эти слова нравятся, я просто в них влюблен. Иисус так чист, что враг ничего не сможет с Ним сделать. Это объясняет нам несколько важных вещей относительно войны. Во-первых, праведность — ваше лучшее оружие. Духовная война сделает вас праведным. Поверьте мне. Почему враг нападает именно с этой стороны и именно сейчас? Обратитесь к Христу. Не причина ли это для покаяния? Для более глубокого исцеления? Укрепления слабых мест? Хорошо, это сделает вас лучше. Битвы, участниками которых мы оказываемся, открывают нам совершенно новый повод укрепиться в праведности. Это уже не призыв «быть нравственным человеком, потому что это достойно». Новый призыв звучит так: «Будь праведным Воином, потому что ты нужен в этой битве, и если ты им не станешь, тебя победят».

Пробуждение Воина имеет решающее значение для становления мужчины. Все остальное основано на этом, ведь вам придется сражаться, братья мои, за все, к чему вы стремитесь, и за все, что в этом мире вам дорого. Несмотря на то, что вы чувствуете, или на то, что вам могли говорить, в вашем сердце живет Воин, потому что вы созданы по образу Бога. И Он сделает из вас великого Воина, если вы Ему в этом поможете.

Отец, Ты — великий Воин, и я сотворен по образу Твоему. Я — Твой сын, и я тоже Воин. Открой мне глаза, чтобы я смог понять, как Ты воспитываешь во мне Воина. Покажи мне, когда я неправильно понимаю, что происходит в моей жизни. Дай мне силы и решимость воспрянуть и пройти Твою воинскую подготовку. А когда я падаю духом, одари меня Своей благодатью и поддержкой, чтобы я стоял на своем до самой победы. Во имя Иисуса.

10 ЛЮБЯЩИЙ

... Нашла того, которого любит душа моя...

Песн. 3:4

Если я скажу, что пошел в горы в одиночку, чтобы побыть с Богом, это прозвучит так, будто я сделал это по собственному почину, и тогда мой поступок будет выглядеть благородным, доблестным и аскетичным. Но это было бы нечестно. Я отправился в горы, потому что услышал зов. Изнуренный долгими месяцами сражений и тяжелого труда, я нуждался в передышке, знал, что нуждаюсь в ней, но все как-то не мог себя к этому привести. Вы знаете, как это бывает, — крутишься, словно белка в колесе, ненавидишь его, это колесо, но уже к нему привык, даже привязался, и попытка вырваться наружу кажется чем-то невыносимым, хотя бы от этого зависела сама твоя жизнь. Слава Богу, у меня было что-то более глубокое — была жажда, которую трудно описать. У меня была мучительная тяга к прекрасному. Именно так Бог и призвал меня к Себе.

Наибольшей опасностью для Воина является не поражение, а успех. Я уже говорил о том, как враг рода человеческого поступает с хорошим Воином — если враг не может его нейтрализовать, не может вообще удержать от участия в битве, он переключается на тактику «засыпки». Заваливания битвами. Все превратить в сражение. Сделать его постоянным. Одна битва за другой, с чем и столкнулся Джереми Джонсон, когда стала расти его слава, с чем и столкнулся Давид из-за ревности Саула, а позднее — из-за того, что его враги узнали о предстоящем с ним соперничестве. Рота «Е» («Easy») 506-го парашютно-десантного полка во Вторую мировую войну получала одно трудное задание за другим, потому что могла с ними справиться²⁵. Так же вынужден был удалиться из города и Иисус, потому что о Нем разнеслась весть и всякий приходил к Его дверям с той или иной нуждой (см.: Мк. 1:29-37).

Мы не должны допускать, чтобы битвы становились для нас всем.

Итак, в течение нескольких последних лет у меня сложилось обыкновение отправляться в какую-нибудь отдаленную местность, как правило дня на три, чтобы побыть наедине с Богом. До сих

²⁵ См. фильм «Спасти рядового Райана» С. Спилберга.

пор у меня было заведено ходить в пеший поход по необжитым местам, чтобы гарантировать себе уединение и все, что оно дает. Но в этом году я просто слишком устал, чтобы карабкаться по горам, словно вьючный мул, неся весь свой лагерь на своей спине. Поэтому я выбрал место, куда по длинной грунтовке может подняться автомобиль. Я надеялся, что окажусь в горах на достаточной высоте, где мое сердце оживет, а для меня такое место — высокогорье над границей произрастания лесов. Преодолев, наконец, подъем и выйдя из машины, я очутился на широком горном лугу, раскинувшемся передо мной в буйном цветении и окруженном ледяными вершинами. Лучи солнца обжигали, ведь вверху оставалось слишком мало воздуха, чтобы создать для них какой-то естественный фильтр.

Отказавшись от своего обычая сначала разбить лагерь, я взял удочку и остановился с ней на минутку посреди этого луга, затем вдохнул полной грудью и выдохнул из себя все — все, что теперь оставил позади, чтобы в меня смогла войти эта красота. Тепло, аромат горных трав, и в первую очередь дикорастущей мяты, журчание ручья, горные вершины... Я еще немного постоял, нежась, словно младенец, в окружающем меня великолепии, а потом пошел удить рыбу.

Ручей здесь пяти-семи футов в ширину, причудливо извивается по лугу с такими поворотами и изгибами, которые только сама природа и может объяснить, и никуда особенно не спешит. Пятнистая форель в этом ручье водится крошечная, дюймов шести длиной, но, несмотря на короткое лето и долгую суровую зиму, погребавшую все под снегом и льдом, рыбки эти очень веселые и энергичные. Изящные создания с зеленоватыми спинками, пересеченными узорами цвета мха, красными плавниками с белыми каемками, десятками сиреневых пятен по бокам с ярко-розовыми крапинками в центре. Как говорит Джерард Мэнли Хопкинс,

Будем же славить Творца
За разноцветье творенья,
За небеса в облаках,
Как пятнистой коровы бока,
За розоватый пунктир
Стайкой плывущей форели.

Я поймал несколько рыбешек и подержал их в ледяной воде, восхищаясь их красотой и игривостью, потом вернул в родную стихию готовиться к следующей зиме. «Живые рифмы» — так я их называю. Живые вспышки прекрасного.

Потеряв где-то в зарослях свою искусственную муху — я не слишком хорошо рыбачил, отчасти потому, что давно этим не занимался, но, главным образом, потому, что отвлекался на все это изобилие красоты вокруг, — я встал на колени, чтобы прикрепить к крючку другую, и увидел, что склоняюсь над струями воды, перекатывающейся во внутренней части изгиба ручья через усыпанный галькой и гравием плес. Глубина здесь была дюйма три — как раз достаточно, чтобы смочить камни до полного проявления цвета, ведь все знают, как оживает камень, если его увлажнить, — даже городские улицы красивее всего бывают после дождя. Тысячи гранитных камешков, в большинстве своем имеющие размер от десяти до двадцатипятицентовой монетки, складывались в мозаичный узор. Пурпурные, коричневые во множестве оттенков — от бронзы до шоколада, черные, белые, желтые, до блеска отполированные ледниками, выложенные, словно мозаика в византийском храме. Каждый камешек пестрел прожилками гранита, и вместе они образовывали пестрый узор, в свою очередь еще более пестрый из-за журчащей над ними воды, играющей лучами солнца. Я мог бы смотреть на эту мозаику до вечера. Она завораживала, и умиротворяла, и влекла к себе — все это делает с нами нежная, сокровенная, живая красота.

Я все склонялся над мелководьем, и тут мой взгляд зацепился за камешек, как если бы он был чем-то подсвечен, что не совсем точно, ведь в мозаике он был одним из самых темных, почти черным, и никак не мог выделяться своим сиянием. Но те из вас, кто сталкивался с чем-то подобным, поймут, что я имею в виду, — когда одно из лиц в толпе вдруг так и встает перед вашими глазами, едва ли не говоря: «Смотри на меня», или когда вы читаете книгу, и одно предложение

заставляет вас остановиться и застыть, а весь остальной текст на странице меркнет, превращаясь просто в фон для этой единственной фразы. Камень был в форме сердца.

Поцелуй от Бога. Любовная записка. Меня любит Бог.

Обращение к прекрасному

Сейчас мы подходим к развилке на пути возмужания, к стадии, которая весьма существенна, но, к сожалению, оказывается пропущенной многими мужчинами. К стадии Любящего. Нельзя сказать, что под ней я подразумеваю в первую очередь то время в жизни молодого человека, когда он влюбляется в девушку. Хотя это тоже ее часть, но я не считаю, что в этом заключена сущность данной стадии, даже не считаю это высшим ее проявлением. Я надеюсь, что в общей картине найдется место и для девушки, что она перевернет весь мир молодого человека. Ева — это великое Божье вторжение в мир Ковбоев и Воинов, ибо ничто, абсолютно ничто, не вызывает таких потрясений, как Ева, и ей предначертано полностью преобразить их жизнь. Тем не менее существуют такие движения души молодого человека, которым лучше осуществиться до появления Евы, движения, зачастую происходящие, но остающиеся нераспознанными, пока нет Евы.

На протяжении всей своей истории Церковь считала добро, истину и красоту чем-то вроде триады добродетелей. Задумываясь о стадиях возмужания, мы видим, что Возлюбленный сын начинает понимать добро, научившись отличать хорошее от плохого, Воин сражается за то, что есть истина, однако когда мужчина осознает, что лучшее из трех — красота, в нем пробуждается Любящий. Как и в случае других стадий, проявления красоты можно видеть в раннем возрасте, но что-то особенное происходит в то самое время, когда юноша начинает становиться Воином, в конце стадии Ковбоя, ближе к двадцатилетию и позже. Вместе с пробуждением страсти к битвам мы видим появление другого стремления — стремления к... к чему, он не знает. Страстная тоска, нередко выражающаяся в музыке, а может быть, в поэзии, в фильме или книге, которые как никогда раньше потрясают его. Его душа переживает своего рода второе рождение.

Он начинает замечать. Впервые в жизни он видит лунные блики на воде. Вдруг замирает на определенных словах песни, которая ему нравится. Останавливается, проникнувшись мыслью о том, что снежинка и цветок в самом деле совершенно изумительны. Открывает для себя писателей, способных взволновать его какими-то особыми мыслями или словами. И да, да, зачастую здесь замешана женщина. Бюхнер рассказывает о том времени, когда в юности был влюблен на Бермудах в девушку, и обо всей красоте, по которой он тосковал, помимо красоты этой девушки. Женщина — олицетворение прекрасного, и зачастую она нужна, чтобы отвлечь внимание юноши от приключений и битв, чтобы он, как говорится, повернул голову, а вслед за ней и сердце. Один пришедший ко мне в гости молодой писатель сказал, что начал писать стихи, причем во множестве, когда впервые влюбился. Со временем девушка исчезла из виду — это была школьная любовь, — но поэтическое творчество осталось, потому что пробудилось его сердце. Это история паломничества Анодоса из «Мечтателей» Джорджа Макдональда, когда сердце мужчины пробуждает красавица, и он должен совершить опасное путешествие, чтобы выяснить, что тоскует по самой красоте.

Но нередко пробуждение сердца происходит на лоне природы, особенно если юноше довелось полноценно пройти стадию Ковбоя. Мы видим это в поэзии Давида, в чьих стихах в изобилии встречаются солнце и звезды, роса на полях, ручьи, водой которых он утоляет жажду. Харрингтон, этот репортер-трудоголик, нашел на полях Кентукки не только кроликов. Он научился видеть.

Если бы вы знали меня в далеком прошлом, вы бы не поверили, что это я сейчас стою здесь в лесу, блаженно внимаю дроздам с их «тик-тикинг», изучаю селлагинеллу... Я и сам еще не могу в это поверить... Каждый раз, приходя в старую рощу, я что-то вижу впервые в жизни. Деревца на опушке, которые лет десять назад были для меня совершенно одинаковыми, в действительности представляют собой заросли ясеня, вяза, кизила и гикори. В суровую зиму, если внимательно присмотреться, можно заметить, что некоторые стволы внизу, у земли, обгрызены по кольцу — это кролики лакомились мягкой питательной корой.

...Освещенное солнцем широкое поле с желтыми, оранжевыми, бронзовыми, красно-коричневыми тенями, а в доброй полумиле за ним виднеется темно-серая полоска деревьев, растущих вдоль речки Скагс-Крик, уже около серебристой линии горизонта, примыкающей к изумительной, словно на делфтском фаянсе, синеве.

«Вечный поток»

Как это происходило со многими мужчинами, прогулки по лесам и полям пробудили Любящего. Великий воин, царь Ксеркс, во время марша через Персию остановился сам и остановил свою двухмиллионную армию из-за того, что увидел чинару. Застыл на месте при виде красоты, столь его пленившей, что приказал сделать из золота копию чинары, чтобы вспоминать ее всю оставшуюся жизнь. Это очень хорошо для Воина — очаровываться красотой. Это поселяет подлинную гармонию в его душе, чтобы он не был просто воякой. У кельтов была пословица «Не давай меча мужчине, который не умеет плясать», при этом они имели в виду, что если воин не стал также поэтом, не надо торопиться с выводом о том, хороший ли он воин.

Было время, много лет назад, когда мы с Брентом вместе рыбачили на реке Сан-Хуан в штате Нью-Мексико. Стоял сентябрь, тополя покрылись золотом, и трава в полях тоже была золотой, и рыжей, и коричневой, и лиловой. Дневная жара задержалась надолго, и солнце, казалось, все еще стоит высоко в небе. Но вот оно уступило сумраку и вечерней прохладе. Краснокрылые дрозды выводили свои трели в тростниках по берегам реки. Форель, которая весь день пряталась в глубоких темных омутах от лучей солнца и от нас, поднялась теперь на плесы и мелководье. Теплый ветерок дул вниз по реке, смешиваясь с холодным вечерним воздухом, поднимающимся от тростников. Время исчезло вместе с дневной жарой, и пришла вечность вечера.

Я взглянул на восток: полная серебряная луна вставала над плоскими холмами, выходя на утес, как оперная дива на свой балкон. Пока я смотрел на нее, моего лица коснулось тихое дуновение, и я понял, что это Бог. Стайка каролинских уток проплыла между мной и луной, черными силуэтами выделяясь в ее лучах, и тогда окончательно исчезло время, существовали только красота, и жизнь, и дружба. Сердце мое восторженно, тоскуя по великому Любящему Сердцу.

Это часто оказывается за пределами наших возможностей — объяснить другим людям, как действует на душу общение мужчин, сидящих у реки с удочками в руках. Еще труднее выразить ту красоту и поэзию, которые приходят тихо, как поцелуй вечернего ветерка, ласково коснувшегося вашего лица. Такие моменты относятся к самым дорогим сердцу воспоминаниям, и в них сохраняется такая сила, что они до сих пор способны устремлять мою душу к возвышенному, к красоте, к вечности, к Богу. Рыбная ловля, как и охота на вапити и фазанов, не имеет никакого значения, кроме того, что она в нас что-то меняет. Как сказал Генри Торо, большинство рыболовов всю жизнь проводят у воды, не понимая, что им нужна вовсе не рыба.

Я мог бы рассказать вам о вечере на реке Ламар в северо-восточном углу Йеллоустонского национального парка, тоже осенью, тоже в сумерках, когда я в одиночестве стоял посреди пустынных просторов, прислушиваясь к тому, как начинают завывать волки. Или о том, как однажды в безлюдных каньонах близ Моаба я сидел в конце весны на скальной полке, страхуя поднимающегося снизу альпиниста, и снова в мою душу вошла любовь. Белые обрывы песчаника по ту сторону реки — словно застывшие во времени гигантские волны — уже покрывались розовыми тенями от заходящего солнца. Непокойная река внизу стала зеркалом для этих розовых утесов, и голубого неба, и зеленого ивняка вдоль берегов, смешивая цвета, словно масляные разводы, и превращаясь в реку-палитру. Теплый ветерок нес по каньону экзотический аромат цветущей дикой маслины, и время опять исчезло, и на мгновение все в мире оказалось таким, каким ему и предназначено быть.

Пробуждение поэзии

Мы слишком часто слышим тезис, согласно которому мужчины — существа рациональные, вместе с научными подтверждениями, что наш мозг устроен иначе, чем мозг женщин, и это верно. Абстрактное и пространственное мышление, логика, анализ — обычно у мужчин с этим дело обстоит лучше, потому что у нас больше задействовано левое, а не правое полушарие, но у женщин

межполушарных связей во много раз больше, чем у мужчин. У женщин полушария соединяются федеральной автострадой, у мужчин — глухой звериной тропой. Таким образом, мужчины умеют абстрагироваться, и эта способность позволяет им лучше переносить ужасы войны и отправлять правосудие. Она также превращает их в превосходных шахматистов и автомехаников.

И все же...

Я на это не куплюсь. Слишком уж много мужчин прячется за разумностью и логичностью. Мужчина должен развиваться шире, за пределы рассудка, или он застрянет в своем развитии как мужчина, и уж безусловно — как Любящий. Ни одна женщина не хочет, чтобы ее анализировали, и многие браки рухнули из-за того, что муж настаивал на отношении к жене как к задаче, которая должна быть решена, а не как к загадке, которую нужно ценить и любить. Давид как Воин был искусным тактиком, но он также был перворазрядным поэтом. Иисус мог победить в любом богословском диспуте, но Он был также художником (Творец этого мира красоты), и поэтом (Духом Которого написаны псалмы Давида), и рассказчиком. Когда он говорит: «Посмотрите на полевые лилии...», Он призывает не анализировать их, но *любоваться* ими, ибо «и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6:29). Он призывает нас посмотреть на их красоту, чтобы показать нам любовь Бога.

В мужчине просыпается Любящий, когда он начинает понимать, что поэтическое восприятие гораздо ближе к истине, чем логическое и аналитическое, и что бы ни говорили философы, я наблюдал это пробуждение у многих мужчин.

Я пришел к Христу не потому, что искал религию, а потому, что искал истину, и пока искал, я знал, что искомое должно быть истинным во всех сферах человеческой культуры. Я мечтал об интеллектуально состоятельной апологетике христианства, и я нашел ее сначала у Шеффера, а потом у писателей Реформации, которым глубоко благодарен и сейчас. Разумные основания для веры существуют. Мой ум был удовлетворен, но сердцу хотелось чего-то большего. Считая свое богословие вполне логичным (и воюя со своим профессором философии), я в то же время упорно старался в горах и пустынях, в литературе и музыке разглядеть красоту. Почему они ближе подвели меня к Богу, чем анализ? Почему категории систематического богословия изгоняют все живое из живого Слова? Потом я открыл для себя таких писателей, как Освальд Чамберс, Клайв Стейплз Льюис и Джордж Макдональд. Умнейшие люди, и каждый из них вполне способен выстраивать убедительную аргументацию. Но не в этом сущность их славы. Они обращаются к уму, но также и к сердцу. Больше к сердцу.

Я начал удить уже поздно вечером, когда совсем стемнело, по причинам, которые трудно объяснить. Мне нужно было нечто трансцендентальное, нужна была тайна. Я начал писать картины, и пропасть между пробуждением моей души и сухими формулировками столь многих самонадеянных рационалистов уже ничего мне не объясняла. Загадка была решена, когда я узнал, что Чамберс сначала учился на художника, прежде чем стать богословом. Его биограф Дейвид Маккасланд пишет: «Если есть детская черта, предвещающая юношеские дар и страсть, то она проявится в сфере искусства». О, да, это все объясняет. Вот человек, который знает путь сердца, потому что знает и любит красоту. Задолго до своей миссионерской деятельности (в качестве зрелого Воина) Чамберс писал стихи, даже апологетическую поэму о широко понимаемой поэзии, в которой противопоставляются «божественные эти сущности, что Музыкой, Поэзией и Живописью мы зовем, через которые Свой мирный Дух нам Бог вдыхает в душу» и «монотонная механистичность пресловутых фактов».

Тайну Льюиса я нашел в его автобиографии:

Когда летним днем я стоял у цветущего куста смородины, ко мне вдруг, без предупреждения и словно бы из глубины не десятилетий, а веков пришло воспоминание о том раннем утре в старом доме, когда мой братишка принес в детскую свои уличные игрушки. Трудновато будет подобрать достаточно сильные слова, чтобы передать ощущение, которое охватило меня: «безмерное блаженство» (если учесть полноценный

старинный смысл слова *enormous*²⁶) Эдема у Мильтона хоть сколько-то к этому близко. И это было, конечно, ощущение моего стремления, но стремления к чему? <...>

Второй проблеск мелькнул благодаря бельчонку Наткину, благодаря только ему, хотя я люблю все книги Беатрикс Потгер. Но остальные — просто развлекательные, а эта меня взволновала, если не сказать повергла в шок. Взволновала она меня тем, что описать я мог бы только как Идею Осени. Звучит эксцентрично, если не верить в то, что человек может влюбиться в какое-то время года, но примерно это и произошло, и, как и раньше, возникшее ощущение было ощущением моего стремления к чему-то. <...>

Третий проблеск мелькнул благодаря поэзии. Мне понравилась «Сага о короле Олафе» Генри Лонгфелло — понравилась так, поверхностно, своим сюжетом и энергичным ритмом. Но потом, сильно отличаясь от этой симпатии, мне словно послышался глас из гораздо более далеких сфер. Пришел момент, когда я, лениво перелистывая страницы книги, наткнулся на нерифмованный перевод «Tegner's Draga»²⁷ и прочел:

Слышал я голос, вскричавший:
«Бальдр прекрасный,
Ты мертв, ты мертв!»

Я ничего не знал о Бальдре, но мгновенно взмыл в необъятные просторы северного неба и почти до боли желал того, что навсегда неизъяснимо.

Льюис добавляет: «Читателю, который не увидел в этих трех эпизодах ничего для себя интересного, нет нужды читать мою книгу [«Настигнут радостью»] дальше, ведь в каком-то смысле главная история моей жизни больше ничего не содержит». Больше ничего, но что могло бы превзойти это страстное стремление, эту пронзительную радость красоты? Льюис описывает свое обращение к прекрасному, которое привело его к Богу. Книги Льюиса и других писателей, поля и леса, живопись и музыка столь многое пробудили в моем сердце! Ведь то, что приводит нас к сердцу Бога, сначала возвышает над обыденностью наше сердце, пробуждает стремления и порывы. И именно эта жизнь, братья мои, жизнь вашего сердца, более всего связана с Богом.

БОГ И ЛЮБОВЬ

Джону Уэсли было тридцать пять, когда он испытал знаменитое ныне «таяние» своего сердца — не рассудка! — по отношению к Христу и в тот момент понял, что стал не просто христианином, а чем-то большим: человеком, влюбленным в Бога. Вскоре после этого он сочинил гимн «Иисус, Возлюбленный души моей», первые строки которого звучат так «Иисус, Возлюбленный души моей, прими меня в Свое лоно». С тех пор множество составителей сборников церковных гимнов пытались подобрать более приемлемую редакцию этого гимна, поскольку, как поясняет Джон Джулиан, «затруднение вызывает слово „Возлюбленный“ применительно к нашему Господу». Сейчас в сборниках церковных гимнов встречаются исправленные варианты «Иисус, Спаситель души моей» и «Иисус, Обитель души моей», которые и близко не подходят к тому, что хотел сказать Уэсли. Он хотел сказать *Возлюбленный*.

Вы поймете, насколько доминирующим стал подход «рассудок и знание — это все», если обратите внимание на то, что людей, влюбившихся в Бога, в церквях зачастую называют мистиками. Это звучит вполне почтительно, но в то же время и уничижительно. «Мистическое» означает «неизъяснимое» с дальнейшим переходом к «иррациональному». «Мистическое» также означает «исключительное» в противоположность «абсолютно нормальному». Нерегулярное против

²⁶ *Enormous* (англ.) — безмерный, непомерный.

²⁷ Стихотворение Г. У. Лонгфелло. Бальдр (Бальдер) — в скандинавской мифологии бог весны и света, сын верховного божества Одина.

регулярного. Трудно анализируемое. В качестве классического примера приведу цитату из Ярослава Пеликана:

Обоснование правомерности использования выражения «Возлюбленный души моей» или «Жених души» по отношению к Иисусу целиком зависит от правомерности как психологической, так и религиозной мистического опыта вообще, а затем от оценки его конкретной разновидности, обычно именуемой «христианским мистицизмом».

В рамках рабочего определения мистицизм можно понимать как «непосредственное переживание единства с Высшей Реальностью».

Я поражаюсь тому, как такие люди занимаются любовью со своими женами. «О, партнерша моя, не хочешь ли ты пережить единство со мной сегодня в 10.30 вечера?»

У Давида такое понимание любви к Богу не вызвало бы никаких затруднений. Поэзия, изливающаяся из его страстного сердца, наполнена нескрываемыми чувствами по отношению к Богу. Он говорит об утолении жажды «из потока сладостей» Божьих, о том, что его Возлюбленный наполняет его сердце большей радостью, чем все богатство, обретенное другими людьми (см.: Пс. 4:8)²⁸, и во многих своих любовных песнях он говорит о том, что сердце его поет Богу. Он плачет ночами (см.: Пс. 6:7), мучительно желая быть с Богом, ибо обретает, действительно обретает, свою жизнь в Нем: «Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11), и все это до такой степени, что сердце его переполнено стремлением к Богу: «...желает душа моя к Тебе, Боже» (Пс. 41:2), и даже плоть его томится по Богу (см.: Пс. 62:1). Это не слова сухого богослова или моралиста. Это даже не слова вашего пастора. Для Давида любовь Бога «лучше, нежели жизнь» (Пс. 62:4). Давид очарован красотой, которую видит в Боге (см.: Пс. 26:4). Это наваждение длится и длится. Он так же охвачен своим чувством, как и любой влюбленный, вот только сможем ли мы это принять? Есть ли у нас для этого хотя бы слова? Он влюблен... в Бога.

Полезно будет напомнить, что Давид здесь уже не юноша, а зрелый мужчина и закаленный в битвах Воин с многолетним опытом рукопашных боев. Так что же мы, в сущности, можем из этого извлечь для себя? Если ваш друг, которому далеко за сорок, скажет, что потерял сон из-за возлюбленной, все время плачет, пишет стихи и любовные песни, места себе не находит, когда не может быть рядом с ней, не подумаете ли вы, что он совсем потерял голову, что да, любовь чудесна, но послушай, парень, пора наконец взять себя в руки. Про себя вы подумаете, что с ним совсем плохо дело. А может быть, вам захочется, чтобы с вами произошло то же самое?!

Смирение призывает нас занять в отношении любовного романа Давида с Богом примерно такую позицию: не имею представления, о чем это Давид говорит, но как человек он намного лучше меня и он открыл что-то, что необходимо знать и мне, необходимо настолько отчаянно, что я, может быть, и сам еще не догадываюсь.

Любящие встречаются не так редко, как вы могли бы подумать. Просто когда в жизни мужчины приходит черед этой стадии, он может не знать, как об этом говорить и даже с кем об этом говорить. Для моего коллеги Брайана в последнее время перевернулся весь мир. Он долго жил среди людей, которые полагают, что «любовь к Богу означает служение Богу», а работал он, будучи образованным человеком, в компьютерной фирме. Затем в нем пробудился романтический влюбленный:

Что-то изменилось. Мир не такой, каким казался раньше. Все началось с малого. Более долгий и глубокий вздох, когда я смотрю на горы. Останавливаю машину на обочине, чтобы полюбоваться закатом. Приобщаюсь к прекрасному на фестивале искусств в Санта-Фе. Через несколько недель я начинаю слышать Его шепот: «Я здесь... ты видишь Меня?., хочешь увидеть больше?» Постепенно я расстаюсь с вечной настороженностью. В сердце приходит покой. Глаза мои открываются, чтобы видеть таинственность и красоту Бога. Я начинаю понимать, что Он заботится о моем сердце. Бог обихаживает меня... Он

²⁸ Ср. с Синодальным переводом: «Ты исполнил сердце мое веселием с того времени, как у них хлеб и вино умножились».

добивается меня... Мое стремление к красоте... превращается в стремление ко мне Бога. Тогда я понимаю, что я вижу, и это вызывает у меня рыдания. Бог действует так, как если бы Он был в меня *влюблен*.

Моя подруга по имени Лиза купила кинжал с инкрустированной рукоятью, который назвала «Красота», поскольку ничто не пронзает душу так, как красота. Это было предвестие Божьего замысла обо мне. Он хотел, чтобы меня глубоко пронзила красота. С помощью бесед, ведущихся в присутствии этой доброжелательной женщины, в присутствии прекрасного и праведного Бога мое сердце вернулось ко всем переживаниям, которые были у меня, когда я искал любовь в Еве. Я был потрясен. Бог сказал выросшему мальчишке с разбитым сердцем, что любовь не была им утрачена много лет назад... Любовь не надо искать этим вечером в Лизе... и не надо ее искать там, где я столько трудился, чтобы создать хорошую семью. Я увидел красоту и славу жизни в Боге. Везде, где я искал любовь, везде, где я ее находил, был Он. В Его сердце чувств ко мне было больше, чем я мог себе представить, и я учусь на это опираться. В моем сердце сейчас больше покоя, чем обычно... оно знает, что не все сводится к борьбе... что во многом наша жизнь — любовный роман.

Любящего пробудил великий Влюбленный. На этой стадии в отношениях мужчины с Богом открывается новый простор. Хотя в других сферах Бог остается Отцом и совершает инициацию, тогда, когда в мужчине начинает пробуждаться Любящий, Бог приглашает его к любовной близости с Собой. Это критически важная стадия. Опасность для Воина заключается в том, что его жизнь начинает определяться войной, а это нехорошо для души и неверно по отношению к истории нашей жизни, ведь в ней есть нечто более глубокое, чем война, и это, друзья мои, — любовный роман. Как напоминает нам Честертон, «роман — самое таинственное, что есть в жизни». Наша история — история любви. А если что-то до этого не дотягивает — то это иссушенное до костей христианство. Так, Чамберс призывает нас: «Привыкайте молиться: „Говори, Господи“, и жизнь превратится в любовный роман... в великий любовный роман, в прекрасную возможность все время видеть чудесные вещи».

Влюбленность

После всего сказанного мы можем поговорить о любви к женщине. Мы должны это сделать, ведь Бог сказал, что жизнь мужчины без нее нехороша (см.: Быт. 2:18), так что каким бы мужчиной ни был отчаянным искателем приключений или отважным воином, если в его жизни не отведено место женщине, он не живет той жизнью, которой должен жить мужчина. И в большинстве случаев именно женщина приходит на этой стадии пробудить сердце мужчины.

Часто мужчина поначалу видит не конкретную женщину, хотя смотрит как раз на нее, а видит он Женщину, то есть саму красоту, ее нежность, задушевность, очарование. Во все это он и влюбляется. Но нас всех преследуют какие-то воспоминания о Еве. Я все еще помню ту красивую девочку, которая ходила из школы домой мимо дома моего друга Дэнни. Это было в шестом классе. Мы ее боготворили, каждый день ждали, когда она пройдет мимо нас, хотя даже не знали, как ее зовут. Она нас завораживала, останавливая нашу игру в пятнашки и оставляя нас с мучительным ощущением, имени которого мы тоже не знали. Так все и начинается. Хоббиты на своем пути были захвачены красотой, совершенно для них недостижимой: сердце Фродо пробудила Арвен, а сердце Сэма — Галадриэль.

Но, будем надеяться, юноша разглядит и реальную женщину — не женщину вообще, а совершенно конкретную, сидящую за соседней партой на уроке химии или прогуливающую свою собачку в парке. Они могут встречаться просто как друзья, а потом в один прекрасный день он ее вдруг увидит. Он ее разглядит. Ведь стадия Любящего предполагает такой взгляд, который бывает только у влюбленных. Так начинался наш роман со Стейси. В школе мы учились в одном классе, были приятелями, а потом одним летним днем через год после окончания школы я пробудился для воплощенной в Стейси красоты, впервые по-настоящему ее увидел — и влюбился в нее. И все изменилось, причем не только в наших отношениях, — для меня преобразился весь мир. Я выяснил,

что в восторге от множества разных вещей, потому что всем этим хотел поделиться с ней: особо красивыми местами, песнями, произведениями искусства, которые хотел ей показать, потому что знал, что она увидит в них то же, что и я, и благодаря нашей любви я люблю их еще больше, а поделившись с ней любовью к ним, еще больше люблю ее.

Пробуждение сердца необходимо, чтобы мужчина по-настоящему полюбил женщину. Смотрел на все ее глазами. Что ей нужно от мужчины? Каждая маленькая девочка мечтает о том дне, когда явится ее принц. Возьмем фильмы, которые нравятся женщинам, — герой в них всегда будет *романтическим влюбленным*. Он ее добивается, завоевывает ее сердце, втягивает ее в захватывающие приключения и в любовный роман. И обратите внимание — о чем больше всего сожалеет разочаровавшаяся в браке женщина? Разве не о том, что он больше не добивается ее, не ухаживает за ней? Жизнь свелась к осуществлению функций и решению проблем. Мечтает же она о том, каким вы должны были стать.

Итак, когда речь заходит о любви к женщине, появляется огромное различие между мужчиной в качестве Любящего и мужчиной в качестве потребителя. Не стремится ли он к ней, не жаждет ли он ее потому, что мечтает, чтобы она удовлетворила какие-то его потребности — потребность в самоутверждении (с ней он чувствует себя мужчиной), в жалости, просто в сексе? Такие мужчины, как называет их мой друг Крейг, — потребители. С другой стороны, Любящий стремится идти за ней в бой — хочет ее защищать, хочет сделать ее жизнь лучше, хочет дать ее сердцу все, что только сможет. Для него не обуза приносить ей цветы, слушать музыку, проводить за беседой часы. Коль скоро пробудилась его душа, он стремится понимать, любить и освобождать ее душу.

В сексе различие между Любящим и потребителем наиболее показательно — перечитайте Песнь Песней и задайте себе вопрос: «Похоже ли это на то, что у нас в спальне?» Любящий стремится к «ночи любви» с ней. А потребитель... ладно, есть множество выражений, к которым прибегают такие мужчины, чтобы затащить ее в постель.

Разумеется, стадия Любящего приносит с собой страдания и боль, ведь мы говорим о сердце, а сердце, мы все это знаем, уязвимо как ничто другое. Способно воспрянуть, слава Богу, но уязвимо. Вершины счастья, которые приносит эта стадия, превосходят все остальное, но с ними приходит и возможность горя, настолько же глубокого, насколько высоки были вершины. Именно поэтому мужчина также должен быть Воином, и именно поэтому он должен обрести свою величайшую любовь в Боге.

Раненые

В мужчине никогда не пробудится сердце Любящего, просто не сможет в нем биться, пока он отрицает жизнь сердца, предпочитая оставаться в мире логики и систематизации, в мире, где «рассудок — это всё». Любящий в мужчине ранен (нередко начиная с юности), если он ищет в женщине ту изначальную, основополагающую любовь и подтверждение его мужественности, которые ему должен был обеспечить его отец. Зачастую глубокая рана возникает из-за несчастливой юношеской любви. Рана бывает и из-за слишком раннего сексуального опыта.

Есть много причин, по которым мужчина предаст забвению собственное сердце. Возможно, когда он только пытался войти в этот мир, его стыдил отец, считающий, что искусство, творчество, красота — это все «девчоночья чепуха». И тогда для него жизнь сердца стала источником боли и смущения. Он думает, будто не сможет быть настоящим мужчиной, живя по велению сердца. А возможно, его просто никогда не призывали проникнуть в жизнь собственного сердца.

Но мы должны помнить о грехопадении Адама и о яростной решимости грешных мужчин никогда не попадать в ситуацию, в которой не знаешь, что делать. Рассудок и логический анализ предсказуемы и операционно удобны. Они позволяют нам чувствовать, что у нас все под контролем. Полагаю, именно поэтому многие мужчины здесь и останавливаются. Это безопасно, даже если убивает в вас душу.

Любящий может ожить, хотя бы отчасти, когда мужчина, встретив женщину, влюбляется в нее, когда расцветают его чувства и какое-то время сердце словно живет полной жизнью. Но постепенно все увядает, и ни он, ни она не понимают, почему. Причина же в том, что он остановился в своем развитии, так и не придя к пониманию Бога как великого Любящего Сердца. Ни одна

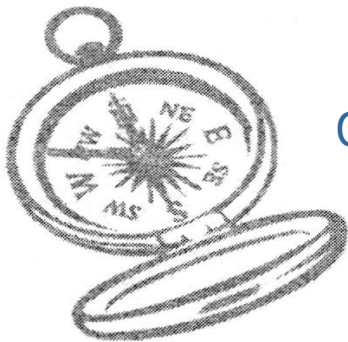
женщина не в силах утолить в мужском сердце эту жажду, а хорошая женщина не станет и пытаться. Если он делает ее центром вселенной, какое-то время это будет очень романтично, но потом все планеты сойдут со своих орбит. И не такая уж это большая любовь. Его сердце пробудится вновь, если он откроет его Богу, и хотя не исключено, что он вернется из своего духовного путешествия лишь через какое-то время, он убедится в том, что ему снова есть что предложить любимой женщине. Что касается поисков подтверждения у женщины своей мужественности, сколь многие из вас могли бы кое-что рассказать об этом? Много лет назад я поймал себя на том, что, выступая перед аудиторией, — а большую часть своей взрослой жизни я делаю это постоянно, — я нередко отыскиваю среди слушателей самую красивую женщину и слежу за ее реакцией, изо всех сил стараясь произвести на нее впечатление. Скорее всего, это не намеренное, а сугубо невротическое поведение, но ощущается оно как... прелюбодеяние. Чем, по сути, и является, ведь я смотрю на этих красавиц, чтобы получить подтверждение своей мужественности. Это еще одна попытка найти ответ на свой главный вопрос. Мой отец оставил меня с огромным вопросительным знаком, начертанным у меня на груди, — мужчина ли я? Есть ли во мне то, что должно быть? Подобно многим мужчинам, я пришел со своим вопросом к женщине, и это принесло вред моему сердцу. Разве способны вы свободно и с внутренней силой предлагать свою любовь, если в своих поисках любви испытываете лишь отчаяние и страх? Даже сейчас, на стадии, на которой многие мужчины уже должны действовать как Цари, они страшатся своих жен, потому что воспринимают их как приговор себе. При этом их чарует экранная красота, позволяя чувствовать себя мужчинами.

Обдумывая те отношения, которые после школы складывались у меня с девушками, я обнаружил в них несколько встревоживший меня стереотип — я всегда выжидал, пока они проявят инициативу. Понимая уже, что мужчина должен вести себя несколько иначе, я недоумевал: «С чего это началось?» Бог вернул меня к моей первой любви, к девочке, которая вскружила мне голову в средней школе. Я отдал ей свое сердце, и она его разбила. Первая рана — самая глубокая, как верно поется в песне. И после этого я действовал наверняка. По правде говоря, я до сих пор действую наверняка, и это наносит Стейси много обид.

И, наконец, среди нас есть те, к кому сексуальный опыт пришел до первой брачной ночи, и я никогда не встречал мужчину, для которого плоды такого опыта не были бы горькими. Вспомните сцену из фильма «Антуан Фишер». Там юного моряка обвиняют в том, что он — гей, потому что он не спит с женщинами, как все остальные. Причина его страха быть с женщинами состояла в том, что мальчиком он пострадал от развратных действий одной из них. Такое делает сердце Любящего ужасно раздвоенным. Как и слишком ранний сексуальный опыт. Годами я был со Стейси очень осторожным Любящим, и это ее задевало. Даже в нашу первую брачную ночь она недоумевала: «Почему ты не хочешь меня со всей страстью?» Из-за этого началось множество внутренних конфликтов, на разрешение которых ушли годы. Моя осторожность имела свои корни. Первый сексуальный опыт был у меня с одной школьницей, и она говорила что-то вроде: «Вот увидишь, это все испортит». Дело обернулось плохо, и что должно было вынести из подобного сердце юного Любящего?

Многие мужчины, которые могли бы ожить в качестве Любящих, чувствуют себя скованными, их сердца давно разбиты из-за какого-то несчастья. Поэтому стоит помолиться:

Отче, Боже, пробуди во мне Любящего. Воодушеви мое сердце. Опекай наш роман. Верни меня к первой в моей жизни истории любви и покажи, где я пал духом. Покажи мне, где я предпочел свою безопасность ожившему сердцу. Покажи, в чем мне необходимо глубоко раскаяться. Исцели во мне сердце Любящего. Пробуди меня.

11 СТАНОВЛЕНИЕ ЛЮБЯЩЕГО

Воспрянь, слава моя!..

Пс. 56:9

Когда речь заходит о пробуждении, исцелении, созревании Любящего в мальчике или взрослом мужчине, у меня почти нет слов. Слишком многое рвется из груди и комом застревает в горле (вообще-то такое состояние типично для этой стадии, это знает всякий мужчина, пытавшийся выразить любовь к женщине либо писать музыку или стихи). Честно говоря, каждая из этих глав заслуживает отдельной книги, но особенно эта — все так близко к моему сердцу, так близко к сердцу Бога. Увы, столь многое нужно сказать. Ведь мы, входя в царство любви, входим в царство тайны, и надежды мы возлагаем на великого Влюбленного, Который добивается от нас взаимности. Я предложу вам, что смогу, успокаивая себя тем, что Господь следует за нами, и наша встреча с Ним будет глубже и своевременнее всего, что мы могли бы сделать сами.

История Любящего в жизни каждого мужчины — это история любви и красоты, романтики и сексуальности. Надо надеяться, именно в таком порядке. Любовь, потом красота, а уж после них романтика и сексуальность. Если вы вспомните и обдумаете историю собственной жизни, вы сможете увидеть, как все это переплетено, а поняв это, также поймете, как все это можно теперь распутать. Когда мальчишка еще растет, величайший дар, который он только может получить, — это узнать, что жизнь его сердца имеет значение, и значение это очень-очень велико. Прежде всего, это побудит его относиться к своему сердцу как к сокровищу, а не погребать его в таких глубинах, что через сорок лет придется производить археологические раскопки, пытаясь узнать, что с ним случилось. Знание того, что жизнь его сердца имеет глубокое значение, также удержит его от попыток прийти к женщине только затем, чтобы узнать, что его можно любить, от попыток, которые предпринимались слишком многими из нас и после которых слишком многие из нас не смогли найти пути назад. Жизнь с раннего возраста в наполненном любовью мире поможет нам любить свободно, когда мы повзрослеем.

Что касается красоты, то когда происходит обращение к прекрасному? Трудно сказать. Полагаю, что оно может не произойти вообще, ведь если мальчишка всю жизнь рос с сердцем Любящего, то какое еще обращение ему нужно? И все же... это бывает так редко, и не по причине ли того сурового факта, что у любви между человеком и Богом или между мужчиной и женщиной есть враг, который вечно пытается убить любовь, сокрушая сердца или заманивая их в ловушки? С другой стороны, мы вступаем на этот путь, веря, что у нас есть добрый, сильный и участливый Отец, достаточно мудрый, чтобы руководить нами на нашем пути, достаточно заботливый, чтобы обеспечить нас всем необходимым, предлагающий нам вместе пройти каждый шаг.

Для данной стадии это означает, что наш великий любящий Отец будет с нами всю жизнь. Мне вспоминаются две истории, обе — на тему красоты в жизни мальчишки, и обе написаны мужчинами, которые стали благородными Любящими. Первую написал Шелдон Ванаукен, вспоминая, как в детстве пробудился для красоты:

И, конечно, красота — красота, которая связала для него воедино корабли, деревья и стихи. Он явственно вспомнил, словно это было каких-то пару дней назад, тот зимний вечер, когда он, еще слишком маленький даже для понимания значения слова «красота», смотрел на изящные росчерки голых черных ветвей на фоне льдисто сверкающих звезд, и вдруг нечто — одновременно мука, томление и восторг — забило в нем, едва его не задушив. Он хотел кому-нибудь об этом рассказать, но не находил слов, онемев от боли

и восхищения. Лишь долгое время спустя он понял, что это было его первое эстетическое переживание. То безымянное нечто, от чего замерло его сердце, называлось Красотой. Даже сейчас «голые ветви среди звезд» остаются для него синонимом красоты.

«Суровость милосердия»

Вторую написал его наставник К. С. Льюис, тоже вспоминающий свое детство:

Однажды в те очень юные дни мой брат принес в нашу комнату крышку от жестянки с печеньем, в которую наложил мха и натянул веточек и цветов, чтобы получился игрушечный сад или лес. Тогда я впервые в жизни увидел красоту. То впечатление, которое не смог на меня произвести реальный сад, произвел игрушечный. Благодаря этому у меня возникло представление о природе — конечно, не как о разнообразии форм и красок, но как о чем-то прохладном, росистом, свежем, цветущем. Не думаю, что в тот момент полученное впечатление показалось мне сколько-то важным, но вскоре в моей памяти оно превратилось в очень важное. Пока я жив, в моем воображении рай сохраняет какие-то черты игрушечного садика моего брата.

«Настигнут радостью»

Я процитировал эти строки, потому что они дают мне надежду на то, что великий Влюбленный в Своем стремлении к нам никогда не забывает о нас — с того времени, когда мы были еще очень маленькими. Были вещи, которые поразили ваше детское сердце, — какой-то вид, книга, картина, и тогда вы могли этого не понимать, но это Бог пробуждал в вас Любящего (кто-то из вас может многое исправить в себе, вернувшись назад ради возрождения своего очерстневшего сердца).

Когда бы я ни вошел в конюшню, особенно в каморку с упряжью, меня сразу пронизывает смутная тоска. Это больше чем ностальгия. Каморка с упряжью на ранчо, где дед держал седла и уздечки, была для меня местом удивительным. Я любил приходить туда один, чтобы войти в прохладную тень, ощутить запах кожи и шерстяных попон, льняного масла, лошадиного пота и пыли. Это говорило мне о романтике, о давно случившихся приключениях и о приключениях, еще ждущих меня. Здесь было что-то от мифа, от «безмерного блаженства» Эдема.

Это томление приходило ко мне и по-другому. В детстве я любил воду — ирригационные каналы, где мы ловили головастиков, тот пруд с сомиками, а в особенности ручьи с замшелыми камнями, «камешками священного ручья». Если склониться над ними очень низко, можно обнаружить целый мир в миниатюре, влажный, завораживающий, таинственный и прекрасный. Мир, который я считал сказочной страной. Хорошо, если вы развиваете в мальчишке творческие способности, а также способность удивляться — эту предшественницу романтики. Блейн любит рисовать, поэтому мы иногда достаем мои акварельные краски и кисти и вместе рисуем. Ваше личное отношение определяет очень многое, ведь ребенок, если увидит, что вы цените творчество и чувства, убедится в том, что вас это в нем восхищает, сможет расцвести. Люк — изумительный танцор, поэтому мы танцуем. Сэм пробует силы в литературе, а общение двух литераторов — это радость, которую не выразить словами.

К искусству меня влекло с самого раннего возраста, особенно к литературе и театру. Моя мать любила Шекспира, и каждое лето, когда мы гостили у ее родителей в Медфорде, штат Орегон, мы ходили на несколько спектаклей шекспировского фестиваля этого штата. Я тоже влюбился — влюбился в эпическое ощущение от его пьес, в особый язык, в сценическое действие со всем этим фехтованием, в то, как пятна света падают на открытую сцену под звездным небом. Сюжеты шекспировских пьес будили во мне тягу к силе и отваге, к благородной любви и доблести. Всем этим я был тогда настолько очарован, что первый свой диплом получил как театральный артист.

Но вернемся в мою взрослую жизнь. Я хотел, чтобы мои сыновья познакомились с тем, что я так любил в детстве и юности, поэтому я устроил им каникулы в Орегоне и заказал билеты на пару спектаклей. Мы посмотрели «Генриха V» — отличную постановку одной из навеки любимых мне пьес — и еще «Гамлета». Я не настаивал на том, что сыновьям это должно понравиться, — я только надеялся на это. Когда мы летели домой, сидевший рядом со мной Люк решил со мной

поговорить: «Пап, знаешь, чем я хочу заниматься, когда вырасту?» Я затаил дыхание — может быть, он решил стать писателем или, скажем, артистом? «Я хочу разбивать лбом консервные банки».

Я был... ошарашен. Я не мог, хоть убей, понять, откуда он такого набрался. Клянусь, я в жизни ничего подобного не демонстрировал своим сыновьям. Я не имел никакого представления о том, где он мог это увидеть. По телевизору, наверное. Все, что я смог тогда выдать, было: «О-о-о. Вот как?» Сейчас, вспоминая это, я смеюсь. Не каждую нашу попытку что-то выпестовать в наших сыновьях незамедлительно ждет успех. На это требуется время, и то, что волнует ваше сердце, может оставить безразличным сердце вашего сына. Поэтому нужно искать то, что его взволнует (позже, прошлым летом, я нашел путь к сердцу Люка на тех ручьях с пятнистой форелью).

Юноша

Когда мальчишка становится подростком, у него с большой силой может вырваться наружу глубинное стремление быть Любящим. Назвать эту жажду он не умеет, но она почти всегда как-то связана с красотой. Мне вспоминается, как что-то подобное пробуждалось в моем сердце в мое последнее лето на дедовом ранчо. По вечерам я сидел на холмах, созерцая долину, в которой находилось это ранчо, и слушая рев взбирающегося по дальнему склону локомотива. Это наполняло томлением мое сердце, и будь у меня тогда духовный наставник, который знал бы, какие духовные дары предвещает такое томление, я мог бы прийти к Богу. А так я все это связывал с одной красивой фермерской дочкой, которая работала в закусочной быстрого обслуживания.

Иногда при появлении у молодого человека такого сердечного томления его тянет к музыке или литературе, чтобы ими наслаждаться, а то и творить самому. Царь Давид, еще как юный Любящий, на безлюдных просторах сочинял посвященные Богу гимны и стихи в те вечера, когда трепет охватывал его сердце. Еще одно напоминание о том, что юноше лучше быть в это время Ковбоем, обитать на диких просторах, переживать эпические приключения, иначе вся его тяга к романтике упрется в какую-нибудь девушку, потому что эта девушка покажется ему единственным приключением в его жизни.

Подростком я обожал пустынные места. Мы с друзьями начали ездить на выходные в национальный парк «Джошуа Три» на юге Калифорнии, чтобы ставить палатку, лазать по скалам, а потом трапезничать. Но я возвращался туда и позже из-за красоты, которую видел там. Я часами бродил по дну пересохших рек, склонялся над следами ящериц и черепах и вставал на четвереньки, чтобы понюхать, как пахнет цветок кактуса. Этот широкий простор, эта аскетичная красота в абсолютном уединении превращали для меня тот ландшафт, как называли бы это кельты, в «тонкое место», где почти соединяются небо и земля. Присутствие Бога было для меня там более чем ощутимо. И конечно, там были горы, в то время для меня недостижимые и из-за этого, наверное, вызывающие во мне еще более «утонченное» томление.

Недавно Бог даровал мне момент, словно взятый из фильма «Найти Форрестера». Это было пару месяцев назад, когда Сэм попросил меня помочь ему с домашним заданием по литературе. Ему нужно было написать эссе о каком-нибудь стихотворении, оценив его тематику и композицию. Я предложил ему взять «Огонь и лед» Роберта Фроста. Во время обсуждения этих стихов Сэм обратил внимание на их ритм и начал понимать, как их композиция согласуется с их темой. «Что ты здесь отметишь?» — «Ну... это коротко». — «Правильно, а как ты думаешь, почему так?» — «Может быть, потому, что он считает, будто конец света будет стремительным — ну, внезапным что ли». — «Прекрасно. Что ты еще заметил?» Пока мы говорили — старый литератор с юным, — я раскрывал, что у него на сердце. Позже на неделе Сэм рассказал мне, что на уроке его вызвали прокомментировать еще одно стихотворение, и он первым в классе понял, как его композиция согласуется с его темой.

Сегодня утром я встал рано, вместе с сыновьями, чтобы помолиться с ними перед школой. Я сидел в гостиной спиной к востоку, когда Блейн сказал: «Пап, смотри, какой восход солнца!» Восход выглядел так, словно по небу разгребли угли костра, — красно-оранжевые всполохи среди горящих облаков. Я был счастлив, что на красоту этого зрелища обратил мое внимание один из моих сыновей. Хочется думать, что это естественный результат моих многолетних усилий обращать их внимание на красоту. Помните, то внимание, которое вы уделяете красоте, говорит мальчишке и

юноше больше, чем многие тома книг. Мы останавливаем машину, чтобы посмотреть на табун лошадей на лугу. «О, — говорю я. — Это же так красиво!» Стейси может разбудить нас в три часа ночи, чтобы мы полежали на лужайке перед домом и полюбовались метеоритным дождем. «Красота, правда?» Так мальчики понимают, что на прекрасное стоит обращать внимание. Я подписан на несколько журналов по искусству, и время от времени, просматривая их вечерами, я показываю сыновьям репродукции картин, которые считаю исключительно хорошими, и картин, которые считаю исключительно плохими. Целый курс искусствоведения, но они ничуть не чувствуют себя измученными учебой.

Поговорите о вашем любовном романе с Богом. Хотя я убедился в том, что нужно быть уже юношей, а может быть, и молодым человеком лет двадцати с лишним, чтобы начать ощущать Бога как Любящего, вы можете подготовить почву, рассказывая своим сыновьям о любви к вам Бога. Заинтересуйте их этим.

Что касается девушек, то лучший ваш дар молодому человеку — показать, как вы любите свою жену. Дорогие подарки, музыка, романтические путешествия для вас двоих. Глядя, как вы за ней ухаживаете, он ухватит суть. Видеть вашу любовь — это гораздо сильнее, чем любые другие уроки. Одна иллюстрация лучше тысячи слов. Важно, чтобы дети видели физические проявления вашей любви — как вы целуетесь и обнимаетесь дома на диване и держитесь за руки на людях. Ах, конечно, они скажут, что «шокированы» вашим поведением, что вам нужно делать это «в другом месте». Но они будут смотреть на вас и учиться. Я не могу вспомнить ни одного раза, когда мои мама и папа поцеловались. Или хотя бы подержались за руки. У меня не было такого примера перед глазами, и я обучался методом проб и ошибок с преобладанием ошибок.

Научите своего сына любить душу, чувствовать душу девушки. Это не может прийти в пору взросления. Это начинается раньше, когда в вашей семье естественным образом ведутся задушевные беседы, когда вы открываете друг другу, что у кого на душе. Указывайте на красоту в фильмах и книгах (и ближайших окрестностях), которая не всегда находит отклик в душах подростков. Научите его тому, что «миловидность обманчива и [чисто внешняя] красота суетна...» (Притч. 31:30). Как поет группа «Eagles» (а я частенько пою с сыновьями),

Парень, не трогай даму бубен —
Она твою карту побьет.
Лучше ставь на даму червей —
С ней тебе повезет.

Научите его, как добиваться женщины. Мне нравится итальянский фильм «Почтальон». Это история молодого человека, который становится чем-то вроде ученика у знаменитого поэта Пабло Неруды. Тот учит прежде всего любить красоту в музыке и природе, а потом в стихах. Далее он учит, как добиться любви самой красивой в городе женщины, написав ей стихи. А ее мать приводит свою дочь к священнику в полной уверенности в том, что в мире творится нечто совершенно ужасное, раз уж дошло до того, что ее дочери посвящают стихи. «Метафоры! — взывает она к священнику. — Метафоры!» Пусть ваш сын тоже учится писать девушкам стихи. Я учу своих сыновей тому, как звонить девочкам по телефону, сколько радости может принести им подброшенная в ранец записка, как и когда дарить им цветы. Поскольку о делах сердечных мы дома говорим все время, мои сыновья знают, как разговаривать с девушками один на один.

И что меня удивляет больше всего — насколько уверенно они себя чувствуют в отношениях с противоположным полом и все же к нему почти... безразличны. О, да, они замечают девушек. Замечают. И катастрофа-другая у них была. Но после катастрофы они могут неделю, а то и две о девушках даже не вспоминать. У них в жизни много разнообразных интересов. Когда я был в их возрасте, девушки составляли для меня всё. Мой мир вращался вокруг девушек, и как они относились ко мне, так и я сам относился к себе. Поскольку мои сыновья живут в мире родительской любви и подтвержденной мужчинами мужественности, им не нужно искать этого у девушек. Из-за чего они, конечно, становятся для знакомых девчонок только интереснее. (Просьба:

не присылайте им фотографии своих дочерей — с этими юными жеребцами на руках мне и так хватает забот.)

Мужчина как Любящий

Как я уже пояснял, Любящим становятся примерно в возрасте Воина (эти стадии накладываются друг на друга), и позвольте добавить, что остаются им до конца жизни, потому что Царь должен быть Любящим, как должен он быть и Воином, а Мудрец остается Любящим еще долго после того, как предоставит право сражаться в битвах мужчинам моложе себя. Таким образом, то, что мы закладываем в себя на этой стадии, будет развиваться в нас всю жизнь. Мы открываем дверь, которую уже никогда не закроем. И снова, прежде чем говорить о любви к женщине, мы обратимся к роману с Богом.

Как Он за вами ухаживает? Что из года в год волнует ваше сердце? Помните ту историю, которую я рассказал вам о мозаике из камней на дне ручья и камешке в форме сердца? Бог начал дарить мне такие сердечки уже очень-очень давно. Это одна из наших маленьких тайн. Вчера Он снова прислал мне камешек в форме сердечка как напоминание о Своей любви. А когда я сегодня рано утром молился, я выглянул в окно и увидел облако в форме сердца. У Бога много таких даров для вас и только для вас, и теперь, когда вы будете следить за этой стадией становления Любящего, имея глаза, чтобы увидеть, как разворачивается роман, вы тоже начнете их различать.

Мы не можем контролировать действия великого Влюбленного, но, оценивая происходящее, мы можем занять определенную позицию. На этой стадии появляется такая душевная открытость, которая позволит нам разглядеть и принять Его ухаживания. Так разрешите же мне вас спросить — готовы ли вы отказаться от своей потребности контролировать ситуацию, то есть готовы ли вы обратиться к жизни, которая лежит вне царства логического анализа, допустить, чтобы в вашу жизнь вошло что-то непрактичное, прекратить оценивать все с точки зрения утилитарности? Прислушиваясь к своему сердцу, готовы ли вы дать страсти овладеть вами, хотя она, безусловно, может выбить вас из колеи? Готовы ли вы к исцелению своих глубочайших ран? Готовы ли вы вдруг оказаться пронзенным, словно рапирой, самой красотой? Готовы ли вы к страданиям?

Если да, готовы, мы можем продолжать разговор.

Чтобы начать воспринимать жизнь как любовный роман, мы должны замедлить бег, иначе мы не заметим ухаживаний. Выключите новости и включите какую-нибудь музыку. Сходите на прогулку. Нарисуйте картину, напишите или прочитайте стихи. Еще лучше, вспомните, что из года в год волновало ваше сердце? *Идите и начните все сначала.*

Это трудно сделать, особенно мужчинам, которые заняты завоеванием мира. Но вспомним, что именно враг рода человеческого делает с хорошим воином, если не может отвлечь его от битвы? Он «засыпает» его грудой битв. Изнуряет его одним сражением за другим. Но жизнь — не только битвы. В центре ее всегда любовь. Еще раз послушаем Давида:

Если ополчится против меня полк,
не убоится сердце мое;
если восстанет на меня война,
и тогда буду надеяться.
Одного просил я у Господа,
того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем
во все дни жизни моей,
созерцать красоту Господню...

Пс. 26:3-4

Давид знал войны и знал, что Бог его не оставит. Этого он не боялся. Он был уверен в себе, как может быть уверен в себе закаленный воин. Но не в этом заключалось его сердечное желание. Он искал не сражений — он искал Божьей любви. «...Созерцать красоту Господню...» Недавно я прочел два церковных гимна, которые помогли мне взглянуть на вещи иначе, — «Красота Господня» Джареда Андерсона и «Прекрасный» Тима Хьюза. Мы должны помнить: битвы нужны ради любви.

Сражаемся мы за свободу и за исцеление, которые позволят нам вступить в те отношения с Богом, для которых мы были созданы, чтобы утолять жажду из потока Его сладостей (см.: Пс. 35:9).

Однажды мой друг Дейвид спросил меня о поисках красоты Бога. «Думаю, я на 99% воспринимаю Бога как мужчину, — сказал он. — И мне это как-то обидно. Я имею в виду, что так мне не найти милосердия или нежности. Или красоты». Дейвид живет неужемно, как и многие из нас. Сейчас он чувствует опустошение. Если человек не находит жизни в Боге, он будет томим жаждой, а известно, какие глупые ошибки совершают томимые жаждой люди. Вспомним мысль Бюхнера о той девушке на Бермудах и обо всей красоте, по которой он тосковал, помимо красоты этой девушки. О, как нам нужно понять, что есть красота, по которой мы тоскуем, взывающая к нам через красоту той женщины, которой мы очарованы. Она — не сама красота, а лишь ее посланница. Если мы никогда не будем смотреть шире, мы будем тщетно пытаться всю красоту увидеть только в ней, причиняя самим себе и этой женщине множество страданий.

Но найти ее в Боге, переживать с Богом то, предвестницей чего Он дал нам Еву, — именно об этом думает Давид, когда говорит: «...милость Твоя лучше, нежели жизнь» (Пс. 62:4).

Исцеление сердца Любящего

За последние пятнадцать лет я пережил историю раскаяния, очищения, укрепления и исцеления сердца Любящего. Я хотел быть сильным ради Стейси — без страха пройти инициацию и безраздельно отдать ей свое сердце. Однако я — как бы это сказать? — чувствовал с ней себя неуверенно, иногда пребывал в нерешительности, по временам даже чего-то боялся. Что касается сферы чувств, я начал понимать, что мое сердце словно омертвело в ту пору, когда девушки, которых я любил, рвали со мной отношения, и что мне нужно исцелить, оживить его. Прошлой весной я был в служебной командировке, и все это опять всплыло: я чувствовал себя таким уязвимым среди множества окружавших меня красивых женщин. Мое некогда разбитое сердце исходило криком о необходимости исцеления.

Бог это сделает. Он действительно пришлет в вашу жизнь женщину, которая усилит ваши томления, боль ваших ран, даже ваши страхи, чтобы вернуть вас к ним. *И тогда Он сможет вас исцелить.* Но исцеления не произойдет, если не будут затронуты те самые уголки вашего сердца, которым была нанесена рана, в которых произошла капитуляция. Пусть это выглядит опасным, так оно и есть, но такая хирургия необходима, и пока человек не получит исцеления, он будет все более и более уязвим для греха. Поэтому Бог сделает то, что нужно сделать, чтобы дойти до глубин наших сердец. Помните женщину в отеле, ужасно похожую на девушку, которую я любил в школе? Ведь это Он сделал так, чтобы я увидел ее и смог подойти к тому, что погребено на дне моего сердца.

Теперь я знаю — красота опасна. Особенно Красота с большой буквы. Как предупреждал Достоевский, «красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Под людьми он, возможно, имел в виду весь человеческий род, но, как мы с вами знаем, эта битва становится страшной именно в сердцах мужчин. И говорить не надо, что в их сердцах есть нечто, что делает их уязвимыми перед красотой. Любой мужчина об этом знает, знает о завораживающей притягательности женских форм. Я буду листать какой-нибудь журнал, и — стоп! — вдруг снова пойму: красота существует и что-то возбуждает в моем сердце. Уязвимость — просто не то слово. Пожалуй, слово «беспомощность» подведет нас чуть ближе к сути происходящего.

Веками мужчины реагировали на красоту двумя основными способами — либо капитуляцией перед ней, либо самодисциплиной. Капитуляция может быть скрытой, например когда мы поддаемся, позволяем себе наслаждаться красотой, хотя она и не наша. Задерживаем взгляд, открываем ей свое сердце. Она может быть вульгарной, когда мы мастурбируем, глядя на фотографию или просматривая видеофильм, когда уступаем искусству случайной связи. Вред от этого ужасен, и поэтому многие хорошие люди выбирают самодисциплину. Заставьте себя отвернуться, займитесь другим делом, стисните зубы. Это безусловно лучше, чем капитуляция. Иосиф с риском для жизни отказался от жены Потифара, и это было правильное решение. Но самодисциплина без исцеления со временем перестает действовать, а это может принести большой вред нашему

сердцу, которое начинает восприниматься как враг, и мы готовы на все, лишь бы его убить и тем самым предотвратить несчастье.

Есть другой путь — путь праведности и исцеления. Он связан с тем, что мы делаем в *тот самый момент*, когда наше сердце взволновано красотой. Бог и дьявол вели битву за мое сердце в той поездке, о которой я упоминал, и вот что я написал в своем дневнике:

О, милосердный Боже, приди ко мне в этот уголок моего сердца. Я отдаю его Тебе. Я предпочитаю Тебя Еве. Я выбираю Твою любовь, и дружбу, и красоту. Я отдаю Тебе мое страдающее, томящееся и уязвимое сердце. Приди и исцели меня. Освяти меня. Сделай меня цельным и праведным.

Я молился так снова и снова, ночью и днем. «Цельным и праведным». Именно это нам и нужно. Что касается эмоциональных проблем, может быть, полезно себя спросить: «Какие девушки разбили мое сердце?» и «Что мне теперь делать?» Я потратил некоторое время, оглядываясь назад и разбираясь с этим в своем дневнике. Я даже пошел и разыскал школьный альбом Стейси (в начале средней школы мы учились вместе), чтобы снова прочесть то, что мне написала Дебби, увидеть ее лицо и понять, что творится в этом уголке моего сердца, и в этот момент, стоя в подвале нашего дома, попросить Христа дать мне исцеление. Некоторые из вас до сих пор сохранили эмоциональную связь с женщиной, которую знали много лет назад. Вы должны дать ей уйти — вместе со всеми фотографиями, письмами, любыми напоминаниями, за которые вы все еще держитесь. Для кого-то из вас могут оказаться полезными психологические консультации. Но не нужно приносить в расставание цинизм и апатию. Доверьте эту рану в своем сердце Богу, попросите Его дать вам праведность и исцеление.

Далее, существуют вопросы секса — это вопросы праведности в сексуальной сфере. Я шаг за шагом вернулся в прошлое и исповедался перед Богом в своих многочисленных грехах в отношениях с девушками — как я вступал с ними в интимную близость, не имея на это прав. В исповеди иногда приходится быть очень конкретным, чтобы вернуться в прошлое и досконально вспомнить те события, чтобы найти облегчение, к которому мы стремимся, чтобы каждый наш грех был очищен кровью Христа, чтобы стала праведной наша сексуальная жизнь. Мы ставим Христов крест между нами и каждой женщиной, с которой у нас когда-либо была эмоциональная или сексуальная связь (см.: Гал. 6:14). Сюда может относиться «виртуальный секс», увлечение порнографической продукцией и любой грех в сексуальной сфере. И, братья мои, если у вас сейчас есть эмоциональные или физические отношения с женщиной, не являющейся вашей женой, вы должны уйти. Вы должны уйти. Никаких отговорок, никаких оправданий. Вы не обретете праведность и исцеление, пока не уйдете.

Я также обнаружил, что иногда мне необходимо молиться вместе со Стейси, и все годы нашей любви я призываю Христа освятить наше супружеское ложе и исцелить ее и мою сексуальность. Иногда я молюсь один, иногда со Стейси. Это очень помогает.

Может наступить момент, когда на нашем пути встретится красивая женщина, реальная или в виде какого-то образа, и наше сердце встрепенется. Очень важно, что мы сделаем в этот момент. Мы не поддадимся этому соблазну, но мы не будем и убивать свое желание. Мы доверимся Христу. Именно Ему мы отдадим этот уголок своего сердца. Взволнованные красотой, этот уголок сердца мы отдадим Богу. Для этого потребуется некоторое время и много попыток. Мы так часто отдавали свое сердце женщине, что нам придется не один раз с помощью Бога пытаться исправить свои ошибки. Опять? Да, опять, опять и опять. Именно так мы исцеляемся, и именно так мы становимся цельными и праведными.

И, наконец, мы должны открыть свои сердца всем тем путям, которыми Бог приносит в нашу жизнь красоту. Красоту цветущего сада или лунных бликов на воде, красоту музыки или поэзии. Наши души жаждут красоты, и если мы ее не найдем, они зачахнут.

Любовь к женщине

Хочется думать, что к этому моменту, получив некоторый опыт на данной и предыдущих стадиях, сердце мужчины оживило, пробудилось. Теперь можно надеяться на то, что он станет страстным любителем прекрасного, к которому обращается великий Влюбленный. Любовь, красота, романтика, сексуальность. Как представляется, когда все это занимает свое место в жизни мужчины и его сердце становится цельным и праведным, у него вполне естественно возникает любовь к женщине. Без этих условий его любовь к женщине будет похожа на попытки одноногого человека брать уроки танцев. В конце концов какой-то танец получится, но зрелище будет не из приятных. Мужчина, разлученный со своим сердцем, может попытаться «правильно» ухаживать за женщиной — валентинки, цветы, романтический вечер, — но ему будет не хватать подлинной страсти, и ей это не понравится. Сами по себе правильные шаги еще не создают Любящего.

Для вас может быть очень полезно кое-что узнать о сердце женщины. Если у вас есть дочери, понаблюдайте за ними. О чем они мечтают? К чему стремятся? Посмотрите фильмы, которые нравятся вашей жене или подруге, — это вам поможет. Меня пришлось силком затаскивать на «Давайте потанцуем», но я стал смотреть этот фильм, и он мне понравился. Чудесный урок романтики! Читайте книгу «Пленительная красота», которую написали мы со Стейси, чтобы помочь раскрыться красоте женского сердца, объяснить, какие у женщины раны и как за ней ухаживает Бог. Если вы собираетесь в путешествие по незнакомой стране, вы, наверное, захотите что-то о ней узнать, прежде чем отправиться в путь, не так ли?

Теперь несколько слов в качестве предостережения.

Любовь к женщине окажется для вас величайшим испытанием и, вероятно, вашей величайшей битвой. Не могу даже представить таких юношу и девушку, с которыми я познакомился бы в начале их семейной жизни и которым бы не пришлось обнаружить, что они ведут друг с другом неожиданную и зачастую жестокую войну. И это хорошие люди, образованная молодежь, которая любит Бога. А все дело в том, что сердце девушки часто оказывается раненым. Как правило, эта ее боль остается скрытой до помолвки или до заключения брака, а потом — раз! — и выходит наружу. Почему так? Вы могли бы подумать, что теперь, когда в ее жизни все надежно, когда она знает, что любима, она в лучшем положении. Но дело в том, что как раз теперь, когда она любима, ее душа может отказаться от обычного для нее утаивания наболевшего. До того как ее начали добиваться и за ней ухаживать, она боялась, что если она, ничего не скрывая, просто будет собой, то не пленит ни одного мужчину. Теперь, когда она любима, на первый план выходит ее сердце, а с ним и все его печали.

Вот в этот-то момент и возникают возможности исцеления ее сердца, если молодой муж действует правильно. Не сходите с ума, если у вас не все получается. Никто не выносит вам как мужчине приговор (свою жизнь и подтверждение своей мужественности надо искать в Боге — держитесь этого!). Научитесь за нее молиться — тихими ласковыми словами, когда вы с ней рядом, и горячо и неистово, когда вы один в кладовке. Ради вашей жены вам необходимо победить зло — тех бесов, которые нападали на нее еще в юности. Возможно, ей понадобятся психологические консультации. Ей, безусловно, нужны подруги и нужно учиться тому, как стать ближе к Богу. Держитесь этого — и вам обоим станет лучше. Это на самом деле так.

Вот одна вещь, которую я заметил за многие годы консультирования супружеских пар. Враг рода человеческого приходит очень рано — иногда уже в медовый месяц — и пытается что-то украсть или посеять что-то вредное: семена сомнения, ложь. Не такова ли история Адама и Евы? Мы не знаем, как много времени прошло до того момента, когда они стали мужем и женой, но как только Книга Бытие сообщает об их союзе, уже в следующем стихе появляется змей. Вспомните, какие «откровения» были получены вами в вашу первую брачную ночь? Один мужчина признался мне: «Я чувствовал, что совершаю большую ошибку. Я даже слышал: „В этом нет Бога"». А его молодая жена сказала мне: «Я почувствовала, что разочаровала его. Я в этом уверена». Такие семена с годами приносят много вреда.

Теперь еще один вопрос. Чем яснее мужчина осознаёт, что он *мужчина*, тем лучше он начинает понимать, что ищет в женщине. Но, поняв это, он может почувствовать, что выбранная им еще в юности жена — не та женщина, которую он искал бы сейчас. Когда-то давно он на ней женился,

возможно, из-за схожести их сердечных ран, или, может быть, даже из чувства вины перед ней. Теперь он начинает оживать, а она, возможно, еще нет, и что ему делать?

Учиться любить.

Не величайшее ли это наше призвание в жизни — учиться любить? И позвольте мне со всей определенностью вам сказать: в ваших руках сердце красивой женщины, и ваша сила способна помочь ему стать свободным. На это уйдет время, в течение которого вас ждут жестокие искушения красотой других женщин, больше похожих на ваш идеал, но таковы испытания, которые должен пройти мужчина. Каким мужчиной вы хотите быть? Весь вопрос в этом — а не в том, получится ли у вас «раскрепостить» ее душу или можно ли назвать этот роман романом вашей мечты. Подобные вопросы в какой-то момент могут вас подкосить. Правильный вопрос такой: «Каким мужчиной я хочу быть?» Так каким мужчиной вы хотите быть? Вспомните, что я говорил, — какое средство Бог чаще всего применяет, чтобы сделать из вас настоящего мужчину?

Преодоление трудностей.

Любить женщину, когда в нее влюблен, легко. Конечно, иногда получается неуклюже, ведь нужно многому научиться, чтобы стать Любящим. Когда вы влюблены, вы готовы этому учиться. Но наше развитие как Любящих происходит тогда, когда в наших отношениях с женщинами вообще не видно никакой романтики (а что так бывает очень часто, вы знаете сами). Долгие годы нашего брака Стейси боролась с избыточным весом. Как и многие жены. Вас ждут времена, когда естественного обаяния, которое муж хочет видеть в своей жене, вы не увидите. Что вы тогда сделаете?

Однажды вечером я пошел в китайский ресторан и, честно говоря, не знал, захочу ли вернуться домой. Мы со Стейси поссорились, и, позвольте вас заверить, то сражение было достаточно ожесточенным, со злостью, готовностью идти на разрыв и всем остальным. Я вернулся. Мы включили телевизор (показывали «Храброе сердце» — фильм, который мы оба любим), и когда дело дошло до сцены, где двое влюбленных дают в лесу брачный обет, я выключил телевизор и стал целовать жену. Она ответила на поцелуи. Это была любовь, и мы оба выбрали ее, движимые каким-то более глубоким чувством, которое родилось в конфликте. Два сердца, идущие на остро ощущаемый ими риск, чтобы научиться любить.

Понимаете, красота находится здесь. Она здесь. Настоящий Любящий влюблен в душу женщины, а не только в ее тело. А душа ее прекрасна, что бы в ней ни происходило. Красота здесь. И год за годом вкушать плоды своей силы, мужественности и постоянства, когда ваша жена движется к исцелению и свободе, которую предопределил для нее Бог, — о, это поистине сладкие плоды! Я не знаю ничего слаще.

Поэтому позвольте мне дать вам небольшой совет, который я получил от одного мудреца, когда мы со Стейси только-только поженились. Я не слишком вслушивался, что он еще пытался мне сказать, но запомнил одно: «Старайся превзойти Бога в благословении ее». То есть старайся превзойти великого Влюбленного в поисках возможностей одаривать своей любовью свою жену. Покупай ей без всякой причины, не по особым случаям драгоценности (но по особым случаям тоже). Придумывай романтические путешествия для вас двоих на выходные туда, где ей точно должно понравиться (надо думать, не на охоту — я говорю об отелях «Ritz Carlton» или о чем-то подобном). Отпусти ее что-нибудь отпраздновать с подругами и оплати счет. Не требуй от нее готовить ужин, если она устала, — просто сходите в какой-нибудь ресторан. Дари ей цветы. Вместе ходите в кино. Не уверен, что за двадцать три года я смог превзойти Бога в благословении Стейси, но Он всегда одаривал меня еще большими благословениями.

Я говорю это потому, что в жизни других супружеских пар наблюдаю нечто тревожное, чего никак не могу понять. Взаимоотношения типа «ты мне, я тебе», когда каждый из супругов словно бы ведет счет. «Ладно, она это получит, а что взамен получу я?» На годовщину свадьбы она получила дорогое кольцо, поэтому он считает, что теперь вправе сходить с приятелями на бейсбольный матч. Он был на охоте, и теперь она ждет от него романтического путешествия. Что за ужасное отношение к любви — эти взаимные подсчеты! Не пытайтесь от нее откупиться (или добиться секса). Сердце Любящего стремится просто любить без всяких мыслей о вознаграждении. А награда будет, когда сердце любимой исполнится благодарности. Не потому, что кто-то кому-то

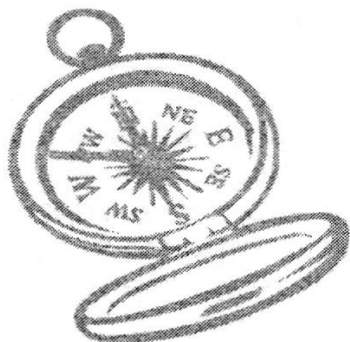
что-то должен, а просто потому, что ее сердце значит для вас больше и ваше сердце значит для нее больше, чем все блага на свете вместе взятые. Именно о такой любви я и говорю.

Научиться любить и быть любимым, научиться романтике — вот в чем заключается суть этой стадии. Не обязанности. Не самодисциплина. Но пробуждение наших сердец для красоты и Божьей любви. В то же самое время (мы не можем оставлять это на потом) мы отдаем и наши сердца — Богу, нашим женщинам, нашим сыновьям и дочерям, нашим ближним. В конце концов, это история любви. Как сказал Уильям Блейк,

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес²⁹.

Или, говоря словами Павла, «...подражайте Богу... и живите в любви...» (Еф. 5:1-2). Он — великий Любящий, и вы тоже должны стать таким.

Отец, мне так многому нужно научиться. Научи меня быть Любящим. Открой очи моего сердца, чтобы я увидел, как Ты даришь мне Свою любовь. Напомни мне, что пробудило мое сердце, когда я был юн. Покажи мне, как Ты по сей день ухаживаешь за мной. Я отдаю свое сердце Тебе. Исцели во мне раненое сердце Любящего. Прости мне все мои грехи и ошибки. Веди меня к глубокому раскаянию и возрождению. Научи меня любить всем сердцем.

12 ЦАРЬ

Небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим.

Пс. 113:24

Мысленно представьте себе великого воина, прославленного ратоборца, вернувшегося домой из дальних стран. Его слава намного его обогнала, и теперь молва о его подвигах подтверждается шрамами — более благородными свидетельствами полученных ран, чем любые знаки отличия. С достоинством он вступает на главную улицу города, смотрит на лица стоящих по обе ее стороны людей — тех самых людей, за кого он отважно сражался, чью свободу отстаивал. Воин вернулся после долгих лет, проведенных на полях сражений, вернулся только тогда, когда была одержана победа, и ни мгновением раньше. Это его возвращение на родину, и возвращается он как герой, как победитель. Перед ним в начале улицы стоит царь, его отец. Это сцена одновременно возвращения на родину и коронации, ибо царь-отец теперь передаст свое царство сыну.

Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасать».

Ис. 63:1

²⁹ «Черный мальчик» в переводе С. Маршака.

...Совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную [престола] величия на высоте... <...> А о Сыне [сказано]: «престол Твой, Боже, в век века...»

Евр. 1:3, 8

Это могла быть сцена из жизни Давида, ведь он взошел на престол после того, как показал себя великим воином. Но я, конечно, говорил об Иисусе, и хотя все это совершенно верно — и библейски, и исторически, — я опасуюсь, что от нас может ускользнуть величие момента. Мало кто из нас жил при монархии, под властью царя. Еще меньше тех, кто знаком хоть с одним монархом. Сцена коронации Арагорна из «Возвращения короля» поможет нам понять, как выглядит великий царь:

Когда же ясным утром солнце встало над восточными горами, на которых больше не лежала тень, зазвонили все колокола, развернулись и затрепетали на ветру знамена. <...> Капитаны запада повели свои войска к городу, и народ видел, как они приближаются линия за линией, сверкая и блестя в солнечных лучах. <...> ...И с каждой стороны ворот толпился народ в разноцветных одеждах и с охапками цветов.

Перед стенами Минас Тирита образовалось обширное пространство, ограниченное со всех сторон рыцарями и солдатами Гондора и Рохана и жителями города и других областей земли. Наступила тишина. И вот из войска вышли вперед дунаданцы в серебряном и сером, а перед ними медленно шел лорд Арагорн. Он был одет в черную кольчугу, отделанную серебром и в длинный снежно-белый плащ с наколотым вверху большим зеленым камнем. Голова его была обнажена, лишь на лбу горела звезда, привязанная тонкой серебряной нитью. <...>

Вперед выступил Фродо, взял корону у Фарамира и передал ее Гэндальфу; Арагорн склонил колени, и Гэндальф надел корону ему на голову и сказал:
— Наступают дни короля. Да будут они благословенны, пока стоят троны Балара!

И когда Арагорн встал, все с удивлением и в молчании смотрели на него, как будто увидели впервые. Высокий, как морские короли древности, стоял он над всеми: древним казался он и в то же время в расцвете мужества; мудрость сияла у него во лбу, сила и исцеление были в его руках, и свет исходил от него.

Дж. Р. Р. Толкиен, «Возвращение короля»

Иисус провел дни Своего детства как Возлюбленный Сын — в безмятежности отцовского дома. Юношей Он вырос, работая плотником и проводя время в пустыне. А потом Он вступил в войну и, как великий Воин, спас Свой народ от гибели, повергнув в прах князя тьмы и освободив пленных. Как Любящий Он ухаживал за Своей Невестой и покори ее сердце. А теперь Он властвует как Царь. Такова последовательность событий Его жизни, и у нас она такая же.

Рожденные царствовать

Сейчас мы в определенном смысле слова приближаемся к цели на пути возмужания — к той зрелости, для достижения которой Бог отечески наставляет человека с его первого вдоха, чтобы он во имя Бога обрел свою власть, свое могущество и свое достояние, чтобы он стал Царем. Это настолько же великое и благородное дело, насколько и трудное, и из истории человечества это совершенно ясно видно.

Причина многих наших несчастий на земле в наше время состоит в том, что мы утратили своих Царей. Да, мы видим людей у власти, но это не истинные Цари. Они взошли на престол не через инициацию, и в их груди не бьется сердце Царя. А это на самом деле опасная ситуация, когда Царем

становится человек, не подходящий для царствования. Из-за этого разрушились многие царства — империи, семьи, браки, церкви, служения, предприятия.

Павел говорит, что все творение томится по откровению сынов Божьих (см.: Рим. 8:19-21), ведь нам было предназначено владычествовать на земле, и этот мир будет для нас мукой, пока мы, Божьи сыны, не станем полностью такими, какими нам предназначено быть, — лишь тогда мы, будучи сполна благословлены, начнем владычествовать на земле. Мы должны раскрыть в себе Царя. Именно для этого Бог создал мужчину. Первому мужчине, Адаму, земля была отдана в *обладание и владычество* (см.: Быт. 1:28), и он должен был стать основателем царской династии. «Небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим» (Пс. 113:24). Но Адам через свой грех отрекся от престола, и поэтому для восстановления прерванной линии царской родословной был послан другой Человек. Иисус тоже был рожден Царем, и Ему было предопределено владычествовать, как о том сказал Марии ангел: «...даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1:32-33). И там, где Адам потерпел поражение, восторжествовал Иисус. Сейчас, разумеется, Он — Владыка неба и земли. Сын Божий, восседающий на престоле Отца. Вы, братья мои, принадлежите к этой же благородной ветви. Вы — искупленные дети Адама, ныне — дети Божьи (см.: 1 Ин. 3:1-2). Вы были рождены, чтобы властвовать, *и вы были искуплены, чтобы властвовать*. Вам предначертано стать Царями. «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. <...> ...И Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство...» (Лк. 12:32; 22:29). Иисус искупает Своих братьев, чтобы разделить с ними Свой престол, чтобы они владычествовали во имя Его.

В качестве первого из двух примеров рассмотрим притчу о минах. Некий человек отправляется в дальнюю страну, чтобы получить царство. Он назначает служителей, чтобы те позаботились о его имени, пока он в отъезде. По возвращении он награждает тех, кто хорошо в его отсутствие правил, и дает им еще больше власти: «...возьми в управление десять городов» (Лк. 19:17). Таков же смысл притчи об овцах и козлах. Овцы — это верные, и наградой каждому из них будет собственное царство. «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: „приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...”» (Мф. 25:34). Грядет день, когда Божье Царство явится во всей полноте, когда каждому из нас вручат свое царство. Мы будем владычествовать, как нам это всегда и предназначалось.

А до тех пор Бог будет учить нас делать то, для чего мы и были созданы. Каждый мужчина — это Царь, ведь у каждого мужчины уже сейчас есть своего рода царство. В его мире есть области, какими бы малыми они ни были, где его слово — решающее. И когда мы возрастаем, когда у нас прибавляются характер и сила, мудрость и смирение, Бог склонен увеличивать размер нашего царства. Он *хочет* доверить нам Свое Царство.

Сердце Царя

Великий вопрос на пути возмужания звучит так: когда человеку можно доверить власть? Мне вспоминается, как Даллас Уиллард однажды сказал, что, по его убеждению, вся рассказываемая в Библии история Бога и человека — это история Бога, Который стремится наделить человека Своей властью, и человека, который не в состоянии ее принять. Это, безусловно, верно в отношении Адама и верно в отношении большинства его сыновей. Жизнеописания царей по преимуществу весьма прискорбны. Моисей, Давид, Карл Великий, Линкольн — таких людей немного. Моя искренняя надежда заключается в том, что мы, встав на путь возмужания, усвоив его уроки, научившись совершать обряд мужской инициации, снова сможем подготавливать хороших Царей.

Но прежде чем мужчина будет в состоянии взять власть, его характер должен быть закален. Можно сказать, что вся инициация мужчины предназначена для того, чтобы подготовить его к обладанию властью. Так вернемся же к размышлениям Джорджа Макдональда о том, к чему стремится Бог, воспитывая Своих сыновей так, чтобы те в полной мере стали Его сыновьями. Рассмотрим это, имея в виду человека, действующего, как Царь:

Он делится с нами частью Своего существа и Своей природы — мы будем сильными там, где Он считает нужной силу, ласковыми и милосердными, как Он ласков и милосерд,

яростными, как Он, когда Он в ярости. Даже в мелочах Он даст нам способность делать все, что мог делать на земле Его Сын Иисус, жизнь Которого была жизнью человека совершенного, дела Которого были делами совершенной человечности... Когда мы начинаем думать вместе с Ним, когда разум сына становится таким же, как разум Отца, когда дела сына становятся такими же, как дела Отца, тогда это сын своего Отца, тогда мы — сыны Бога. <...>

Его дети не будут Его настоящими, истинными сынами... пока не станут думать так же, как Он, чувствовать так же, как Он, судить так же, как Он, пока не смогут жить у Него, как в родном доме, не боясь Его, потому что у Него и у них одинаковые намерения, они любят то же, что и Он, и стремятся к одним и тем же целям.

«Непрочитанные проповеди»

Этот труд Бога в сердце мужчины, может быть, самое прекрасное из всех Его дел, и когда плоды этого труда глубоко укоренятся в сердце мужчины, когда он далеко продвинется на пути к тому, чтобы описываемое Макдональдом стало частью его жизни — нет, конечно, от него всегда будет требоваться еще больше, — вот тогда он готов стать Царем.

Все дело в сердце, братья мои. Есть много постов, на которых в качестве Царя может действовать мужчина, — глава семьи, начальник отдела, пастор церкви, тренер команды, премьер-министр страны, — но требования к его сердцу неизменны. «Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21:1). Это изречение часто толкуют как указание на верховную власть Бога, Который может делать с человеком все что захочет. Разумеется, такая власть у Бога есть. Однако я не думаю, что данное изречение сводится к этому. Бог редко принуждает человека что-то делать против его воли, потому что предпочитает, чтобы до этого не доходило, чтобы человек по своей воле исполнял Божью волю. «...Изберите себе ныне, кому служить...» (Нав. 24:15). Богу нужен настолько преданный Ему человек, в такой полноте покорившийся Его воле, что сердце этого человека легко может быть направлено Божьим Духом на избранные Богом цели.

Мужчина с таким сердцем становится хорошим Царем.

Большинство известных мне мужчин, имеющих какую-то власть и вес в обществе, не настолько праведны, чтобы управиться даже с тем, что у них есть, и вред они приносят ежеминутно. Они действуют на основе хорошо ими выученных уроков по организации бизнеса и не менее твердо усвоенных «принципов руководства». В значительной мере их действия продиктованы их же собственными сердечными ранами, и они не сверяют свои намерения с Божьей волей, чтобы поклониться Богу, чтобы жить, подчинив все свои помыслы Ему.

Посмотрим, как Моисей вел Израиль из египетского рабства в землю обетованную. Заметьте, что в истории исхода каждая глава с 6-й по 14-ю начинается с фразы: «И сказал Господь Моисею...», а дальше в ней описывается, как Моисей исполняет то, что ему повелел Господь. Таким ли образом знакомые вам люди действуют, находясь во главе своих предприятий, своих церквей, своих семей? Меня поражает, как мало христиане ищут повсеместного руководства Бога. У них появляется хорошая идея, и они начинают ее осуществлять. Это — не великие Цари.

Посмотрим на Давида. «После сего Давид спросил Господа, говоря: идти ли мне в какой-либо из городов Иудиных? И сказал ему Господь: иди. И сказал Давид: куда идти? И сказал Он: в Хеврон. И пошел туда Давид...» (2 Цар. 2:1-2). В своем сердце и в своем поведении Давид — это человек, покорный Богу. Он назван, позвольте вам напомнить, мужем, которого Бог избрал «по сердцу Своему» (учиться находиться в такой близости к Богу — хорошая составляющая нашей инициации, но все начинается с покорности сердца).

Несомненно, что именно так жил Иисус. «Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец» (Ин. 12:49—50). Иисус мог бы настаивать на исполнении Своей воли. У Него, безусловно, была такая власть, и добавим, что эта власть была дана Ему Его Отцом. Но нет — Он во всем был покорен Отцу. Независимо от возраста, положения и

способностей, человек готов стать Царем только тогда, когда его сердце занимает правильное положение перед Богом. То есть когда оно покорно Богу.

Ради блага людей

Когда умножаются праведники, веселится народ, а когда господствует нечестивый, народ стонает.

Притч. 29:2

Вернемся еще раз к «Царству Небесному», к инициации Бальяна. По указанию отца Бальян направляется в Иерусалим, чтобы предстать перед королем

Болдуином, который в свою очередь отправляет Вальяна защищать ведущую в Святой город Дорогу пилигримов. «Мы в Иерусалиме рады всем — не только потому, что это выгодно, но и потому, что это справедливо». Бальян со своими людьми едет в поместье отца — в замок с небольшим поселением вокруг, похожим на многие средневековые деревушки, только эта стоит посреди пустыни, и песка в ней через край. Бальян решает превратить поселение в надежное убежище. Больше всего здесь нужна вода, поэтому он приказывает рыть колодцы, строить акведуки. Проездом в замке останавливается Сибила, и когда она рядом с рабочими видит засучившего рукава Бальяна, она спрашивает: «Вы хотите построить здесь новый Иерусалим?»

Прекрасно сказано! Точно! Именно это и делает хороший Царь — он использует все, что есть, чтобы сделать свое царство подобным Царству Небесному ради тех людей, которые живут под его властью.

Мне нравятся сцены из фильма «Миссия», рассказывающего историю молодых испанских священников-иезуитов, которые несут христианскую веру индейским племенам Южной Америки, спасая их от португальских работорговцев. Их миссия в джунглях становится форпостом свободы, малым Небесным Царством, в котором индейцы процветают, строя дома, школы, музыкальную академию. Миссионеры открывают для племени своего рода золотой век, готовые рискнуть собственной жизнью, чтобы служить слабым и беспомощным. Или возьмем сцену из фильма о гражданской войне «Слава». Там с южанами воюет полк чернокожих, возглавляемый молодым белым офицером. Его солдатам нужна обувь, но обувь умышленно «задерживается» на складах одним мелким тираном, который ведает снабжением. Этот человек — классический пример царька, пользующегося своей небольшой властью, чтобы побольше урвать, промышляя по окрестным фермам и набивая добычей свой склад. Действуя как Воин, молодой капитан берет взвод своих лучших солдат, врывается во владения этого снабженца, ставит мерзавца на место и возвращается в лагерь с целым фургоном обуви. И его люди начинают ему доверять.

В «Отверженных» Гюго Жан Вальжан — преступник, которого спасла глубокая человеческая любовь священника. Он становится большим человеком, фактически мэром городка и владельцем фабрики. Он делает из своего предприятия приют для одиноких молодых женщин, забирая их с улицы на работу в мастерской. В этих его заботах его можно сравнить с «сильными правдою, насаждением Господа во славу Его», о которых говорится в 61-й главе Книги пророка Исаии, что их сила служит прибежищем слабым.

«И уразумел Давид, что Господь утвердил его царем над Израилем и что возвысил царство его ради народа Своего, Израиля» (2 Цар. 5:12). Ради народа своего. Именно поэтому нам, мужчинам, дается царство. Мы получаем власть, и материальные ресурсы, и могущество ради блага людей.

Проверка Царя

Слишком многие мужчины, достигнув на пути возмужания стадии Царя, точнее говоря, вдруг оказавшись Царями, хотя еще не прошли пути возмужания, пользуются возможностью сделать жизнь лучше... для самих себя. Среднестатистический мужчина на пятом и шестом десятке получает какую-то толику власти и влияния, сколько-то свободной личности и пользуется ими для того, чтобы устроиться покомфортнее. Он покупает себе шезлонг и телевизор с большим экраном. Он

ходит на банкеты, вступает в закрытый клуб, больше денег тратит на отпуск. Он работает, если приходится, но цель его трудов — только упрочить свое состояние, чтобы жить в роскоши. Разве не так?

На пятом и шестом десятке приходит ощущение заслуженности своего статуса. Мужчина много работал, чтобы добиться своего положения, и что-то ему подсказывает: «Эй, я сделал все, что от меня требовалось. Теперь моя очередь немного пожить для себя». «...Покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12:19). Я вспоминаю старшего пастора, который неустанно призывал свою паству все больше и больше жертвовать на церковное строительство, а сам пошел и купил себе новый «мерседес». Или знакомого бизнесмена, который, создав преуспевающую компанию, переложил бремя все возрастающих тягот управления на плечи своих подчиненных и занялся приобретением машин и вилл. Сам он стал жить по принципу «ешь, пей, веселись», но им особых поводов веселиться не предоставил. Власть и богатство даются человеку не для этого.

Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как

Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Мф. 20:25-28

Я первый готов признать, что и по моему собственному опыту это оказывается одной из труднейших проверок Царя. Я не думал, что, женившись, увижу, насколько я эгоистичен. А вы не покупаете себе что-либо просто потому, что вам этого хочется? Вы не считаете палатку превосходным местом для сна? Постоянное общение с другим человеком, чье отношение к жизни отличается от вашего, причем выверенного годами, — это путь к прозрению. Когда же рождаются дети, откровение поднимается на новый, более высокий уровень. Я и представления не имел о том, насколько ценен для меня сон. Или ежедневные моменты тишины. Сокровища, которым вы можете послать прощальный поцелуй, когда ударяетесь в исполнение родительских обязанностей. Более того, оказалось, что существуют какие-то внутренние ресурсы, помогающие мужчине быть самоотверженным, когда речь заходит о его семье, хотя ему, возможно, придется копать довольно глубоко, чтобы их ежедневно изыскивать. Потом я стал Царем, по крайней мере — перешел на стадию Царя, и обнаружил, как ничтожно малы естественные запасы моего альтруизма. Похоже, эти запасы совсем малы, когда речь идет не о близких, а о людях вообще.

Но все это и есть подлинная проверка Царя. Проще говоря, вся проверка сводится к ответу на вопрос, *как живет людям под его властью*.

И правда, все настолько просто. Как живет людям в его царстве?

Посмотрите на его жену — она усталая, взвинченная, неухоженная? А как его дети — у них цветущий вид? Сколько сил он тратит на то, чтобы просто заставить их хорошо себя вести, по сравнению со стараниями понять, что у них на сердце и что для них было бы благословением? Поговорите с работающими у него людьми — ощущают ли они, что просто строят *его* царство или что его служение посвящено им? Развиваются ли их таланты и способности, рады ли они тому, что о них заботятся, отводят ли им место в царстве? Если он пастор, посмотрите на его прихожан — обретают ли они подлинную свободу и жизнь, обещанную нам Христом? Или в его церкви царит атмосфера страха, вины и притворства?

Если посмотреть на жизнь плохих царей, таких как Саул или Ирод, таких как Денетор³⁰ и Коммод³¹, ответа на эти и аналогичные им вопросы долго искать не придется. Весь мир вращается вокруг этих царей. Их царства существуют ради их удовольствия. Вы знаете, что они не из тех, кто каждое утро, просыпаясь, спрашивает себя: «Что хорошего с помощью моего богатства и власти я

³⁰ Из трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец».

³¹ Из фильма «Гладиатор».

сегодня могу сделать для людей?» А ведь это тот самый вопрос, который задают себе хорошие цари. Для того чтобы им задаваться, требуется праведность, большинству мужчин просто чуждая.

Порядок, защита и благословения

Хороший Царь устанавливает в своем царстве порядок. Бог в начале творения из хаоса создал порядок, а затем передал дело в руки Адама, чтобы тот таким же образом управлял своим царством. Не командуя, как деспот или мелкий начальник, а прилагая все свои силы к поддержанию в нем порядка. Причина, по которой мы представляем себе Царя сидящим на троне, в том, что он должен поддерживать порядок в царстве. Царь на троне, и все в мире идет хорошо. Много лет назад, когда я работал в Вашингтоне, мой руководитель не приходил на собрания персонала. Он не был на них ни разу. Он предоставил своим подчиненным состязаться между собой, и результатом стал настоящий хаос — каждый старался отвоевать свою территорию, отстаивать свои проекты, чем-то выделиться среди остальных. Каждый за себя. Именно это и происходит, когда Царь не хочет управлять своим царством. Сходным образом забросивший свое семейство отец ввергает его в эмоциональный и финансовый хаос.

Хороший Царь борется также за безопасность своего царства, отражая нападения извне и усмиряя мятежи внутри. Именно поэтому он должен сначала стать Воином. Посмотрите, как неумоим Давид, обеспечивающий безопасность границ своего царства:

После сего Давид поразил Филистимлян, и смирил их... И поразил Моавитян... <...> И поразил Давид Адраазара — сына Реховова, царя Сувского... И пришли Сирийцы Дамасские на помощь к Адраазару, царю Сувскому; но Давид поразил двадцать две тысячи человек Сирийцев.

2 Цар. 8:1-3, 5

Задумаемся о Черчилле, не отступившем перед нацистами, и о пацифистах в его правительстве, далеко не таких стойких духом. Или о Линкольне с его неослабевающими усилиями сохранить федерацию. Семья, во главе которой стоит хороший отец, чувствует себя защищенной. В духовном, эмоциональном, финансовом и физическом отношениях семье обеспечены поддержка и мир.

Все усилия хороших Царей направлены на то, чтобы принести благословения своему народу и своей семье. «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать...» (Ин. 1:16). Неемия обнаружил, что его народ обирают начальствующие из числа самих же иудеев, и приказал вернуть зерно, масло и земли. Он даже отказался от полагавшегося ему по чину содержания. Давид настоял на том, чтобы взятая у амаликитян добыча была разделена между всеми — и теми, кто охранял обоз, и теми, кто воевал. Хороший Царь хочет, чтобы его народ получал свою долю в богатствах царства. Плохие Цари заводят себе счета в оффшорных банках.

Цена царствования

Августин плакал, когда его сделали епископом североафриканского города Гиппон. Те из вас, кто является Царем, его поймут. Есть цена, которую платит Царь, другим людям неизвестная и недоступная. Несколько месяцев назад мы в своей миссии «Ransomed Heart», готовясь к служению, начали трехдневный пост и молитву. Какими бы целями мы при этом ни задавались, Бог использовал это время по Своему усмотрению. Правду говоря, для меня тот пост был отдыхом. На второе утро я нашел время, чтобы немного побыть с Богом и прислушаться к Нему. Положив перед собой Библию и дневник, я просто спросил: «Что Ты хочешь мне сказать, Отец?» «Иосия», — услышал я. Я задумался: «Иосия... Иосия... Слушай, звучит знакомо, но я что-то не вспомню. Один из малых пророков?» Я пролистал конец Ветхого Завета, отыскивая Книгу Иосии. Даже стыдно вспоминать. Никакой Книги Иосии не существует, поэтому я и не мог ее найти. Я взял библейскую симфонию и отыскал Иосию. Вот он — в Четвертой книге Царств. Я прочел историю его жизни.

Иосия был замечательным Царем и замечательным исключением в печальной летописи Царей. Он возглавил серьезную духовную и политическую реформу в Иудее. Меня глубоко тронули его

мужество, честность и чистота его жизни. Вообразите, что такое сказано о вас: «Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву; и после него не восстал подобный ему» (4 Цар. 23:25). Ни одного такого царя больше не было. Я отложил описание его жизни и задумался над тем, почему Бог направил меня к нему. «Да, Господи. Это хороший человек, достойный восхищения и подражания. Но я все еще не понимаю, что Ты хочешь мне сказать?» Ответом было одно слово: «Управляй».

У меня вырвался долгий вздох — произвольный, ничем не сдерживаемый, выражающий какое-то глубокое внутреннее ощущение. Моя левая рука медленно потянулась почесать бровь.

Я понимал, что это значит. В последние несколько месяцев — в течение лета — мое сердце постепенно отвращалось от служения. Так приятно было получить передышку от всех его тягот. Все эти опасные минные поля во взаимоотношениях, трудности, почти исключительно вызванные духовной войной... Однако те, кто чинил мне эти препятствия, кто был к ним как-то причастен, хотели сделать их осязаемыми, замешанными на человеческих проблемах, так что мне приходилось часами распутывать гордиевы узлы, от которых можно было избавиться, просто помолвившись пять минут. Организационные трудности руководства, вызванные необходимостью каждому дать возможность высказаться. Но хуже всего была постоянная проверка качеств моего сердца, которое враг изводил и изводил обвинениями в гордости, или в слабости, или в чем-то еще постыдном.

Вы, Цари, поймете меня. Мое сердце отвращалось от служения. Я уже хотел того, чтобы оно закончилось само собой. Настолько бы легче мне стало жить. «Управляй», — сказал Он. То есть ты не можешь бросить царство, которое Я как раз сейчас тебе даю. Значит, почувствовал я, от меня потребуется нечто большее. Я подумал, что уже достаточно многим пожертвовал ради процветания своего царства. Теперь Он призывает меня остаться, а оставшись, пожертвовать еще большим. Полагаю, что пока человек не сядет на трон, он не в состоянии понять, какую цену ему придется платить. Вас ждут испытания. Со всех мыслимых и немыслимых сторон.

Все, все — на короля! За жизнь, за душу,
За жен, и за детей, и за долги,
И за грехи — за все король в ответе!
Я должен все снести. О тяжкий долг!
Близнец величия, предмет злословья
Глупца любого...
О, скольких благ,
Доступных каждому, лишен король!

У. Шекспир, «Генрих У». Акт IV, сцена 1³²

Вам не захочется быть Царем. Поверьте мне. Это не то, к чему стоит стремиться. Только невежественные жаждут занять трон. Августин не хотел принимать сан, потому что знал, чего это будет ему стоить, и глубоко ощущал свое несоответствие известным требованиям. Он хотел жить простой спокойной жизнью, но он принял сан ради блага людей. Мы становимся Царями только в качестве акта послушания. У зрелого мужчины всегда превалирует *нежелание быть на троне*, но при этом он *готов сесть на трон ради блага людей*.

Раны Царя

Царь в маленьком мальчике получает рану, если у него нет собственной территории, если границы его территории нарушаются или если эта территория слишком для него велика.

Мальчику нужна какая-то территория, которая будет его собственной. Может ли он выбирать, что ему носить из одежды? Есть у него такие игрушки, которыми не нужно делиться с другими детьми? И главное, стала ли его комната маленьким царством, где его слово имеет какой-то вес? Разумеется, родители хотят, чтобы он в этой комнате наводил порядок, регулярно ее убирал. Но я говорю о том, что решения, какого цвета там будет обои, какие картинки будут висеть на стенах,

³² В переводе Е. Бируковой.

принимать должен он сам. К тому же родители и другие дети должны постучаться, прежде чем к нему войти. А как иначе ему научиться править? Спросите себя: «То, что мне было дорого в детстве, — находилось ли оно в моей власти?»

Если у мальчика слишком авторитарные родители, это убивает в нем юного Царя. Он не сможет развить у себя решимость и силу воли, ведь Царь в маленьком мальчике получает рану и тогда, когда нарушаются границы его царства. Как говорит Роберт Блай,

...если мы дети из неблагополучной семьи, наши хотения легко могут быть превзойдены более сильными, доминантными, устрашающими хотениями родителей... Если взрослый решит ударить ребенка или пичкать его едой, у того нет никакой защиты — все будет так, как решит взрослый. Если взрослый захочет наорать или, пользуясь своей силой, нарушить границы территории ребенка — все будет так, как решит взрослый. <...> Когда наши родители вообще не уважают нашу территорию, их неуважение выглядит ошеломляюще убедительным доказательством нашей неполноценности.

«Железный Джон»

Сексуальное насилие относится к худшим нарушениям личного суверенитета, так как ребенок переживает вторжение в свой мир и не может его остановить. Как тогда ему обрести чувство, что своей жизнью он властен распоряжаться сам, как обрести уверенность в том, что он сможет настоять на своем, защитить границы своего царства? Ребенок привыкает к тому, что его подавляют, им командуют, его эксплуатируют.

В Главе 1 я говорил о том, что у мальчика появляется рана, если он преждевременно становится

Царем, что часто бывает, когда отец махнул рукой на семью. Иногда отец может сказать: «Теперь ты мужчина в доме». Ужасно взваливать на мальчишку такое бремя! У него далеко не такие могучие плечи, и еще долго эта ноша будет для него непосильной. Иногда эту ношу на него ненамеренно взваливает мать, если хочет увидеть в сыне опору своей жизни, помощника на преодолеваемом без мужа жизненном пути. Иногда мальчик просто сам хочет стать главным в семье. Такое тоже бывает, если у него слабых характерный отец. Ужасно в свои пять лет — да хоть и в пятнадцать, пусть даже в двадцать пять — оказаться самым сильным человеком в своем мире.

Молодые люди часто получают рану от Царей, которые их предают, и эта рана нередко заставляет их обидеться на всех Царей мира и начать отвергать саму роль Царя. Возможно, именно поэтому сегодня так много молодых людей не хотят переходить на стадию Царя и считают, что так «даже праведнее». Кроме того, нередко мы сами слишком рано делаем молодых людей Царями. Старший пастор уходит, и церковь назначает старшим молодого пастора, а ему — двадцать пять лет. Обучение в школе бизнеса создает у молодого человека впечатление, будто степень магистра по управлению бизнесом позволяет ему стать Царем, и это тоже в двадцать с небольшим лет. Вряд ли эти молодые люди научились быть Воинами. Возможно, они и Ковбоями-то никогда не были.

Означает ли это, что молодой человек не может стать Царем? Нет! Иосии было двадцать шесть лет, когда он начал свои реформы, и правил он хорошо. Но я бы сказал, что молодому человеку не следует становиться Царем слишком большого царства. Ему нужно побыть менеджером, прежде чем стать вице-президентом, и только после этого он сможет занять пост президента. Если он оказывается Царем, который еще слишком молод, ему следует не забывать о предыдущих стадиях возмужания, ведь ему будет необходимо все то, чему они должны были его научить и что в нем развить. Для него еще не настала пора перехода на стадию Царя, прежде ему надо пройти стадии Воина и Любящего. Проходя одну за другой эти стадии, он должен подыскать человека постарше, который поможет ему выполнять обязанности Царя.

Многие из моих читателей — люди старшего возраста, которые, оказавшись Царями, поняли, что так и не прошли необходимой инициации в качестве Ковбоев, Воинов и Любящих. Они ощущают свою внутреннюю слабость, непосильность бремени быть Царем. И это должно побудить их вернуться назад и пройти путь возмужания (подробнее об этом я расскажу в следующей главе).

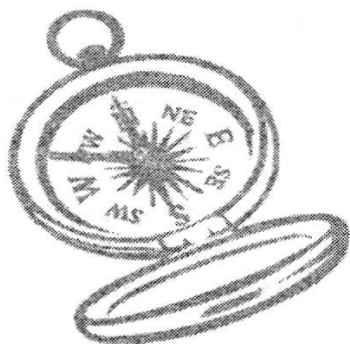
Цари получают раны и будучи взрослыми. Иногда эти раны как раз и обусловлены их статусом Царя. Существует рана предательства — такая, которую Давид получил от Авессалома. Эти раны

наносились так много раз, ведь враг рода человеческого провоцирует на это людей, пытаясь сокрушить царства, в первую очередь сломив их Царей. Выслушаем апостола Павла: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им!» (2 Тим. 4:16).

Иногда Царя вытесняют из его царства, как это сделал с Давидом Саул, а позже — Авессалом. Его могут принуждать к ранней отставке. В других случаях хорошего человека, более чем готового стать Царем, не повышают по службе, и должность достается человеку помоложе. Можете быть уверены, что враг рода человеческого сделает все возможное, лишь бы не дать человеку возвыситься в качестве Царя. Он будет его искушать, стараться сломить его дух, будет на него нападать — как он вел себя с Адамом, Моисеем, Давидом и Иисусом.

Что бы ни угнетало ваше сердце Царя или человека, становящегося Царем, вы не должны позволить этому вас победить. Вы рождены именно в качестве Царя, и именно в качестве Царя вы должны себя утвердить. Есть много доброго, что нужно сделать, и много людей нужно спасти. Все, кого мы теряем, суть Цари.

Отец, я прошу Тебя об этом с некоторой нерешительностью, но все же прошу, чтобы Ты привел меня на стадию Царя и совершил мою инициацию, когда для этого наступит надлежащая пора. Покажи мне, каким образом и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте во мне был ранен Царь. Покажи мне, в чем я проявлял слабость, отрекаясь от своей власти. Покажи мне, в чем я вел себя как тиран. Покажи мне также, в чем я был хорошим Царем. Дай мне узнать, какой становится жизнь тех, кто живет под моей властью, и по Своей благодати дай мне стать лучшим Царем ради блага людей. Я отдаю Тебе свою жизнь. Дай мне дух и сердце преданного Тебе человека. Будь мне Отцом.

13 СТАНОВЛЕНИЕ ЦАРЯ

...Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего.

Мф. 25:23

Когда мы в мальчике или мужчине хотим пробудить Царя, мы должны начинать этот труд с его сердца. Таков, безусловно, урок из жизни Давида, ведь Бог, послав пророка Самуила помазать на царство одного из сыновей Иессея, советует старому пророку: «...не смотри на вид его и на высоту роста его... человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» (1 Цар. 16:7). Посмотрев на сердце, Бог выбирает младшего из сыновей. Станный выбор в глазах людей, но так Он нашел человека по Своему сердцу. Слишком много книг было написано о принципах и тактике руководства, и я не пытаюсь здесь что-то добавить. Нам нужно сердце Царя, и куда нам еще обратить свои взоры, если не на нашего Царя:

И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землю, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее.

<...> И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена, и языка, и народа, и

племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле.

Откр. 5:2-4, 9-10

Благородное сердце

Достойный. Это понятие отличается от, скажем, понятия «имеющий право», то право, по которому, например, перворожденный может занять престол. Отличается оно также от понятия «одаренный». Иисус — первородный Сын, и через Него создано все, но когда Он восходит на престол, возникает безоговорочная уверенность в том, что Он *достоин* быть Царем. Чему это должно нас научить?

Во-первых, тому, что сначала нужно найти человека, а уж потом — место. Человек поверяется тем, как он жил, *прежде* чем был возведен на престол. Хотя Давид был помазанником Божьим и, следовательно, полноправным наследником престола Саула, он не ухватился за эту возможность. Он жил как истинный Царь, *прежде* чем им стал. Он жил в смирении, сражался ради блага людей, а когда наконец взошел на престол, народ ликовал. То же самое можно видеть на примере жизни Арагорна (в книге Толкиена, но не в фильме!). Долгие годы он оставался Рейнджером, сражаясь за безопасность Удела задолго до того, как прослыл героем, не рассчитывая ни на славу, ни на благодарность. Даже когда он приходит в Минас Тирит и побеждает в битве на полях Пеленора, он не настаивает на своем праве. Он ждет, когда ни у кого не останется в нем никаких сомнений.

Иисус достоин взойти на престол, потому что Он это *заслужил*. Просто взгляните, каким благородным было Его сердце еще до того, как Он взошел на престол:

- Он был *безупречно чист*. Мы видим это в самом начале евангельского повествования, во время искушения в пустыне, когда сатана предлагает Ему престол царства в обмен на идолопоклонство. Он на это не согласился.
- Он был *чрезвычайно добр*. Иисус мог бы словом исцелить прокаженного, но Он прикоснулся к нему, потому что к нему никто никогда не прикоснется, и таким образом Иисус исцелил более глубокую рану.
- Он жил в *смирении*. Иисус, Господь неба и земли, был рожден среди бедных, и Он находил время, чтобы накормить голодных и Самому есть рядом с грешницами. Он проповедовал неграмотным Царство Божие и умер рядом с разбойниками. Ни разу вы не увидели, чтобы Он Себя превозносил. Он ждал, когда будет превознесен Отцом.
- Он был *щедр*. Хотя Иисус страдал гораздо больше, чем предстоит страдать нам, Он, взойдя на престол, хотел разделить его с нами. Поразительно!
- Он был *справедлив*. Иисус знал то, что должен знать Царь, — что существует разница между буквой и духом закона (см.: 2 Кор. 3:6). Фарисеи были высокоморальными людьми — они соблюдали закон, — но они не были людьми благородными. То, о чем я говорю, — богаче, глубже, возвышеннее, величественнее. Иисус был не просто хорошим Человеком — фарисеи были высокоморальными вплоть до превращения в безжалостных моралистов, Он же понимал суть дела.

В Иисусе есть благородство, даже когда Он босым идет по пыльным дорогам в обществе простых рыбаков. Прежде чем взойти на престол, Он жил как истинный Царь. И благородство Его сердца раскрылось всему миру в том, что Он вместо нас предал Себя на смерть.

Вернемся к «Царству Небесному». Ближе к концу истории умирает владыка Иерусалима, зная, что после его смерти престол унаследует его сестра Сибилла, чей заносчивый муж Ги жаждет власти. Болдуин и его советник Тиберий предлагают Бальяну жениться на Сибилле, а вместе с этим по смерти Болдуина занять престол. В этом замысле есть одна загвоздка — сначала надо избавиться от Ги (это переключается с историей о том, как Давид, решив завладеть Вирсавией, подстраивает смерть ее мужа Урии). Бальян от руки Сибиллы отказывается. Ранее он уже пренебрег нормами морали, переспав с Сибиллой. Теперь он в этом раскаивается и всеми силами стремится очистить свою совесть. Когда он покидает дворец, Тиберий следует за ним. «Неужели так трудно

ради спасения царства жениться на Сибилле? Иерусалиму не нужен идеальный рыцарь». «Нет, — отвечает Бальян. — Это царство совести. Или это ничто».

Несмотря на то, что вам, может быть, говорили в церкви, люди с чистым сердцем существуют. Сам Иисус сказал: «...а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8:15).

Какого рода сердце символизирует собой семя, упавшее в добрую почву? Сердце чистое и благородное. Пусть ложное смирение не удержит вас от того, чтобы воспользоваться правом первородства. Но позвольте сказать еще раз: у человека может быть чистое сердце. Разве не такое сердце было у Давида, о ком Бог сказал: «...если ты будешь ходить пред лицом Моим, как ходил отец твой Давид, в чистоте сердца и в правоте...» (3 Цар. 9:4)? И разве не такое сердце было у Иосии, «...который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими...» (4 Цар. 23:25)? Это позволяет нам практически в любой ситуации задавать новый вопрос: «Как бы в данном случае поступил человек с чистым сердцем?» Этот вопрос намного лучше обычного «Что здесь целесообразнее всего сделать?» или, как я люблю говорить, «Как бы мне побыстрее из этого выбраться?». Вопрос «Как бы в данном случае поступил человек с чистым сердцем?» вызывает к лучшему в нас, завладевает нашим вниманием, пробуждает в нас мужество.

И отметим — чистое сердце есть у того, кто стоек, что еще раз возвращает нас к необходимости пройти стадии возмужания.

С опорой на предыдущие стадии

Поговорим о еще одном Царе. Зовут его Лир. На протяжении столетий его трагедия остается с нами, потому что мы ощущаем — его история учит нас чему-то важному в отношении Царей (именно поэтому с нами остается любая великая история — каждая из них стремится рассказать нам что-то очень важное о жизни). Лир больше не хочет быть Царем, поэтому он решает разделить свое владение между тремя дочерьми (сыновей у него нет), и львиная доля достанется дочери, которая сможет выказать больше любви к отцу. Лир подкупает дочерей, чтобы те публично продемонстрировали ему свою любовь. Безответственный и эгоистичный замысел, который свертывает его царство в хаос и ведет к гибели.

Лир не столько аморальный Царь, сколько слабый и эгоистичный: отсутствие у него внутренней силы губит его и всех, кто находится рядом с ним. Это история человека, который использует свое положение, чтобы добиться любви и обожания, отказывается от трона, потому что больше не хочет нести ответственность за царство, но все же цепляется за комфорт и прежние привилегии. Если один из элементов трагедии — ее неотвратимость, то неотвратимо здесь падение его царства, потому что Лир был эгоистичным и комплексующим мальчиком, обитающим в теле мужчины и восседающим на троне. Я знаю много таких мужчин. Готов поспорить, что и вы тоже.

Меня удивляет, что Лир в достаточно зрелом возрасте пытается добиться любви в качестве Возлюбленного сына. Ради всего святого, у него седые волосы! Разве уже не поздно для таких устремлений? Пусть это прозвучит с полной ясностью: мужчина не может быть хорошим Царем, пока не пройдет все остальные стадии на пути возмужания. Если он все еще жаждет быть Возлюбленным сыном, ему впору покупать себе всевозможные игрушки. Он также будет пользоваться своим положением, чтобы заслужить одобрение окружающих. Он будет избегать жестких решений, так как хочет всем нравиться (это, между прочим, парализует Царя). Если ему так и не удалось пройти стадию Ковбоя (или Рейнджера), он слишком много времени будет проводить в загородных клубах, играя в гольф, увлекаться лыжами, приобретать туры «с приключениями», а может быть, сейчас он как раз покупает себе спортивную машину. Если он не был Воином, он будет властвовать с раздражением, принося много вреда в своих попытках ощутить себя могущественным, преследуя своих драконов, громоздя горные цепи из кротовых кочек, просто чтобы иметь возможность повоевать. Если он никогда не был подлинным Любящим, он пойдет и купит себе жену-трофей или найдет любовницу в Интернете.

В какой-то мере то, что мы называем «кризисом среднего возраста», у не прошедших инициацию и пытающихся замостить провалы в своих душах мужчин сводится к «незавершенности», тогда как в своем зрелом возрасте они должны вести себя как Цари.

Мой главный совет относительно пробуждения в мужчине Царя прост — прежде пройдите все другие стадии. Если мужчина был Возлюбленным сыном, ему не нужно оказываться в центре внимания. Если он был Ковбоем, он будет отважным и дерзким. Если он был Воином, он не будет уклоняться от сражений — проблема номер один для большинства Царей, которых я знаю. Он будет решительным, доблестным и искусным. Он не будет, что называется, терять голову. Эти его такие мужские качества уравновесятся добротой и отзывчивостью, если он также был Любящим. Он будет понимать язык сердца и знать, насколько это важно, ведь теперь он будет держать в руках сердца многих людей. Вы видите, что, только пройдя эти стадии, Моисей, Давид и Иисус взойшли на престол.

Тем моим читателям, которые оказались в возрасте, когда следует быть Царями или выполнять обязанности Царя, но так и не прошли какие-то стадии возмужания, я бы сказал, что им необходимо вернуться назад — пусть Бог поведет их в качестве Отца, чтобы восполнить то, что ими было упущено. Я не имею в виду, что вам нужно уйти с работы, но в начале книги я уже говорил, что жизнь подвергнет ваши мужские качества испытаниям, как корабль подвергается испытаниям в море, и тогда выявятся наши неисцеленные раны. Они будут тем более очевидны, когда вы станете Царем, поэтому вы не должны пропускать предыдущие стадии. Вам необходимо получить все то, что они могут дать вашей мужской душе.

Мальчишка с сердцем Царя

Чрезвычайно важно отметить, что с самого юного возраста мальчишки понимают, какое благородство требуется от Царя, и они его ценят и к нему стремятся. Словно бы что-то заложено у них внутри, по крайней мере, пока до них не доберется мир. Посмотрите на героев историй, которые им нравятся, — Аслан и все благородные короли Нарнии, джедаи, король Артур, Арагорн. Несколько лет назад мы в Шотландии посетили замок Стерлинг, и нам посчастливилось встретиться с людьми, которые готовились к демонстрации шотландского оружия эпохи Уильяма Уоллеса. Они пригласили нас в замок, чтобы, к радости мальчишек, дать им примерить доспехи. Когда на каждого из наших сыновей водружали королевский шлем — с бармицей сзади и короной — они стояли с прямыми спинами, в торжественной позе. Они все понимали.

Поэтому я скажу, что среди важнейших задач по воспитанию в ребенке Царя — защита того благородства, в которое мальчишка верит, пока еще юн, защита его убежденности в том, что оно хорошо и оно возможно. Мы защищаем его с помощью историй, в которых показано благородство Царя. А делаем мы это тогда, когда сами живем в соответствии с теми же принципами, ведь ничто не может разочаровать мальчишку сильнее, чем если он увидит, что его отец лжет, обманывает, ищет оправдания для своих не слишком благовидных поступков. Я уже говорил, что у мальчишек и юношей их сердце Царя получает раны, когда они живут под властью плохих Царей.

Я также говорил, что мальчишке нужно над чем-нибудь единолично властвовать. Над своими игрушками. Над своим телом. Пусть сам тратит свои деньги, делая ошибки. Дайте ему право голоса в решениях на семейном совете, скажем в вопросах, где провести субботу или отпуск. Дайте ему ощущение *власти*. Когда он подрастет, пусть возрастет и его власть. Пусть он сам выбирает, каким видом спорта ему заниматься — или не заниматься. Пусть он сам выбирает учебную специализацию, планирует свою карьеру. Предлагайте ему, конечно, свои советы, но пусть растет его ответственность за собственную жизнь. Разве не так вершит в нас Свой труд Господь?

Власть

Адаму была отдана во владение вся земля, но когда пришло время испытания, он его не выдержал. Он ничего не сказал и ничего не сделал ради Евы. Сатана напал на его жену, угрожая всему царству, но Адам и палец о палец не ударил — он предпочел быть *молчаливым*, безропотным и пассивным. Так сатана стал «князем мира сего», как называл его Иисус. И поэтому Иоанн сказал: «...весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Позволительно ли мне указать на то, что многие мужчины потерпели поражение в качестве Царей из-за своей пассивности? Они уклоняются от своих

обязанностей, избегают жестких решений. Они не хотят вести своих людей в битву. Они ищут комфортной жизни.

Некоторые потомки Адама ударяются в другую крайность — тиранию. Такие Цари, как египетские фараоны, Саул, Ирод. Люди, пользующиеся своей властью, чтобы манипулировать другими людьми, эксплуатировать их. Пастор, который никого не пустит на свою кафедру. Начальник, не желающий выслушивать советы подчиненных. Суровый отец, держащий все семейство в страхе. Чтобы мужчина был хорошим Царем, ему следует помнить об этих двух крайностях — пассивности и тирании.

Земля была отдана человеку, но сатана узурпировал престол, как Скар в фильме «Король Лев», как Коммод в фильме «Гладиатор», как Авессалом, захвативший престол Давида. Иисус пришел, чтобы отобрать у сатаны престол — низвергнуть узурпатора, уничтожить все его притязания на власть, основанные исключительно на греховности человека. Через Свое абсолютное послушание Отцу и Свою жертвенную смерть Он действительно уничтожил все притязания на царство мира сего, которые только могли быть у сатаны (см.: Кол. 2:13—15). Отныне Ему дана «всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18).

И вам, братья мои, дана та же власть. «...И [нас] воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе...» (Еф. 2:6). Находиться с Христом на небесах — означает разделять с Ним власть. Это явствует из стиха Лк. 10:19: «...Се, даю вам власть... на всю силу вражью...» Научиться жить, имея эту власть, привносить Божье Царство в наши маленькие царства на земле — вот что значит стать истинным Царем.

В описанной мной сцене из «Царства Небесного», когда Бальян дает обет и получает рыцарский меч, его отец также передает ему свою власть. Годфруа, барон де Ибелин, скоро умрет. Последнее, что он делает, — снимает с пальца перстень и отдает его Бальяну в качестве символа совершающегося перехода его власти к сыну. Он в буквальном смысле отдает сыну царство. «Встаньте, рыцарь, — говорит Бальяну приближенный Годфруа, — и барон де Ибелин».

Именно это, братья мои, и произойдет с вами в результате труда, свершаемого в вас Христом. Позвольте мне повториться, ведь в наше время в церквях не слишком хорошо разъясняются истины о Божьем Царстве. Рожденному царствовать Адаму (и всем его сыновьям, включая вас) во владение была отдана земля. Через грехопадение он отрекся от своей власти в пользу сатаны. Но пришел Иисус и вернул престол — Отец отдал Ему всю власть на земле. Иисус делится этой властью с нами — Он дает нам Свою власть, чтобы мы могли властвовать во имя Его, ибо, как Он сказал. Отец благоволил дать нам Царство (см.: Лк. 12:32). Жизненный путь мужчины ведет его туда, где он в реальности сможет стать Царем, где в его жизни осуществится все дарованное Христом.

Возведенный Отцом на престол

Я слишком долго уклонялся от решения проблемы. Нам нужна была новая машина. Стейси ездила на старенькой «хонде», которую мы приобрели еще в начале девяностых, когда у нас был только Сэмюэл, располагавшийся в детском кресле, а теперь у нас трое сыновей, которым тесно на заднем сиденье. Что в машине тесновато, это еще мягко сказано. Даже поездка до магазина превращается в какое-то олимпийское соревнование. Все равно что загнать трех боксеров в одну телефонную будку. Постоянная толкотня. Кроме того, на спидометре было уже за 150 тысяч миль, да и масло подтекало. В общем, нам нужна была новая машина.

И все же я колебался. Не только потому, что Стейси хотела мини-вэн и требовались все мои запасы душевной щедрости и доброты, чтобы на это согласиться, но также потому, что где-то глубоко я ощущал себя совершенно неспособным на покупку машины. Мне было тридцать пять, и я никогда не покупал новой машины. Вплоть до этого момента все купленные мной машины раньше принадлежали моим друзьям. Самостоятельный поход к автодилеру воспринимался мной как проверка моей мужественности, и я чувствовал себя достаточно испуганным. Но я ощущал, что Бог просит меня это сделать, понимал, что это будет проявлением любви к жене и семейству (Царь правит ради блага людей). Мы провели годовые испытания мини-вэнов, а потом Стейси предоставила мне торговаться с дилером. Внутри я ощущал себя десятилетним мальчишкой. «Держись, — сказал Отец. — Ты сможешь». За два часа, показавшиеся мне двумя днями, я прошел

все круги ада и стал владельцем мини-вэна, который она хотела, того цвета, который ей нравился, и за вполне приличную цену.

Пришло время выписать чек и завершить сделку, и снова моему сердцу потребовалось подтверждение моей правоты. «Отец, это в самом деле правильно?» — спросил я. «Да», — ответил Он. Тогда я выписал чек и расписался в договоре. Я протянул Стейси ключи, и она уехала с широкой улыбкой на лице, увозя трех наших бандитов, свободно развалившихся на заднем сиденье и машущих мне руками, а я услышал, как Бог мне сказал: «Молодец!»

Словно это сказал мне отец, которого у меня, когда я подрастал, практически не было. Я почувствовал себя... повзрослевшим.

Ранее, в главе о Воине, я объяснял, что Бог учит мужчину сражаться, как правило, одним и тем же простым способом — Он раз за разом помещает его в такие ситуации, в которых он должен сражаться. Тот же принцип верен и на стадии Царя — наш Отец будет помещать вас в ситуации, когда от вас будет требоваться действовать с решимостью и силой ради блага людей. В такие моменты в нас пробуждается и крепнет сердце Царя — особенно в моменты принятия нами самоотверженных решений, когда мы интересы людей ставим выше собственных, и в моменты непоколебимой решимости, когда мы в неблагоприятных условиях твердо держимся своей позиции или преодолеваем чье-то сопротивление.

Если вы похожи на большинство мужчин, в подобные моменты вы будете чувствовать, что сыты всем этим по горло. Но именно так совершается наша инициация в повседневной жизни, именно так мы выясняем, что у нас есть сердце Царя, что мы можем действовать как Цари. Не идеально и не каждый раз, но все лучше и лучше, по мере того как в нас пробуждается Царь. Думаю, все мы понимаем, что такие благородство и цельность натуры могут сформироваться у мужчины только Божьим Духом. От нас требуется ответить на вопрос, *согласны ли мы на это.*

Гордость

Однажды у меня состоялся разговор с человеком лет тридцати с небольшим, который стал работать в издательском бизнесе, хотя совсем не такими были его юношеские мечты по окончании семинарии. «Я хотел стать знаменитым пастором — чтобы прихожан у меня было больше, чем у Чака Суиндолла». Он удивлялся, почему Бог не дал осуществиться этой его мечте. «Возможно, — предположил я, — потому что вы хотели, чтобы прихожан у вас было больше, чем у Чака Суиндолла». Мой ответ ему не понравился. На этом наш разговор был окончен.

Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: «уступи ему место»; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но, когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: «друг! пересядь выше»; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Лк. 14:7-11

Возможно, притязания молодого семинариста не были лишены благородства, но все наши притязания будут очищаться огнем, *должны* очищаться им, и намерение занять высокое положение может не осуществиться, не пройдя такой проверки. Намерение служить, приближать Божье Царство, сражаться за свободу людей — да. Но величие ради величия — это мирской путь. Нам следует бояться превращения в большую церковь, в большую корпорацию, в большое царство. К расширению нашего царства нас должен побудить Бог. Как много лет назад сказал Фрэнсис Шеффер, «если мы намерены совершать Господень труд так, как того хочет Господь, мы должны серьезно относиться к учению Иисуса: Он не хочет, чтобы мы добивались более высокого положения, пока Он Сам не сделает невозможным что бы то ни было иное».

Обратимся к жизни Иосифа. По сфабрикованному обвинению его бросили в темницу. Тем не менее там он вел себя так честно, что «отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников,

находившихся в темнице, и во всем, что они там ни делали, он был распорядителем. Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, потому что Господь был с Иосифом, и во всем, что он делал, Господь давал успех» (Быт. 39:22-23). Таков благородный человек. Когда в конце концов Иосиф стал вторым человеком в Египте, можно ли было усомниться в том, что он был этого достоин?

Для того чтобы человек стал хорошим Царем, ему совершенно необходимо смирение. Это одно из самых истинных проявлений той кротости, о которой я говорил раньше. Глядя на ветхозаветные истории и вспоминая Царей, которых я знал в своей жизни, я вижу, что заносчивость была ахиллесовой пятой каждого плохого Царя. Саул. Ирод. Наполеон. Сталин... Они не были кроткими, ни в каком отношении не были смиренными. А когда я работал в Вашингтоне, больше всего меня поражал простой факт: тем, кто любой ценой стремился в столицу, там быть не следовало, а те, кто не хотел в ней жить и занимать какой-либо высокий пост в столичном учреждении, были единственно этого достойными. Остальных следовало посылать в такие места, как Анадарко³³, — помогать на кухне готовить еду для бездомных.

Моисей был одним из величайших вождей, когда-либо живших на земле. Он был великим Царем. И вот что о нем сказано в Писании: «Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле» (Числ. 12:3). Давиду было предоставлено много возможностей отобрать престол у Саула, и он был вправе это сделать. Но делать этого он не стал. Он принизил себя. Такова расположенность благородного сердца — выбирать смирение в тех обстоятельствах, когда это нам дается труднее всего. Суть в том, что либо мы сами выберем смирение, либо наш Отец устроит так, что оно к нам придет. Что до меня, то я предпочитаю по возможности вообще не оказываться в таких ситуациях. Для меня предпочтительнее самому выбрать смиренность сердца.

Одиночество

Гордость ослепляет, и гордость погубила многих Царей. Но, вероятно, самая большая профессиональная опасность для Царя — это полное, глубокое одиночество. Эту истину нужно признать и понять: жизнь Царя — жизнь одинокая. Мы должны относиться к этому сочувственно, иначе это приведет нас к падению. Да, гордыня — серьезное испытание, именно она стала причиной падения величайшего из ангелов. И поэтому в этом отношении нам следует сохранять бдительность. Но не думаю, что гордыня будет самой большой опасностью для хорошего Царя, для такого человека, который прошел путь возмужания. Я считаю, что величайшей опасностью станет одиночество.

Если вы почитаете что-нибудь о жизни царей, вы заметите эту тенденцию становиться подозрительным даже в отношении ближайших советников и то обстоятельство, что почти все цари со временем оказываются в изоляции. «На моем посту, — сказал президент Ричард Никсон, — вы не можете позволить себе роскошь близких дружеских отношений. Вы не можете доверять абсолютно никому... В ту минуту, когда вы начинаете сближаться с людьми, они начинают получать преимущества». Он был одиноким, обособившимся человеком, который таким образом оправдывал свою оторванность от людей. Я много раз видел, как это бывает. Сам ощущал такие тенденции, причем достаточно сильно. Прежде всего, люди не понимают, какое бремя вы несете. Просто не понимают. Наверху одиноко. Одиночество усугубляется тем фактом — это закон практически любой организации человеческих существ, большой или маленькой, — что обвинения всегда направлены вверх, справедливы они или нет. Если есть на что жаловаться, то винят Царя. Есть также жесткие решения, которые вам как Царю приходится принимать, и нередко будут обиженные, и от вас отвернется часть людей.

Вспомните знакомых вам наделенных властью людей. Сколь многие из них состоят в близкой дружбе с другими людьми? Оторванность от людей — она как бич на этом посту, и это нехорошо. Человек далек от своих партнеров, он ни с кем не совещается, никому не подотчетен. Он начинает считать себя единственным, кто что-то понимает, единственным, кто имеет право решать, единственным, чье мнение значимо. В этот момент его тянет к деспотии.

³³ Городок в штате Оклахома.

Добавим к этой растущей изоляции ощущение одиночества и — раз! — человек стал ходячей мишенью для соблазнов. Заметим — именно в такой момент на Давида свалилась напасть. Связь с Вирсавией началась весной, «...в то время, когда выходят цари в походы, Давид послал Иоава, и слуг своих с ним, и всех Израильян...» (2 Цар. 11:1). Сам Давид в походе не участвовал. Он остался дома, слонялся по дворцу и, как это случалось со многими мужчинами, заскучал, и — раз! — пошло-поехало. Живи он так, как должен жить Царь, и этого несчастья не было бы.

Мой искреннейший совет Царям: *не отрывайтесь от людей и не допускайте, чтобы вы оказались в изоляции*. Окружите себя хорошими советниками и прислушивайтесь к ним. Пусть ваши союзники и коллеги принимают решения, которые затрагивают ваши интересы. Ищите дружбы с другими мужчинами — Царями, если вам удастся их найти. Целеустремленно боритесь со своей изоляцией.

Понимаете, путь возмужания требует от нас целеустремленности. Мы — не пассивные наблюдатели происходящего. Мы должны в нем *участвовать*. Правда, пока мы еще мальчишки и юноши, нам нужны наши земные отцы и наш Небесный Отец, чтобы обеспечить импульс нашему продвижению по жизни. Они проявляют инициативу, поэтому процесс называется инициацией. Я выбрал ручей, тип удочки, взял Люка на рыбалку — он не смог бы это проделать сам. Однако к тому времени, когда мы перейдем на стадию Царя, наш Отец будет относиться к нам как к мужчинам, предоставив нам самостоятельно принимать многие решения, выбирать, продолжим ли мы свой путь к зрелости в качестве мужчин или нет. Он послал мне того рыбака на реке Саут-Платт, но я должен был сам принять решение смирить гордыню, подняться вверх по течению реки, познакомиться с тем парнем и выслушать его советы.

Путь к зрелости состоит в том, чтобы самостоятельно принимать все более осмысленные решения. Нет-нет, разумеется, пока вы были очень юными, ваши родители решали за вас даже то, какие носки вам сегодня надеть. Но в отношении мужчины это было бы ущемлением его мужественности. Ко времени, когда мы достигнем возраста Царя, Бог предоставит нам самим распоряжаться собственной жизнью. Из Писания вы можете выяснить, что Он позволял Царям совершать ужасные, иногда даже пагубные поступки. Он не относился к ним как к детям. Он в полной мере присутствует на нашем пути возмужания, при этом остается участливым, но Он также сохраняет некоторую дистанцию между нами и Собой, чтобы посмотреть, приблизимся мы к Нему или нет.

Выбор смирения и борьбы с изоляцией иногда оказывается довольно радикальным шагом, но нам придется снова и снова его совершать, чтобы преуспевать в качестве Царей.

Отец для юношей

Если говорить об отношениях с людьми, в которых нуждается Царь, то к этому моменту своей жизни вы обязаны стать отцом для многих нуждающихся в вас юношей. Иисус везде ходил со Своими учениками, молодыми людьми, которых Он наставлял. Давид привлек к себе многих воинов еще до того, как стал Царем, и они видели в нем своего вождя.

Где такая молодежь в вашей жизни?

Как вам отлично известно, существует множество людей, отчаянно нуждающихся в том, чтобы кто-нибудь указал им путь. В наше время большинство мужчин являются «незавершенными», не прошедшими инициацию мужчинами, которые понятия не имеют, куда себя деть. До такой степени разобщенности мы дошли потому, что в нашей культуре и в наших церквах перестали совершать мужскую инициацию. Сейчас мы должны бороться за то, чтобы этот обряд вернуть. Кто это сделает, если не вы? Некоторым из этих мальчиков и юношей просто нужен отец, чтобы дать их сердцам подтверждение их мужественности. Вы в состоянии помочь им ощутить себя Возлюбленными сыновьями. Некоторые из них — юные Ковбои, которых нужно позвать с собой в приключение. Другие — Воины, нуждающиеся в хорошем Царе, чтобы следовать за ним. В качестве Царя вы обязаны иметь собственный Круглый стол, где с вами будут молодые Воины. Кое-кто из страдающих от безотцовщины мужчин окажется даже Царем и Мудрецом — по крайней мере, в *возрасте Царя и Мудреца*, — но враг рода человеческого дискредитировал их в собственных глазах и тем самым обессилил, так что им нужен человек, который помог бы им вернуться на поле боя.

Друг Бога

Если бы мне было нужно назвать самое главное свойство человека, которое в нем необходимо воспитать, чтобы он смог стать хорошим Царем, я бы сказал, что это потребность в дружбе с Богом. Ведь если она есть, это может покрыть любые имеющиеся у человека недостатки, а если ее нет, то каким бы одаренным человек ни был, ему не стать таким Царем, который мог бы из него получиться при ином раскладе. Один из самых больших самообманов мужчины на стадии Царя — это идея, будто теперь он должен действовать, целиком опираясь на собственные силы. Это неверно. Он будет сталкиваться с новыми проблемами, более серьезными, и ставки будут намного выше. Жизнь многих людей зависит от вас, когда вы Царь.

Вернемся теперь к тексту послания Иоанна, описывающему качественно разные отношения с Богом, возникающие на разных стадиях жизни мужчины, и особое внимание уделим слову «отцы», которое в данном случае подразумевает зрелых мужчин.

Пишу вам, дети,
потому что прощены вам грехи ради имени Его.
Пишу вам, отцы,
потому что вы познали Сущего от начала.
Пишу вам, юноши,
потому что вы победили лукавого.
Пишу вам, отроки,
потому что вы познали Отца.
Я написал вам, отцы,
потому что вы познали Безначального.
Я написал вам, юноши,
потому что вы сильны,
и слово Божие пребывает в вас,
и вы победили лукавого.

1 Ин. 2:12-14

Обратите внимание на то, что зрелым мужчинам, отцам, Иоанн говорит практически одно и то же. Для них, старших, одна и та же мысль высказана апостолом дважды. Полагаю, что в этом повторе скрыто нечто важное. Он подразумевает что-то стабильное, что-то установившееся и уже не меняющееся. Отцы «познали Сущего от начала», они «познали Безначального». Прошедшее время глагола «познать» означает, что это знание с каких-то пор уже существует. Личная форма глагола «познали» подразумевает реальное, личностное, глубокое знание — так человек может знать своего лучшего друга. Сущий от начала — это Бог. Отцы — друзья Бога.

Сколько Царей вы знаете, которые ведут себя так, как если бы знали Бога таким образом, каким знают друг друга близкие друзья? По моему опыту — это редкостные исключения. Я бывал на сотнях богослужений, собраний правления, встреч руководителей высшего звена. Я знаю многих весьма успешных бизнесменов. Но очень редко встречался мне Царь, который вел бы себя как друг Бога. Крайне редко руководитель какого-нибудь предприятия во время дискуссии вдруг остановится и скажет: «Давайте попросим совета у Бога», а потом так и сделает, прямо там и в тот момент, и будет прислушиваться, в самом деле ожидая услышать этот совет. Но разве такие ежедневные дружеские обращения к Богу не были бы естественным проявлением особых отношений с Богом? Если Он с вами, разве вы не хотели бы узнать, что Он думает по интересующему вас вопросу?

Позвольте мне провести одно разграничение. Я считаю, что человек может быть хорошим Царем в семье, в школе, в церкви, в стране, не состоя в дружбе с Богом. Я уже упоминал Линкольна, Рузвельта и Черчилля. Не знаю, насколько близки были их отношения с Богом, но это были хорошие люди, и действовали они как хорошие Цари. Их смирение и мудрость принесли благие плоды. Тем не менее, чтобы быть в полном смысле слова мужчинами — такими, какими мужчин сотворил Бог,

саму свою жизнь мы должны искать в близких отношениях с Ним. Вспомним историю богатого юноши из начальствующих, который пришел к Иисусу:

И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: «не убивай»; «не прелюбодействуй»; «не кради»; «не лжесвидетельствуй»; «почитай отца и мать»; и: «люби ближнего твоего, как самого себя». Юноша говорит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Мф. 19:16-22

Этот юноша был хорошим человеком, нравственным. Это не притча о негодяе. И все же он претыкается обо что-то, что мешает ему следовать за Христом (он не хочет расстаться со своим богатством), и на этом его беседа с Учителем окончена. Джордж Макдональд очень многое дал мне для понимания этого текста. Это картина инициации: «Соблюдая заповеди, юноша нуждался в дальнейших уроках и был к ним готов. В тот момент Господь не оставил его без помощи, ибо Он пришел искать и спасать».

Юноша продвинулся так далеко, был в глазах Учителя так хорош, что Тот выказал ему высшее из возможных благоволений: согласился взять его с Собой, чтобы юноша следовал за Ним, постоянно был с Ним и разлучался с Ним только для того, чтобы делать для Него то, что Учитель делал для Своего Небесного Отца, — заступаться за людей, выступать посредником между Богом и людьми.

Следовать за Богом — смысл нашего существования. И все же юноша был не в состоянии решиться на этот шаг.

Так не было ли приглашение Господа преждевременным? Не был ли юноша просто к нему не готов? Может быть, этим приглашением Господь хотел испытать юношу, а не указать ему реальный путь к спасению? Не показал ли Он ребенку следующую ступень лестницы, слишком высокую, чтобы тот смог на нее шагнуть? Я так не считаю. Он дал ему урок, к которому тот был готов... А что этот урок не пропал даром, видно по тому, что юноша ушел опечаленным. Станет ли эта печаль в душе искреннего юноши возрастать или уменьшаться?

Однажды перед ним с абсолютной ясностью откроется истина о его поступке. Горьким должно стать это открытие. Он отказался от вечной жизни! С глубочайшим смирением и стыдом, но ища утешения в покаянии, он вернется к Учителю и оплачет свою неспособность усвоить урок.

«Непрочитанные проповеди»

Я и в самом деле надеюсь на то, что тот юноша раскаялся. Нам известна эта история, и приведена она для нашей пользы, так давайте же усвоим ее урок. Нам хорошо бы помнить, что мы, чтобы быть Царями в Божьем Царстве и помогать установить власть Бога здесь, на земле, должны следовать за Учителем. Мы должны научиться жить с Богом. Возможно, главная слабость, распространенная среди хороших людей, которые сейчас действуют в качестве Царей, выражается в том, что они не следуют за Богом. Они изучили все основные принципы руководства, у них проведен системный анализ, у них есть своя позиция, и исходя из этого они пытаются править. Они неплохие люди, но они живут, руководствуясь практическим агностицизмом — даже церковные руководители. Я знаю, что не может существовать так же много принципов, как много может

возникнуть ситуаций, в которых будет необходимо руководствоваться теми или иными принципами. Пришло время нападать или отступить? Можно ли доверять такому союзнику или это ловушка? Пришла ли пора расширить царство или следует совершенствовать то, что уже есть?

Два известных мне человека названы в Писании друзьями Бога. Это Авраам, о котором Бог говорит: «...Авраама, друга Моего...» (Ис. 41:8), и Моисей, о котором сказано: «...говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим...» (Исх. 33:11). Оба они были Царями, и оба вели с Богом задушевные беседы. Для них совершенно нормальным было говорить с Богом и слушать Его. Как может человек управлять тем, что ему дано, если он не находится в близких отношениях с Богом? Он просто по умолчанию будет полагаться на свой собственный разум, против чего как раз и предостерегает Писание (см.: Притч. 3:5).

Я призываю Царей к дружбе с Богом по двум причинам. Во-первых, наделенный властью человек способен принести либо великое благо, либо великое зло, и ему не хватит мудрости, чтобы самому разобраться в каждой возникающей ситуации. Смирение требует, чтобы он обращался к Богу, и обращался часто. Вспомним — сердце Царя предано Богу. «Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. <...> Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец» (Ин. 12:49-50).

Во-вторых, есть и более глубокая причина, нежели соображения целесообразности. Заключается она в высоком предназначении человека. Быть Царем и не знать Бога — все равно что быть сыном, который ведет часть семейного бизнеса, но никогда не разговаривает со своим отцом. Да, мы здесь, чтобы служить в качестве Царей, но это служение никогда не предназначалось для того, чтобы заменить нам отношения с Богом.

Как же искать дружбы с Богом? Одна из составляющих ответа на этот вопрос — быть ориентированными на установление отношений с Ним. У большинства людей день занят тем, чтобы сделать дела. Они ориентированы на то, чтобы решать проблемы, хвататься за возможности — словом, косить сено, пока роса. Один мой друг, седой Царь, занятый служением, признался мне пару дней назад: «Последние тридцать пять лет своей жизни я потратил на суету». Чтобы стать другом Бога, нужно ориентироваться на следование за Ним в течение всего дня. Это состояние, в котором вы помните о Боге и спрашиваете Его: «Чего Ты хочешь, Боже?» и «К чему это идет? Какого решения Ты ждешь от меня?»

К такому состоянию, к ориентированности на установление отношений с Богом, я добавил бы открытое сердце. Сердце на замке — это тоже одна из причин, по которой большинство людей не знают Бога так, как об этом знании говорит Иоанн. Они примерно столько же знают о жизни своего сердца, сколько о текущей фазе лунного цикла. Их внутренняя жизнь для них темный лес, потому что они никогда не отваживались жить жизнью сердца. А если ваше сердце не пробудилось, вы не можете знать Бога.

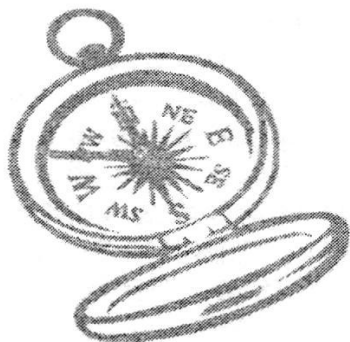
И, наконец, простите за банальность, вы должны действительно хотеть приблизиться к Богу. Потому что, пока вы этого не захотите, вы не сможете бороться за время, необходимое для углубления дружбы с Богом. Я имею в виду, что вам чем-то придется жертвовать. Бог не предлагает Своей дружбы людям, которые не настолько в ней заинтересованы, чтобы найти для нее время. Мне самому тревожно думать о том, как часто я уваливал от того, чтобы побыть с Богом. Не знаю даже, почему. Но я заметил одну вещь: мужчин раздражает, когда что-то вмешивается в их планы. Бог — это высшее препятствие. Один благочестивый человек недавно мне признался: «Я не хочу Его ни о чем спрашивать, потому что не хочу услышать „нет“». Мы не хотим, чтобы были сорваны наши планы.

Но, разумеется, дружить с Богом вы будете учиться тогда, когда примете исходную посылку этой книги: ваша жизнь мужчины — это процесс инициации вашей мужественности, пройти который вам предлагает ваш истинный Отец. На этом пути, во всех многочисленных событиях на стадиях Возлюбленного сына, Ковбоя, Воина, Любящего, чему бы вы ни учились, вы будете учиться дружить с Богом, потому что Он дружит с вами.

Отец, пробуди во мне Царя. Воспита́й во мне сердце Царя. Помоги мне достойно править во имя Твое. Научи меня быть таким Царем, как Иисус. Помоги мне, грешному, править праведно. Но прежде всего научи меня быть Твоим другом. Открой мое сердце, чтобы я смог понять, что Ты мне говоришь, и веди меня. Покажи мне, как углубить с Тобой отношения, стать с Тобой одним, как Иисус с Тобой — одно. Во всем.

И покажи мне людей, отеческое наставление которых Ты хотел бы мне поручить. Покажи мне, на какой они, вне зависимости от возраста, стадии, и как дать им то, что им нужно. Научи меня, как провести инициацию моих сыновей, чтобы они стали хорошими Царями.

14 МУДРЕЦ

Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина.

Притч. 20:29

Я никогда не намеревался стать писателем — просто так вышло. Когда я был еще Возлюбленным сыном, я, как и большинство мальчишек, не особенно задумывался над тем, кем, когда вырасту, стану, а если и задумывался, то мечтал стать Бэтменом, потом — ковбоем, как мой дед, а потом — гонщиком. Когда я стал христианином (лет в девятнадцать), я считал, что должен поступить в семинарию и стать пастором, так как к тому времени осознал, что хочу посвятить свою жизнь Богу, что хочу изменить мир (как юный Воин), и пасторство было единственно доступным мне христианским служением (многие, многие молодые люди ощущают то же самое и переживают внутренний конфликт из-за того, что их таланты и стремления относятся к другим областям). И слишком много лет я не имел представления о том, что мне следует делать в жизни.

Писательство однажды пришло ко мне само, в кафе за чашечкой кофе, когда мы разговаривали с Брентом о цикле лекций, которые позже легли в основу нашей общей книги «Священный роман». Он сказал: «Думаю, нам нужно написать обо всем этом книгу — по-моему, найдется еще немало людей, которым интересно будет узнать, о чем мы рассказываем». «О, небо! — вздохнул я. — Брент, у меня нет на это времени». Я работал сорок с лишним часов в неделю, да еще учился в аспирантуре, отдавая все, что от меня оставалось (зачастую совсем немного), Стейси и детям. Наступила долгая пауза, а потом Брент сказал: «Ладно. Я думаю, что мы должны это сделать, но если ты не хочешь... Почему бы тебе об этом не подумать?» Я встал и вышел из кафе. Забавно, как в такие простые мгновенья меняется наша судьба. Ко времени, когда я завел свой старенький внедорожник 1971 года выпуска, я уже был готов сесть за книгу.

В последующие девять лет у меня не было формального наставника в писательском мастерстве, не было земного отца, который руководил бы мной в этом прекрасном, ужасном, одиноком деле, преисполненном всяческих опасностей. Но множеством известных и неизвестных мне способов меня наставлял Небесный Отец, и в самый подходящий момент Он послал мне одного-двух Мудрецов. А для этой книги таким Мудрецом стал Норман Маклин.

Чтобы было понятнее, каким образом к нам могут приходиться Мудрецы — каким образом пришел ко мне Норман Маклин, — позвольте сначала рассказать вам, как я пишу. Мое утро начинается с сосредоточенной молитвы — не в силу какого-то великого благочестия, а сугубо по необходимости (без этого я ни на что не способен, брожу как в тумане). Потом завтрак, после которого я занимаюсь самыми неотложными, абсолютно обязательными делами, сопротивляясь

искушению откликнуться на каждое сообщение по электронной почте и записанный телефонный звонок. Полчаса, не более. Затем начинается мой писательский день. Моим излюбленным местом для литературных занятий стал сеновал на конюшне нашего ранчо — такое созвучное теме этой книги место и такое подходящее для писательства вообще, ведь, как сказала Энни Диллард, это занятие похоже на объездку дикой лошади: «Каждое утро нужно идти и снова ее ловить».

Но, увы, я не всегда могу там находиться, даже не могу проводить там большую часть своего времени, поэтому многие страницы этой книги написаны в моем домашнем кабинете. В любом из этих мест я, прежде чем начать писать, делаю две вещи. Во-первых, я просматриваю те слова и фразы, которые Бог послал мне до того, как я приступил к делу, или уже в самом процессе, слова и фразы, занесенные мной на карточки размером 3 на 5 дюймов. В других книгах я уже говорил, насколько считаю это важным, так как один из первых шагов в любом серьезном деле — это попросить у Бога совета. «Предваряющие слова» — так я стал их называть, а причина просить их у Бога состоит в том, что очень часто, когда дело уже пошло, вы не можете за деревьями увидеть леса. Достичь какой-то ясности в разгар процесса писания обычно гораздо труднее, чем до того, как поднимется целое облако пыли. Как сказал Эйзенхауэр, планирование перед битвой — это все, но как только она начнется, военные действия превращаются в хаос. Вы знаете, что это правда.

Одним из таких сказанных Богом «предваряющих слов» было слово «вместе» — в том смысле, что мы сделаем это вместе. «...Отец, пребывающий во Мне,

Он творит дела» (Ин. 14:10). О чем, конечно, и написана вся эта книга. На одной из карточек есть цитата из Писания, которую Бог напомнил мне примерно за год до начала работы: «Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати сердце твое на дорогу, на путь, по которому ты шла...» (Иер. 31:21). В то время я думал, что мне нужно обратить внимание на сам этот стих, но не находил в нем какого-то особого смысла, пока не начал писать эту книгу о пути возмужания. Тогда я расслышал эти слова Святого Духа, словно звон туго натянутой тетивы. Бог также послал мне очень добрые слова: «Евангелие — не справочник, дающий исчерпывающую информацию». Это было Его реакцией на мой страх, что я не все смогу разъяснить, на каждой странице упуская какие-то критически важные моменты. Я подумал: «Верно, Евангелие не похоже на учебник систематического богословия», и на сердце у меня полегчало. Есть на моих белых карточках и другие «предваряющие слова», которые я очень ценю, но не хочу вам наскучить, приводя их все. Я пытаюсь раскрыть мою тему, тему Мудреца.

Далее, я сажусь за стол и припадаю к моему источнику — книгам писателей, которые писали лучше, чем я, — чтобы вспомнить, что такое хорошая литература, дать ей в меня впитаться, укрепить меня, как много лет назад я смотрел на упражнения своего наставника с самурайским мечом, прежде чем сам взял в руки меч. При написании мной этой книги Бог вложил мне в руки (довольно счастливым образом) замечательное произведение Нормана Маклина, автора книги «Там, где течет река». В конце жизни — собственно, вплоть до самой смерти — Маклин писал еще одну книгу, «Юноши и огонь», своего рода детектив о лесном пожаре 1949 года в районе города Манн-Галч (штат Монтана), унесшем жизнь тринадцати молодых пожарных. Во многих отношениях эта книга превосходна (в «New York Times» ее назвали «величественной драмой»), и мне так много дали ее стиль, ее ритм, ее фактографичность. Воздействие на меня слов Нормана Маклина, его жизненной позиции и жизненного опыта, отраженных на страницах этой книги, я даже не берусь описать.

Итак, при создании этой книги Норман Маклин был моим Мудрецом. Я сижу у его ног (важное напоминание о том, что наставники и отцы не обязательно должны физически присутствовать, их даже может не быть в живых).

Маклину исполнилось семьдесят четыре года, когда он начал работу над «Юношами и огнем». С учетом его философии, которую он называл «антимарионеточной» в смысле сопротивления отстранению от дел в связи с преклонным возрастом, это было для него чрезвычайно важно. Преодолев еще одно из множества препятствий, Маклин рассказывает:

Я сидел в своем кабинете, объясняя самому себе, может быть даже жестами, свою доморощенную «антимарионеточную» философию, суть которой сводилась к тому, что,

когда мои годы уже превосходят библейский возраст смерти³⁴, мне все равно следует что-то делать. Мне хотелось, чтобы несмотря на мое долголетие моя жизнь, как всегда, была трудна, но содержала и что-то новое, что-то, чего я не делал раньше, например не писал таких книг. Конечно, это будет трудно — писать нечто новое. У меня должен появиться новый взгляд на вещи, которые я знал почти всю свою жизнь, такие как образование и леса.

Маклину было за восемьдесят, когда он написал эти слова, — сбор материалов для книги потребовал многолетних изысканий, — и тем не менее он хотел сделать свою жизнь еще *труднее*? Писать *новое*? Я был этим поражен. К этому возрасту большинство мужчин уходят на пенсию, проводят свои дни за игрой в бинго или просмотром познавательных телепередач. Маклин берется за очень трудную книгу, отчасти надеясь, что это спасет его «от кормления гусей». Таково сердце Мудреца — в последние годы жизни он стремится внести наибольший вклад в общее дело.

Поскольку этот пожар отнял больше жизней пожарных, чем любой предшествующий, его незамедлительно накрыла дымовая завеса противоречивых суждений, и ко времени, когда он был окончательно потушен, многие важные факты оказались «утрачены» правительством США, которое, как иронически пишет Маклин, «иногда, конечно, прячет факты, чтобы не подставлять своей шеи, а иногда, кажется, просто на них плюет». Поиски истины оказались трудным делом. Маклин, уроженец Монтаны, предпринял несколько поездок в гористую местность, где находится Манн-Галч, причем последнюю в свои семьдесят семь лет. В городе Хелене в тот день была зарегистрирована температура воздуха тридцать четыре градуса, а в районе Манн-Галча, по оценкам специалистов лесной службы, приближалась к пятидесяти градусам. «На пути назад я перестал тревожиться по поводу смерти от сердечного приступа. Еще до того, как я перевалил через гребень, более естественной стала выглядеть смерть от обезвоживания...»

Своей «антимарионеточной» философией Маклин внес большой вклад как в литературное творчество, так и в дело изучения (а значит, и предотвращения) особо опасных лесных пожаров, чтобы никто больше не разделил участи тех, чьи жизни исковеркал этот пожар. Его целеустремленность, я надеюсь, может послужить для нас источником вдохновения на стадии Мудреца. В заметках, которые он составлял для предисловия к «Юношам и огню» (книга была издана посмертно — Маклин отдавал себя работе над ней до последнего вздоха), престарелый Мудрец пишет так:

Проблема самоидентификации — это не просто проблема юности. Эта проблема возникает все время. Она должна терзать вас и в старости, а если это не так, это должно подсказать вам, что вы умерли.

Значительно превзойдя библейский срок жизни в семь десятков лет, я все сильнее ощущаю, что выразить свою благодарность за мое продолжающееся пребывание на поверхности земли я могу, только не коснея в том, что я до сих пор знал и любил. Пока вокруг меня есть атмосфера, есть и все новые и новые возможности любить, особенно если к любви причислить сочувствие.

Последняя стадия на пути возмужания

Вы видите, что стадии Мудреца я посвятил только одну главу. Смирение требует, чтобы здесь я был краток, так как сам я на этой стадии еще не был и за свою жизнь встретил очень мало тех, кто на ней

побывал. Поэтому мои замечания основаны скорее на наблюдениях, чем на личном опыте. А в таких случаях мы должны испытывать нерешительность. Мне вспоминаются строки, прочитанные мной у оксфордского епископа Ричарда Харриса:

³⁴ См.: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет...» (Пс. 89:10).

Одним из самых примечательных религиозных изданий этого столетия была книга проповедей Гарри Уильямса, озаглавленная «Подлинный простор». Она обращена к миллионам людей, поскольку, как заявляет автор, в своей жизни он подошел к такому моменту, когда не хочет проповедовать что-то, что не было подтверждено его личным опытом.

В этом секрет по-настоящему сильного проповедника, который способен воздействовать на людей, который способен стать могущественным орудием Бога. Можете себе представить, что будет, если каждый пастор будет руководствоваться этим же принципом? Слишком много людей со слишком большой готовностью предлагают вам свои мысли о том, в чем у них нет настоящего, то есть личного, опыта — особенно опыта общения с Богом, так что их «мудрость» не основана на реальности. В лучшем случае это теория, а скорее всего — схоластика, непроверенная и неподтвержденная. В худшем случае доходит и до кражи чужих идей. Этот мусор занимает полки большинства книжных магазинов. С другой стороны, Мудрец знает, о чем говорит, потому что говорит он это на основе собственного опыта, черпает из изобильного источника самопознания. Так говорят об Иисусе: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий...» (Мк. 1:22).

Итак, что касается стадии Мудреца, я буду краток.

Я бы отнес начало стадии Мудреца к закатным годам Царя, к возрасту лет в шестьдесят-семьдесят. Приходит время, когда Царь должен уступить свой престол. Это не подразумевает его поражения. Это подразумевает, что пришло время самому стать Мудрецом, а место Царя уступить другому человеку. Слишком много Царей слишком долго цеплялись за свои троны. Эти Цари становились буквально никем после того, как расставались со своими престолами (что указывает на то, сколь многое в самоидентификации они связывали со своим положением). Очевидно, что на стадии Мудреца «владения» мужчины могут уменьшиться — он уходит со своего поста, возможно, переезжает в дом или квартиру поменьше, живет на небольшую пенсию. Но влияние его фактически должно возрасти. Это не время отправляться на курорт в Форт-Лодердейл, чтобы, как говорит Билли Кристал, «расхаживая по аллеям, выискивать максимально обезжиренный йогурт и бормотать про себя: „Отчего это дети не звонят, отчего это дети не звонят?“», ведь теперь этот мужчина становится наставником для тех мужчин, которые творят историю.

Лучший библейский прообраз на этот случай, конечно, Соломон, но лично мне часто вспоминается Павел, пишущий свои послания из узилища. Рембрандт оставил нам замечательную картину, где старый Мудрец, опершись локтем о стол и подперев ладонью щеку, составляет свое послание при свете догорающей свечи. Кому? Ефесянам? Филиппийцам? Колоссянам? Особенно мне нравятся послания Павла к Тимофею, написанные в тоне обращения любящего отца к сыну, Мудреца — к Воину и Царю.

Самым сильным прообразом Мудреца в кельтской мифологии и рыцарских романах, безусловно, будет Мерлин, без которого Артур никогда не смог бы стать Царем (Царю нужен Мудрец, и хорошая проверка смиренности Царя — это ответ на вопрос, есть ли у него Мудрец и прислушивается ли он к его советам). К. С. Льюис воскрешает образ Мерлина в одном из лучших своих романов «Мерзейшая мощь», в котором старый кельт становится советником для горстки христиан, отчаянно выступающих против злой силы, стремящейся поработить мир. Льюис также дал нам образы доктора Корнелиуса, невысоконогого наставника принца Каспиана, и Профессора, в чьем доме дети нашли платяной шкаф и благодаря чьей мудрости они избавлены от бесплодной рассудочности и перенесены в удивительный мир Нарнии.

Учитывая, как трудно найти своего Мудреца, вы можете временно черпать силу и вдохновение у тех Мудрецов, которых мы встречаем в книгах и фильмах. Йода — классический Мудрец: «Страх порождает ярость, ярость порождает ненависть, ненависть порождает страдание». Есть еще замечательный старый священник в «Графе Монте-Кристо»: «И вот тебе последний урок: не совершай преступление, за которое сейчас отбываешь наказание. Бог сказал: „...Мне отмщение, Я воздам...“». «Я не верю в Бога», — отвечает Дантес. «Это не имеет значения. Он верит в тебя». Есть Мудрец, спасающий Фаворита, — лошажник Том Смит, советник Чарльза Хауарда, старого Царя, и

Реда, юного Воина³⁵. «Не могу избавиться от чувства, что его настолько довели, заставляя бегать по кругу, что он подзабыл, для чего рожден. Ему просто нужно заново научиться быть призовым скакуном».

Бальян потерял своего отца, прежде чем достиг Иерусалима, но он не остался одинок. В тот момент появился рыцарь и одновременно монах, благодаря советам которого Бальян успешно продвигается в опасных политических и религиозных водах Иерусалима эпохи крестовых походов. Бальян не слышит голоса Бога и жалуется: «Бог не говорит со мной. Даже на том холме, где умер Христос. Я живу без Божьей благодати», на что монах сочувственно отвечает: «Я этих слов не слышал». — «Все равно я, похоже, прощаюсь со своей религией». — «Для меня религия ничего не стоит. В качестве религии я слышал безумства фанатиков всех вероисповеданий, и они называли это Божьей волей. Праведность состоит в *правильных поступках*. И в мужестве защищать тех, кто не может постоять за себя сам. И в доброте. То, что нужно Богу, у тебя здесь, — отвечает он, указывая на голову Бальяна, — и здесь, — он указывает на сердце. — И благодаря твоим ежедневным решениям, как поступить, ты будешь хорошим человеком. Или не будешь им».

И, наконец, есть Гэндальф, герой из героев во «Властелине колец». На него смотрят все — юные Ковбои, Воины и Цари. Я считаю, что в нем заключается секрет успеха трилогии, так как в нем находит свой мифологический отклик стремление, сокрытое в глубинах сердца каждого из нас, — чтобы по нашему пути рядом с нами шел истинный Мудрец. Безусловно, он, как это показано Толкиеном, прошел все стадии возмужания. Он первым избран Элрондом в Братство кольца: «Это будет его величайшее задание и, может быть, конец всей его работы»³⁶. И когда Средиземье было избавлено от опасностей, Арагорн хочет, чтобы его короновал Гэндальф. «В знак этого прошу я Хранителя Кольца вручить мне корону, а Митрандира [Гэндальфа] надеть мне ее на голову, ибо он был главным организатором всех нас, и это его победа»³⁷.

В Книге Притчей сказано: «Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина» (Притч. 20:29). Насколько необходимо иметь седые волосы (и вообще оставшиеся волосы, с надеждой может спросить кто-нибудь)? У всех Мудрецов, которых я сейчас упомянул, волосы были седыми. За исключением, может быть, Йоды, три волоска которого кажутся мне зелеными, к тому же растущими из ушей (что тоже может стать утешением для людей в возрасте). Может ли быть Мудрецом человек, не достигший старости? Разумеется, в некоторой степени да. Соломон был Царем, когда писал Книгу Притчей. Но, опять же дар своей необыкновенной мудрости он получил от Бога. Мудрецом, безусловно, был Иисус, ведь нет учения, по глубине и милосердию хотя бы приближающегося к Его учению. А Иисусу было едва за тридцать. Итак, да, еще нестарый человек способен поделиться своей мудростью, опытом, предложить свои советы, объяснения, что я сам, кстати, пытаюсь сделать в этой книге.

И все же... есть такие вещи, которые мы просто не можем узнать или понять, пока не проживем те годы жизни, окончание которых знаменуется появлением седины. Скажем, вы направляетесь воевать на Ближний Восток. Предпочтете ли вы провести час с молодым офицером из Уэст-Пойнта, лучшим в своем выпуске и защитившим диплом по ближневосточным конфликтам, или проведете это время с Норманом Шварцкопом?³⁸ Я все сказал. Точно так же, как вы не захотите, чтобы молодой человек слишком рано стал Царем, вы не захотите, чтобы он слишком рано стал Мудрецом, какие бы у него ни были к этому задатки.

И что же такого нам предлагает Мудрец?

Мы живем в век *специалистов*, и это до такой степени стало для нас привычным, что мы порой об этом даже не задумываемся. Самые изощренные достижения науки и техники теперь доступны любому, у кого есть выход в Интернет. Если у нашего врача плохие новости для нас, мы,

³⁵ Герои американского фильма «Фаворит» реж. Г. Росса (2003).

³⁶ Дж. Р. Р. Толкиен, «Властелин колец». Кн. 2, гл. 3.

³⁷ Дж. Р. Р. Толкиен, «Возвращение короля». Кн. 6, гл. 5.

³⁸ Американский военачальник, возглавлявший группировку Многонациональных сил во время войны в Персидском заливе в 1990-1991 гг.

естественно, бросимся проверять диагноз у второго и третьего специалиста. Бизнесмены постоянно пользуются услугами консультантов, чтобы обогнать конкурентов, да и церкви уже всерьез занялись пиаром. Такое стремление «обратиться к специалисту» стало для нас одной из аксиом, и я задумываюсь о том, не объясняет ли это хотя бы отчасти то, почему мы не в состоянии понять, даже распознать настоящего Мудреца.

В бизнес-кругах специалистов иногда даже так и называют — Мудрецами.

Но между теми и другими — глубокая пропасть.

Мудрец отличается от специалиста настолько, насколько Любящий отличается от инженера. Прежде всего, профессиональная компетентность часто не имеет никакого отношения к жизни с Богом, фактически может даже уводить нас от Бога. Ведь компетентность специалиста дает нам привычную уверенность в том, что он держит ситуацию под контролем и что то же самое доступно и нам, стоит нам только ему довериться. За это мы его и любим. «Численность паствы вашей церкви не возрастает по той простой причине, что вы должным образом не рекламируете себя своим потенциальным прихожанам». С человеческой точки зрения такой подход может казаться правильным, может приносить какие-то результаты. Но разве не лучше спросить у Бога, почему ваша церковь не возрастает? Психология «компетентности» невероятно близка к психологии строителей Вавилонской башни. «Мы покорили природу. Благодаря нашей профессиональной компетентности мы властны над своей судьбой». А ведь мы знаем, как относится к этому Бог.

Нет, конечно же, ничего плохого в профессиональной компетентности нет. Я бы первый бросился искать лучшего в стране кардиохирурга, если бы моему сыну вдруг потребовалась операция на сердце. И все-таки почему получается так, что мы видим вокруг себя настолько мало Мудрецов, что большинство из нас встречается с ними только в вымышленных историях, подобных упомянутым выше? В том ли дело, что они не существуют, или, может быть, из-за нашего преклонения перед специалистами, чуть ли не их обожествления, Мудрецы отодвигаются на задний план? И как нам быть с библейским наставлением, которое учит: «...все, что не по вере, — грех» (Рим. 14:23). Где бы и когда бы мы ни обращали наши упования на что-то, что не от Бога, — это грех. Помня о необъяснимом нежелании рода человеческого во всем полагаться на Бога и о его практически безудержном стремлении полагаться на что-либо другое, не согласитесь ли вы, что наш культ специалистов фактически провоцирует безбожие, несмотря на все наше внутреннее сопротивление этому факту?

С другой стороны, Мудрец общается с Богом, и это жизнь, совершенно отличная от бытия специалиста и, безусловно, его превосходящая. Что бы он вам ни советовал, он ведет вас к Богу. О, да, у вашего Мудреца есть мудрость, накопленная за многие годы жизни, и эта мудрость является одним из величайших его достоинств. Но он научился не полагаться на свою мудрость, зная, что Бог зачастую призывает нас к тому, что противоречит нашей интуиции, и потому его мудрость (и профессиональная компетентность) полностью покорна Богу. Одним из главных отличий Мудреца от специалиста можно было бы назвать смирение, ибо сам Мудрец себя к таковым не относит. «Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него» (Притч. 26:12). Таким образом, мы можем не знать, что сидим за одним столом с Мудрецом, потому что он хранит молчание, пока талдычат без умолку специалисты.

Специалисты производят сильное впечатление. Мудрец приближает нас к Богу. Он может предложить нам свое присутствие, богатство души, которая долго жила с Богом.

Много лет назад несколько моих коллег — все мы были тогда юными Воинами — начали составлять что-то вроде заговора по свержению плохого Царя, под чьим началом проходило наше служение. Мы собрались на ужин в расположенном в подвале немецком ресторанчике, чтобы с глазу на глаз поговорить с одним Мудрецом, который согласился с нами встретиться. Каменные стены, винный погребок, разговоры о революции — атмосфера была как на сходке французского Сопротивления, а может быть, как на встрече Лютера с собратьями в канун Реформации. Мудрецу, как я теперь понимаю, ясно была видна вся наша наивность и все наши недостатки, но он был с нами добр, бесконечно терпелив и не торопился указывать нам на наши многочисленные ошибки. Вместо этого, как мне вспоминается, он дал нам надежду. «Возможно, Бог устроил все это просто для того,

чтобы собрать вас вместе». Мудрые слова! Они увели нас от революции, зато вселили чувство собственного достоинства и надежду.

В вашем непосредственном окружении может и не быть Мудрецов, но у вас есть возможность их поискать.

Когда начатое нами в 2000 году служение с организационной стороны стало напоминать дикого мустанга, я понял, что отчаянно нуждаюсь в совете. Я разыскал знаменитого пастора, имя которого из уважения к его скромности называть не буду. Мы сидели в кафе, и я озадачивал его вопросами о том, как набирает силу его собственное служение и как он с ним управляется. «Конечно, мне нравится этим заниматься. Но Бог призывает меня делать кое-какие вещи, делать которые я не хочу, но все же их делаю, потому что это требуется для моего царства». Это и был порог, который я готовился переступить, — став Царем, возложить на себя нежеланное бремя, потому что чувствовал, что к этому меня призывает Бог. И хотя это откровение старого праведника оказалось для меня чрезвычайно полезным, за те два часа беседы я получил еще нечто очень важное, что мне до сих пор трудно выразить словами. Сидеть рядом с человеком, который свыше семидесяти лет жил с Богом, — словно побыть с отцом, словно встретить взгляд мудрого и доброго собеседника, чье сердце с готовностью откликается, чтобы подтвердить вашу правоту и дать вам совет — вот та духовная пища, которая необходима душе. С этим так резко контрастировали все годы моего одиночества и безотцовщины. Я готов был заплакать.

И есть Мудрецы, к которым я обращаюсь, потому что они продолжают говорить с нами в своих книгах. Два года назад меня пригласили принять участие в конференции на Северо-Западе, и хотя я редко откликаюсь на подобные приглашения, я почувствовал, что Бог хочет, чтобы я поехал. Мое нежелание отчасти объяснялось нехваткой времени, но в большей степени тем предчувствием, что я буду там как вытщенная из воды рыба, что у меня проявятся серьезные расхождения с организаторами конференции. Выходя из дома, чтобы ехать в аэропорт, я ощутил, что Дух побуждает меня взять с собой «Непрочитанные проповеди» Джорджа Макдональда (которые я уже несколько раз цитировал в этой книге). Описываемая им на этих страницах праведность... прекрасна. Лучшее из всего, что мне удалось найти.

Как я и опасался, участие в конференции для меня оказалось чрезвычайно трудным — хотя, возможно, только в отношении моей внутренней, духовной жизни, — почти постоянно вынуждая принимать ответственные решения, чтобы не сделать что-то нечестное и несправедливое. В воздухе клубился фимиам религиозного успеха (самого опасного рода), и я, хотя и чувствовал, что что-то не так, затруднялся выразить это словами. Я возвращался в свой номер и доставал книгу Макдональда, открывал ее на первой попавшейся странице и находил якорь для души, нестигаемую честность, призыв к чему-то высшему. По-настоящему спасительным для меня стал такой отрывок: «Коль скоро служение совершается ради славы и почестей, а не ради самого служения, совершающий его... оказывается за пределами Царства». Сказано колко, но укол так хорош! — ведь он побудил меня проверить, какие мотивы движут мной во всем со мной происходящем.

Надеюсь, вам представится возможность побеседовать с истинным Мудрецом, и тогда вы почувствуете, что есть, есть нечто невыразимое, что проявляется в общении с много прожившим человеком. Это больше, чем просто мудрость, много больше, чем профессиональная компетентность. Это груз многих прожитых зим.

Я возвращаюсь к решению Нормана Маклина до самого конца жить полной жизнью. «...Есть и все новые и новые возможности любить, особенно если к любви причислить сочувствие». Сочувствие. Вот прекрасное слово! Размышляя о Мудрецах, которых я знаю и люблю, я понимаю: «Да, это оно — та основа, что просматривается за советами Мудреца. Это его сочувствие». Есть нечто, что человек, проживший большую жизнь, несет в себе, чему нельзя научиться у тех, кто младше, какими бы одаренными они ни были. Важная составляющая здесь — богатство жизненного опыта. Это существенная составляющая, но, думаю, вы заметите, что истинный Мудрец делится своей мудростью, приобретенной вместе с богатым жизненным опытом, с той смиренностью, чуткостью и добротой, которые, по-моему, лучше всего и назвать сочувствием.

Мудрецу не нужно, чтобы к нему прислушивались, как это может быть нужно Воину, ему не нужно властвовать, как Царю. В общении с ним находится место для вас — неважно, кто вы и какой

вы. У вас возникает взаимопонимание. У него нет грандиозных планов, и ему уже нечего терять. То, что он вам предлагает, он предлагает с добротой, но и с разборчивостью, шестым чувством определяя, у кого есть уши, чтобы слышать, а у кого их нет. Так что его слова высказываются правильным тоном, в то время, в которое нужно, и тому человеку, которому нужно их высказать. Он не станет смущать вас вещами, которые вам знать необязательно, не станет обременять вас тем, что вы не в силах вынести, не станет стыдить вас за недостатки, которые вы пока не готовы преодолевать, хотя все это он ясно видит. Потому что он мудр и сочувствует вам.

Несостоявшиеся и раненые

Сердце Мудреца в мужчине остается недоразвитым, если он всю жизнь вел себя глупо, либо отказываясь идти по пути возмужания, либо отказываясь понимать, какие шаги он делает на этом пути. Такой человек видит своей целью не возмужание, а что-то другое — жизненный успех, обычно сводящийся к удовольствиям, или безопасность, подразумевающую путь наименьшего сопротивления. Это люди, которые свои золотые годы тратят на прогулки с собакой или на игру в гольф. Глупец мог прожить много зим, но, похоже, это не принесло ему ничего, кроме усталости или, может быть, цинизма. Писание считает глупым человека, который не подчиняет свою жизнь мудрости, который отказывается учиться всему тому, чему должна научить его жизнь. «Глупый пренебрегает наставлением отца своего...» (Притч. 15:5). К сожалению, есть множество престарелых глупцов — это известно всякому, кто бывает в конгрессе, в университетах или в недрах религиозной бюрократии. Седина еще не делает из человека Мудреца. Нет сомнений, что вы уже знаете это по собственному опыту.

В сердце Мудреца появляется рана, когда его отвергают, как «бывшего», как человека слишком старого, которому больше нечего сказать. Мне вспоминается выражение, услышанное много лет назад и относящееся к людям, которые возглавляли церковь в начале XX века: «люди вчерашнего дня». В то время мне это выражение нравилось. В тот момент я чувствовал зуд юного Воина, что-то во мне откликалось на эти слова: «Все правильно — этим ребятам пора уйти; теперь наша очередь». Задним числом я раскаиваюсь в своей заносчивости. Сейчас, на двадцать лет ниже по течению реки времени, мне это выражение ненавистно. Нам нужно, чтобы вокруг нас было больше людей, которые прожили навсегда ушедший день, видели его, и даже если неодинаково доблестно прошли все предложенные им испытания, зато усвоили их уроки. Юные Воины иногда не впускают пожилых людей в свою жизнь потому, что те больше не жаждут участвовать в битвах, или просто потому, что они «из другого поколения». Лозунг 1960-х: «Не верь никому, кому за тридцать».

Не имеющий уверенности в себе Царь зачастую изгоняет из своего окружения старых людей, принуждает их к ранней отставке, опасаясь, что старые люди знают больше него. Наша западная прогрессивная культура уже годами изгоняет старость, потому что мы поклоняемся молодости. Наши герои — юные красавчики. Это «победители». Мы поклоняемся молодости, потому что не хотим взрослеть, не хотим платить за свое взросление. Именно поэтому мы сейчас живем в мире не прошедших инициацию мужчин. Итак, в сердце Мудреца появляется рана, когда его отвергают или отправляют в «ссылку» в курортный Скоттсдейл, в чем большой разницы нет. Слово бы никому не нужно то, что он может сказать, и со временем он начинает думать, что и в самом деле сказать-то ему нечего.

Таковы, по крайней мере, мои наблюдения. У меня нет сомнений в том, что есть и другие ситуации, в которых у Мудрецов появляется рана, и я попрошу их об этом рассказать, когда разыщу их. Потому что мы еще должны разыскивать их, братья мои.

Становление Мудреца

Величайший дар, который вы можете преподнести Мудрецу, — это сидеть у его ног и задавать ему вопросы. Я помню, как озарялось лицо моего деда с материнской стороны, когда я спрашивал его мнение о чем бы то ни было или просто просил рассказать какую-нибудь историю из его жизни. Он и бабушка были ирландскими католиками, людьми вспыльчивыми и упрямыми, оба любили ирландский виски. Они жили в маленькой квартирке, много времени проводили наедине друг с

другом, и после пятидесяти пяти лет брака достигли, так сказать, сердечной глухоты — бабушка больше не хотела слышать мнения дедушки о чем бы то ни было. Пророк без чести в собственном доме. Когда я приезжал летом, дед сиял, словно сбросив лет двадцать, ходил быстрее, разговаривал с энтузиазмом, сильно жестикулируя, потому что появлялся ученик, готовый учиться у него.

Важно, чтобы мы Мудрецов о чем-то просили, потому что зачастую в своем смирении они не будут ничего нам предлагать, пока мы к ним не обратимся. Просить их важно еще и потому, что нередко сам Мудрец не осознает всего, что он знает. Это наши вопросы воодушевляют его, пробуждают в нем воспоминания, подобно тому, как разгораются тлеющие угли, если их ворошить. Таким образом мы помогаем становлению Мудреца.

Далее, если вы молоды, не стоит особенно тревожиться об этой стадии, так как в должное время она придет сама собой. Пока вы молоды, посвятите себя тому, чтобы оставить как можно меньше «пропусков» в собственной жизни. Усвойте свои уроки. Обратите внимание на все, чему вас учит Бог. Идите туда, куда ведет вас путь. Изучайте Писание. Чаще уделяйте время мыслям мудрых людей, живых или умерших, потому что именно так мы и сами становимся Мудрецами.

Вы, отцы, воспитывающие сыновей, лучшее, что вы можете сделать для подготовки юношей к этой стадии, — это преподать им уроки мудрости. В мастерской и на природе, с помощью правильно подобранных слов и даже молитвы покажите им, что *существует естественная логика вещей*. Совершаемая вами инициация даст им понять, что путь глупца в жизни бесплоден.

Что касается вас, люди постарше, если в вас не сформировался Мудрец, потому что вы не прошли пути возмужания или не обратили внимания на его уроки, что ж, вам надо срочно браться за дело, потому что уходит время. В эту пору у вас уже нет нескольких лет, чтобы вернуться назад и набраться достаточно опыта во всем, в чем вы нуждаетесь. Вам лучше приблизиться к Богу, пусть это поможет вам сосредоточиться на том, чему Он сейчас хочет вас научить. Кому-то из вас просто нужно побыть Возлюбленным сыном. А может быть, Любящим. Самое мудрое — это искать общения с Богом, для которого вам теперь предоставляют столько возможностей ваш возраст и избыток свободного времени. Мальчик знает Бога как Отца, Ковбой знает Бога как Того, Кто совершает инициацию, Воин знает Бога как Царя, Которому служит, Любящий знает Бога как своего Возлюбленного, а Царь знает Бога как своего доверенного Друга. Мудрец же находится в тесном общении с Богом. Это человек, о котором Ларри Краб говорит, что он живет на небесном берегу. Те из вас, кто постарше и живет с раной в сердце, потому что отвергнут людьми, не поклялись ли вы больше никому не предлагать своего общества? Мне доводилось видеть, насколько это может быть мучительным. Вы ищете утешения и исцеления, которые стремится вам дать Христос. Пусть ваше сердце возродится, потому что вы нужны людям. Несмотря на ваши раны, я призываю вас предлагать им свою мудрость. Им нужно, чтобы вы делали это. Примите решение, как Норман Маклин, жить и работать. Такова же история Джорджа Макдональда, пророка, в свое время преимущественно не признанного, бывшего не в чести. Его церковь от него избавилась, потому что он многим досаждал своим сосредоточенным на жизни сердца богословием и подлинной праведностью. Его книги продавались не так уж хорошо. Здоровье его тоже страдало. Одна из лучших его книг (по моему мнению), «Дневник старой души», начинается словами:

Господь! каким я был от юности моей —
Смиренно предан был я истине Твоей.
Даруй мне снова Божий свет увидеть зорким глазом,
Смиренность сердца, если уж не острый разум.
Пусть в благости и истине Твоей дорогою страданий
Душа, уж старая, вернется к юности своей,
Туда, где сердце юно, и глаза, и разум.

Не я один глубоко признателен ему за то, что он сделал. Много из наследия, оставленного нам К. С. Льюисом, появилось благодаря этой позиции Макдональда, так как посредством своих произведений он в некотором роде был наставником для Льюиса. Для какого дела вы вслед за

Макдональдом и его молитвой попросили бы сейчас Бога придать вам новых сил? Что у вас на сердце? Вспомним: «Проблема самоидентификации — это не просто проблема юности». Относясь к себе как к Мудрецу, задайте себе вопрос: «Чему я больше всего хотел бы сейчас себя посвятить?» Что ни говори, власть и положение в обществе сильно переоцениваются. Пусть это бремя останется на плечах Царей. Ни власть, ни положение в обществе никак не определяют вашу сущность. Что нам нужно, так это ваше сердце и жизнь, которую вы прожили. Пожалуйста, не исчезайте.

Прочитайте «Вторники с Морри» Митча Элбома — историю юноши и Мудреца, а затем спросите себя: «Как я могу сделать нечто подобное?» Вокруг есть много страдающих от безотцовщины молодых людей — найдите способ привлечь их к себе. Ведите курсы. Проработайте с учениками эту книгу (при условии, что они уже прочитали «Необузданное сердце», — собственно, с него и начните). Сядьте вечером за покер и пригласите четырех человек составить вам компанию. Позовите приятелей выбраться на рыбалку или в горную хижину. Позвоните молодым людям из вашей семьи, живущим в другом штате, и предложите им дружеское общение. Будьте доступным — вопросы появятся со временем. Предложите свои услуги знакомому Царю — своему пастору, или молодежному пастору, или работающему за границей миссионеру, с которым вы можете переписываться, или молодому бизнесмену. Трудитесь в совете своей церкви или в совете местного органа образования. Возьмите перо и бумагу. Расскажите историю своей жизни. Сейчас не время кормить гусей.

Вспомните, как сказано о Гэндальфе: «Это будет его величайшее задание и, может быть, конец всей его работы».

Отец, Ты нужен мне сейчас, нужен до конца дней моей жизни. Я прошу Тебя взрастить во мне Мудреца. Помоги мне стать человеком, имеющим подлинную мудрость и сострадание. [Для вас, молодые люди] Укажи мне на Мудрецов, которых Ты выбрал для меня, как живущих в наши дни, так и оставивших нас. Помоги мне найти их и сесть у их ног. [Для вас, люди старшего возраста] Укажи мне на людей, которым нужны мои советы, и покажи мне, как привлечь их к себе. Говори со мной, Отец, разжигай в моем сердце пламя. Покажи мне, что я сейчас могу сделать, и отечески наставляй меня сделать это от всего сердца.

15

БУДЕМ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫМИ

...Ты укажешь мне путь жизни...

Пс. 15:11

Снег пошел днем, часа в четыре, и шел весь вечер и ночь — огромные мягкие пушистые хлопья падали так медленно, словно это был пепел от гигантского костра или высаживался десант из сотен тысяч крошечных парашютов. Этот снег был ниспослан с небес! И дело было не только в красоте снегопада, всех этих заснеженных деревьев, но и в том, что теперь, быть может, мне не потребуются подвергать свою жизнь опасности. Мы с Блейном поехали в горы в январе, после его тринадцатого дня рождения, чтобы поучиться сноубордингу. За Блейна, этого прирожденного спортсмена, я не боялся. Я знал, что он-то всему научится за пару часов. Переживал я за себя, опасаясь, что эта попытка выучить старого пса совершенно новому трюку может закончиться серьезными повреждениями — либо для самого пса, либо для кого-то еще. Прежде чем лечь спать,

я смотрел в окно на густо поваливший было снег, словно кто-то распорол над нашей крышей подушку, засыпая снежным пухом горные склоны накануне моих, как я предчувствовал, многочисленных завтрашних падений. И я улыбался — часть тяжести ушла из моей груди. Год поисков своего жизненного призвания начался у Блейна с той же тематической линии, что и у Сэма: специальной поездки вдвоем с отцом. Пока это было не формальное испытание или задание, нет, просто подтверждение истины, выраженной словами «я тебя ценю, ты моя радость». (С этой же темы должен начинаться и ваш путь возмужания — эту истину вам необходимо помнить во все дни вашей жизни: вы — Возлюбленный сын Бога.) Блейн уже года два мечтал научиться сноубордингу, ведь большинство его приятелей давно забросили лыжи, предпочитая им этот гораздо более увлекательный вид спорта. «Ладно. Сноубординг. Будем учиться вместе». Я забронировал трое суток проживания на горном курорте здесь, в Колорадо, — помещение, занятия с тренером, прокат снаряжения на выходные сразу после Нового года. У Блейна день рождения 1 января, и эта поездка стала для него подарком от нас с мамой. Так начался Год Блейна.

Мне вновь вспоминаются слова Нормана Маклина: «Самое лучшее, что в любом возрасте человек может сделать в поисках самого себя, — это найти историю, которая что-то ему расскажет о нем самом». Ведь мы пытаемся осуществить решающий переход от столь привычной в наши дни безотцовщины к ориентации на то, что наша жизнь должна стать поиском, продвижением вперед по пути возмужания. В течение *Года Блейна* я не раз проникался ощущением того, что это я прохожу инициацию, и сейчас, рассказывая его и мою историю, я думаю, что вы сможете найти в ней что-то, что расскажет вам и о вас самих.

Чтобы нам понять, как в действительности относится к нам Отец, Иисус напомнил нам о наших собственных отцовских чувствах: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» (Мф. 7:9). Если нам присуща естественная склонность быть щедрыми к нашим сыновьям, то не будет ли более добр к нам наш Небесный Отец? Я хотел подарить Блейну поездку, которую он никогда не забудет. И вот что меня удивляет — почему я не ожидаю от своего Отца большего подарка? Когда мы чувствуем себя одинокими или оставленными, когда мы ощущаем, что бремя мира снова давит на наши плечи, причина этого, вероятно, в том, что мы стали сомневаться в сердечных чувствах Бога по отношению к нам. В такой момент лучше всего вернуться к истине: мы действительно Возлюбленные сыновья. Это для нас самое главное.

И, безусловно, это я и хотел громко и отчетливо сказать Блейну. Но когда мы вдвоем ехали в горы, у меня шел третий или четвертый день интенсивной духовной войны — а это вещь по-настоящему скверная, следствием ее стали глубокая сосредоточенность (затруднявшая Блейну общение со мной) и периоды нарушения душевного равновесия (не лучшее состояние для езды по горной дороге, не говоря уже о сноубординге). Мне неизвестны все причины этого нападения на меня врага рода человеческого, но он — вор, и вы должны понять (если вы еще этого не поняли), что главная его цель — *лишить вас радости*. Это постоянно застает меня врасплох. Я всегда воображал, что он будет нападать прежде всего в тех случаях, когда мы устраиваем масштабные евангелизационные кампании, организуем небывалые миссионерские поездки, делаем что-то на благо церкви. Нет. Как я начал понимать, радость и жизнь, которыми стремится нас наделить Бог, — вот что вызывает самое яростное противодействие нашего врага. И конечно, разве не в точности то же самое сказал нам Иисус? Он связывает то и другое в одном стихе: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10).

Такова оборотная сторона наших сомнений в том, что мы — Возлюбленные сыновья. Эти наши сомнения являются уловками врага, стремящегося украсть у нас дары Отца и вернуть нас к убеждению относительно нашей неизбывной безотцовщины. Вам стоит об этом помнить, когда вы начнете собственные поиски мужественности, исцеления и силы, когда поведете по пути возмужания своих сыновей или тех, для кого будете наставником. Будьте бдительны, братья мои. *Ваши усилия встретят противодействие*, потому что их результат должен стать одной из самых больших радостей вашей жизни. В такие моменты — когда дело идет туго — встречаются неожиданные трудности: обычно человек просто сдается, отказывается от путешествия, от взаимоотношений, от мечты. Пусть в вас пробудится Воин. За все это стоит сражаться.

Я попросил нескольких друзей молиться за меня, за нас, за успех нашей поездки, и сам усердно молился, когда мы в шесть утра поднялись в горы, чтобы успеть на наши занятия, начинающиеся ровно в десять. Часа через полтора моя подавленность исчезла и не возвращалась уже на протяжении всей поездки. Это, наряду со снегопадом и тем обстоятельством, что праздничные толпы, за исключением малой горстки, уже разъехались, оставив в наше полное распоряжение опустевшие склоны, сделало нашу поездку столь благодатной, что я не уверен, кто в большей степени чувствовал себя Возлюбленным сыном — Блейн или я.

Ко времени, когда прекратился снегопад, на склонах лежал добрый фут свежесвыпавшего мягкого снега — милосердный «амортизатор» на случай наших бесчисленных падений, неизбежных, когда вы привязываете обе ноги к воцеленной дощечке из дерева и фибергласа, а затем устремляетесь вниз по скользкому горному склону крутизной в сорок градусов. «Это безумие, — мелькнуло у меня в голове. — О чем я думал?!» Но только-только я начал осваиваться, как мои падения участились из-за Блейна, которому понравилось подъезжать ко мне сзади, когда я останавливался, чтобы отдышаться, и легким толчком валить меня в снег. Я снова улыбаюсь, вспоминая, как мы лежим в снегу, хохочем, не в силах подняться, из-за чего только сильнее смеемся, уже окончательно лишаясь сил.

Во время торжественной церемонии, устроенной нами для Блейна по окончании очередного этапа его инициации, одна из тем, которую затронули сразу несколько человек, было доброе сердце Блейна. У него есть сострадание, редкое для подростка, и хотя мне это нравится в сыне, ему самому — точно нет. В жестоком мире подрастающих мальчишек, где словесное джиу-джитсу становится излюбленным способом общения, а зачастую и средством выживания, свое мягкосердечие Блейн воспринимает как тяжкое бремя. Подрастающие мальчишки, словно стая гиен, бросаются на всякого, кто выглядит слабым, тем самым рассчитывая повысить свою самооценку и упрочить свое положение в стае. (Многие мужчины, которые так и остались комплексующими подростками, ведут себя точно так же.) Мы поговорили об этом, проезжая в подъемнике над самыми вершинами деревьев.

— Иногда слезы наворачиваются сами собой, ведь правда? — Блейн, глядя в сторону, только кивнул. — Мне это нравится в тебе, Блейн, безоговорочно нравится.

Он обернулся, и в его взгляде мелькнули замешательство и... проблеск робкой надежды.

— Вряд ли в этом есть хоть что-то хорошее.

— О, Блейн, ну, конечно же, есть. Вспомни о Давиде — он был могучим Воином, но у него было нежное сердце. Посмотри, какой он чувствительный. А еще есть Иисус. Он не стеснялся слез.

Вся прелесть кресел подъемника — или автомобиля, рыбацкой лодки, засады на уток, верстака в мастерской — в том, что не надо все время смотреть друг на друга в ситуации принужденной и неловкой откровенности. Это дает юноше некоторую свободу маневра, необходимую для начала разговора на действительно глубокую тему, так как взгляд может быть обращен на что-то другое. Для мужской души это гораздо лучше, чем сидеть в церковном помещении или классе воскресной школы на составленных в кружок стульях, глядя друг на друга и реагируя на призывы «поделиться». Если вы хотите, чтобы подросток или мужчина разговорился, дайте ему чем-нибудь заняться. Пока мы поднимались на вершину и разговаривали, Блейн как-то внутренне раскрепостился. Из его тела ушла напряженность.

— Спасибо, папа. Хорошо, что ты мне это сказал.

Ничто не может заменить времени, проведенного вместе. Как еще мы можем почувствовать нашу связь?

Это утверждение верно по отношению к отцу и сыну, верно по отношению к сообществу мужчин, верно по отношению к любому человеку и его Отцу — Богу. В таком общении что-то происходит с душой мужчины, что-то, что не происходит больше ни в какой другой ситуации. Роберт Блай говорит о своего рода «пище», передающейся отцом сыну, о неосязаемом «питании», которое больше неоткуда получить. Но насколько эта метафора более верна в отношении нашего истинного Отца! У Иисуса было такое общение с Отцом, которого мы жаждем. Настоящая мужская общность. Они были близки между Собой, так близки, что стали Одним. Мы сотворены для того же самого, и наша жизнь попросту неправильна, пока у нас этого нет.

Так, Иисус молится за нас перед самым Своим уходом: «...да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино. Да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино...» (Ин. 17:21-23). Я часто слышал объяснения, что в этом отрывке говорится о единстве верующих. Но не в этом его суть. Иисус хочет, чтобы мы были едины с Отцом: «...как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе...» Именно это нам и нужно, каким бы замечательным ни было наше церковное единство. Нам нужно единство с Отцом. «Я в них, и Ты во Мне...» В этом исцеление души мужчины. В этом мужская зрелость — «совершенны воедино». Быть сыновьями Отца, любимыми Им так, как Он любит

Иисуса, действительно быть едиными умом и сердцем с Ним и Его Сыном. До тех пор мы сироты и мы потеряны.

Вождение автомобиля, гребля на каноэ и лошадь по кличке Кокколо

По нашему неписаному закону, тринадцать лет стали возрастом обретения неких привилегий, когда наши сыновья во время наших вылазок в гористые пустоши близ Моаба получают возможность на одной из проселочных дорог сесть за руль и нажать на газ. По-моему, они ждут этого с большим нетерпением, чем наших альпинистских восхождений или катания на горном велосипеде. Мы еще и часа не проехали по дороге в Моаб (занимающей часов семь), как Блейн заявил: «Знаешь, папа, это ведь год, когда я сяду за руль». — «О, да, ведь и в самом деле так, правда же?» — «Вот-вот». Примерно через час езды он снова обнаружил этот факт, потом еще и еще, всего, пока мы не доехали до места назначения, наверное, раз пять. Во время наших приключений всякий раз, когда мы сворачивали на какую-нибудь заброшенную грунтовку, Блейн говорил: «Слушай, папа, как насчет того, чтобы порулить?» Такое доверие много значит для подростка. «Я доверяю тебе. Ты с этим справишься».

И я задумываюсь о том, что хочет доверить мне Бог, какую радость Он припас для меня. В этом году один наш приятель, впервые побывавший с нами в окрестностях Моаба, сказал: «Да, ребята, веселиться вы умеете». А что если я неправильно толкую происходящее в моей жизни, считая встающие передо мной задачи или возлагаемые на меня обязательства новым для себя бременем, тогда как Отец просто хочет меня порадовать? Этой осенью мы купили помещение для нашей миссии, и поначалу я чувствовал себя так, будто обзавелся подержанным мини-вэном с пятью детьми в придачу. Я ощущал, что от меня требуется быть слишком взрослым, слишком зрелым по сравнению с тем, чего мне хотелось бы. Мне нравилось время, когда мы работали у меня дома, а это приобретение недвижимости ощущалось каким-то бременем. Но теперь я задумываюсь, а что если это Отец просто сказал мне: «Эй, садись-ка за руль»? Вздох. Мне постоянно нужно меняться. Я хочу прийти туда, где буду смотреть на мир так, как смотрел на него Иисус.

Благая весть Иисуса о Царстве сможет стать действенным руководством для нашей жизни только тогда, когда мы приобщимся к Его взгляду на мир, в котором живем... Это мир, в котором Бог постоянно играет и которому Он постоянно радуется.

Даллас Уиллард

Бог играет? Я трясую головой и смеюсь. Эта идея заставляет меня осознать, каким тяжеловесным, вечно серьезным стариком я иногда Его считаю. Но затем я задумываюсь: а Кто сотворил человеческое сердце таким, что мы способны смеяться, и смех стал одной из величайших радостей нашей жизни? Хм-м-м. Он лучше, чем я думал. Этот процесс инициации, по замыслу, должен проходить радостно. Празднично. Да, иногда трудно, но в целом волнующе.

Блейн радовался, когда в этом году в Тетоне мы доверили ему вести каноэ. А когда мы разрешили компании мальчишек — фактически становящихся уже молодыми мужчинами — вечером самостоятельно сплавать на каноэ к острову на озере Джексон (не слишком далеко от берега), у меня зародилось более чем сильное подозрение, что старшие Ковбои похитили из моего тайника несколько сигар, однако проводить расследование я не стал.

Я упоминал о том, что Блейн еще и художник. С тех пор как он смог взять в руки карандаш, он рисует лошадей. Не совсем понимаю, откуда это у него — он не рос на ранчо с лошадьми. Мы в семье даже не ездили на лошадях, может быть, только раз или два. И все же лошади стали любовью Блейна с тех пор, как ему исполнилось три года. Лет в пять он начал копить деньги на лошадь. Хоть убейте, не знаю, как он научился их экономить. Я бы вот взял кредит, но не смогу расплатиться. Каждая попавшая ему в руки монета, все подаренные ему деньги шли в копилку в надежде однажды приобрести лошадь. К двенадцати с половиной годам Блейн накопил тысячу долларов (с учетом просроченных платежей по выданным отцу ссудам). Время было самое подходящее, чтобы в течение *Года Блейна* наступил долгожданный момент покупки.

Мы нашли семилетнего пегого жеребца, которого вырастила молодая женщина, абсолютно преданная лошадям, а этот был ее любимчиком. Звали его Коколо. Ласковый, но сильный конь, с коричневыми пятнами на белом, с черными гривой и хвостом. Блейн сразу в него влюбился, и они стали друзьями. Около дома мы нашли место, где держать лошадей, и нередко, когда Блейн вел Коколо с выпаса в стойло, он запрыгивал на него и ехал прямо так, без седла.

Для мальчишки это замечательный способ научиться состраданию — когда он заботится о собаке, лошади или еще каком-то животном. Мальчишки в целом — а подростки в особенности — могут быть жестокими (возможно, вы читали «Повелителя мух» У. Голдинга). Мы в детстве, как и многие мальчишки, сжигали увеличительными стеклами жуков. Я не хочу поднимать здесь проблемы морали, но давайте подумаем: чем можно уравновесить деструктивную природу мальчишки и что будет противостоять той безжалостной подростковой культуре, о которой мы недавно говорили? Когда у мальчишки есть кто-то, кого любишь, о ком заботишься, это для него чудесно. Но золотые рыбки не в счет — ему нужен кто-то из мира природы, кто и сам имеет сердце, с кем можно научиться состраданию. Коколо пару раз поранился, Блейн расстроился, и хорошо, что это было. Он научился менять бинты, следить за тем, чтобы рана оставалась чистой.

Мы хотим научить молодого человека *быть добрым*, ведь когда он станет Царем, доброта будет означать для него все. Как объяснял своим воинам Генрих V, «там, где кротость и жестокость спорят о короне, выиграет тот из игроков, который более великодушен»³⁹. Доброта. Думаю, вы обнаружите, двигаясь по пути возмужания и выявляя свои многочисленные раны, что, если научитесь относиться к ним сочувственно — в противовес тому стыду или презрению, которые ощущает большинство из нас, когда видит в себе что-то слабое, незрелое, незавершенное, — если по ходу дела будете к себе добры, то почувствуете прилив доброты и по отношению к другим людям.

Охота с луком и стрелами

Как и Сэм двумя годами ранее, Блейн присоединился к нашей мужской компании на ежегодной охоте на вапити за год до своих поисков жизненного призвания, когда ему было двенадцать лет, и, как настоящий спортсмен, выдержал все трудности охоты в горах. Привилегию войти в сообщество мужчин переоценить невозможно. Как рассказывает Уолт Харрингтон,

...за долгие годы я ужасно много всего прочитал об охоте, и одной из дежурных тем была та, что охота для мужчин — это такой социальный ритуал, который вносит в их жизнь содержательную традицию в эпоху, когда трудно иметь хоть какие-то традиции. <...> Мужчины не считают свои охотничьи завтраки или потрошение кроликов за сараем у Бобби ритуалом. В этом вся красота. Мужчины не пытаются создавать ритуалы таким же образом, как, скажем, Марта Стюарт старается вновь научить Америку по доброму старому обычаю подстригать рождественскую елку, будто тем самым мы вернем себе добрые старые ценности, которые утрачены нами. В ее случае ритуал превращается в сантименты, в свою безнадежно бледную тень. Мужчины не планируют памятные моменты своей жизни — такие моменты приходят к ним сами.

«Вечный поток»

³⁹ У. Шекспир, «Генрих V» (акт III, сцена 6) в переводе Е. Бируковой.

Такие моменты приходят, когда мужчины совместно участвуют в приключениях, в тяжелой работе, долгие годы объединяющей их. Это главная причина, по которой я хожу на охоту, — чтобы со временем создать такой социальный проект, в рамках которого мужчины в нашем сообществе действительно смогут стать мужчинами. Охота — это просто контекст. Таких контекстов может быть много. Это и баскетбол в христианской ассоциации. Это и ремонт машины у кого-то в гараже. Обеспечьте появление таких контекстов, пусть только ради себя самого, и обязательно их оберегайте. Жизнь выдвигает сотни причин от всего этого отказаться, что вы и сами можете заметить, посмотрев на одиноких скучающих мужчин. Боритесь за такие вещи, которые со временем способны превратиться в ритуалы вашего мужского братства. На охоте в том году я этого почти не делал — слишком много всего отвлекало мое внимание на те проблемы, которые я оставил нерешенными дома.

Но кое-что мы все-таки сделали: думаю, за три дня мы прошли миль тридцать. Как-то вечером мы с Блейном сидели на краю делянки, затаившись в надежде, что из черного леса на юг от нас может выглянуть вапити. Солнце село, и потянуло холодом. Мы придвинулись друг к другу, и Блейн принялся шепотом острить, но вы знаете, как из-за попыток удержаться от смеха шутка становится только смешнее, и во второй раз даже не нужно рассказывать анекдот целиком, хватает первой фразы, а на третьем круге Блейну достаточно было произнести первое слово, и нам уже оставалось только сдавленно и сипло свистеть или больше не пытаться удерживать смех. В тот вечер мы так и просвистели все свои шансы увидеть вапити, но ничего не могли с собой поделаться и ни за что на свете я не отказался бы от тех минут.

Пока Алекс, Бобби, Льюис и Карл со своими шуточками едят и смеются, я вспоминаю о том, как однажды спросил их, какая доля лучших воспоминаний их жизни связана с охотой. Они поговорили между собой и решили, что охота дала им примерно треть лучших моментов их жизни. «Это много», — сказал я. Переглянувшись, они только пожали плечами. «Да, много, — сказал наконец Карл. — Но примерно так и должно быть, сам-то ты как считаешь?»

«Вечный поток»

Когда пришла пора для *Года Блейна*, сын сам решил, что отправится на охоту, и решил научиться стрелять из лука. Морган и Пи-Джей освоили это искусство годом раньше, наш друг Мэтт некоторое время даже охотился с луком, но меня это по-настоящему не привлекало, я об этом и думать не думал, пока Блейн не попросил меня научить его этому искусству. Мы сходили в спортивный магазин и стали вдвоем тренироваться на нашем заднем дворе в стрельбе по мишени. Стрельба из лука — сама по себе радость, в ней есть изящество и красота, даже не связанные с охотой. Среди других способов охоты стрельба из лука занимает то же место, что ловля на искусственную муху у рыбаков. Сначала я воспринял ее как повод ходить вместе с Блейном в лес. Потом она превратилась в настоящую страсть.

Было что-то неправильное в том, что большую часть своей жизни я жил в городе, порой как-то бездумно и бесцельно. Но я от этого избавился, причем не в последнюю очередь благодаря искусству стрельбы из лука. Не всякий сможет охотиться с луком. Тут нужна особая чуткость — нужно чувствовать каждый слабый порыв ветра, слышать каждый звук, замечать каждый след, например на небольшой осине, о кору которой потерся своими рогами самец. Необходимо ваше присутствие, полное ваше присутствие в окружающей вас реальности. То, что было присуще мужчинам на протяжении тысячелетий, в нашем искусственном мире стало ненужным. И потому оказалось забытым. Одно из лучших моих воспоминаний за этот год — как я часа два в одиночку выслеживал в лесу оленя. Я подбирался к нему близко, очень близко, но так и не смог в него выстрелить, потому что между нами было слишком много поваленных деревьев. Но это не имело значения. Та охота была тем, что мне *требовалось*. Я хотел бы больше жить такой жизнью — быть предельно внимательным и настороженным, сосредоточенным, терпеливым. Решительным, но не алчным. Присутствующим в реальности. Целеустремленным.

Много сентябрьских вечеров провели мы с Елейном за нашим домом в лесу, одевшись в камуфляж и выслеживая оленей. Есть вещи, которые замечаешь, только когда проводишь время на природе, например приметы осени, когда карликовый дуб становится оранжево-золотым, а сверчки начинают стрекотать громче перед тем, как исчезнуть на зиму. Раньше я не замечал, что осенью ястребы улетают на юг. Или что у оленей есть рутинный маршрут, четырехдневный цикл жизни в лесу. Да замечательно просто послушать тишину, это такая редкость в городе. Однажды вечером мы наткнулись на огромного черного медведя, который, слава Богу, бросился удирать от нас вверх по склону. Блейн сделал свой выстрел в вапити — только один и уже в сумерках. Мы тогда увидели нескольких оленей, пасущихся в красно-коричневых зарослях внизу склона. Мы подобралась к ним, сумев их не вспугнуть, но Блейн промахнулся, и, хотя сезон охоты подошел к концу, он так и не добыл своего оленя. И это было очень хорошо. Нам нужно помнить о важном уроке на пути возмужания — в жизни ничто не дается легко. Или, по крайней мере, не дается легко что-то стоящее.

В нашем искусственном мире заведомо слишком много кнопочек для нашего комфорта и удобства. Кабельное телевидение, системы кондиционирования воздуха, телефон, чтобы вызвать водопроводчика или заказать пиццу. В таких условиях душа мужчины атрофируется. А Бог ведет нас к тому, чтобы мы стали мужчинами. Если бы наша жизнь всегда была легкой, мы ничего бы не приобрели. Вещи, которые мы ценим, — это вещи, за которые мы платим. Больше всего мы ценим победы в самых трудных битвах.

Когда жизнь трудна или полна разочарований, у нас для ее понимания появляется новая точка отсчета, новая система ориентации. Мы не забыты. Мы не одиноки. Все обстоит совершенно иначе. Бог относится к нам с уважением — Он относится к нам как к мужчинам. Он приготовил для нас трудности. Нам нужно найти в них что-то, чтобы оно нас сформировало и укрепило.

Мужская духовность

Вся инициация мужчины в конечном счете оказывается инициацией его души. Испытания и трудности, радости и приключения предназначены для того, чтобы пробудить душу мужчины, привести его в соприкосновение с мужским началом в себе самом, в других людях, в мире и в Боге как Отце. Я не вижу противоречия в том, чтобы взять с собой юношу или мужчину в приключение и, скажем, научить его молиться. Тщательно продуманное приключение может стать глубоким духовным опытом общения с Богом. Молитва и изучение Библии предназначены для того же самого. Большинству мальчиков и мужчин присуще представление, согласно которому Бога можно найти в церкви, а в жизни за церковной оградой Бога словно и нет. Это старая гностическая ересь — деление на сакральное и обыденное. Трагедия в том, что жизнь за пределами церкви выглядит для них привлекательнее, поэтому Бог кажется им отдалившимся, даже недовольно отвернувшимся от всего, чем они живут.

Но мы, христиане, верим в то, что Бог объемлет физический мир, что Он любит творение так же, как мы, поскольку сказал, что оно хорошо *весьма*, что Он говорит с нами через творение и пользуется им, чтобы многому нас научить. В своих церквях мы потеряли многих подростков и мужчин, потому что дали им неопишимо скучную духовность, подразумевающую, что Бог больше всего заинтересован в таких вещах, как церковные гимны и крестильные купели. Мы сделали духовность очень узкой, ханжеской, оскудевшей и зачастую женственной. Тем не менее большинство библейских историй, в которых человек встречается с Богом, происходит вовсе не в церкви (!). Моисей увидел Бога в пустыне, в горящем кусте. Глухой ночью Иаков боролся с Богом тоже в пустыне. Большинство своих псалмов Давид создал под открытым небом, при свете звезд. Павел встретил Бога на пыльной пустынной дороге между Иерусалимом и Дамаском. И большинство историй об Иисусе и Его учениках разворачивается не в церкви. И даже не в помещении.

Нам нужно открыть эти необжитые просторы духовности — в особенности мужской духовности.

Я говорю это, так как знаю, что многие мои читатели проводят немало времени в церкви, и они хотят знать, соответствует ли проповедуемое в них учение библейскому и как проходит

ученичество подростков и мужчин. Такие вопросы подтверждают мою позицию — мы утратили представление о благородстве творения и понимание того, как Бог использует творение для нашего обучения (то есть для нашей подготовки, для нашего развития и освящения). Мы утратили необжитые просторы мужской духовности. Да, я провел с Блейном, как и с Сэмом, ряд библейских уроков — о нашей индивидуальности во Христе, о новом имени. Я изучал с ним заключенную в Евангелиях эпическую историю. Мы также смотрели фильмы и обсуждали, что с их помощью нам говорит Бог. Но ведь ученичество в значительной степени осуществляется «в поле», через переживаемый личный опыт, как это было с учениками, следующими из города в город за Иисусом. Все, о чем я пишу на этих страницах, — и есть ученичество.

Друзья пригласили нас отправиться вместе с ними в Гватемалу и выразить там деятельное сострадание беднейшим из бедных (это было помощью голодающим детям). Сначала я решил, что мы поедем туда вдвоем с Блейном, что идеально способствовало бы его поискам своего жизненного призвания. Я хотел бы как можно яснее указать, что цель мужской инициации — наделить мужчину силой, о которой он знает, что она у него есть и что он применяет ее ради блага людей. Мужчине нужно знать, что жизнь действительно в Боге. Ему также нужно знать, что жизнь в ее высшем проявлении — это когда мы отдаем себя ради блага людей. Научите Ковбоя задавать себе вопрос: «Что хорошего я могу сделать? Чем я могу кому-то помочь?» Это хороший вопрос и для Воина, а ко времени, когда он станет Царем, надо надеяться, к этому сведется вся его жизнь. Власть дается ради блага людей.

Итак, я эгоистично решил взять в поездку только Блейна, но Стейси хотела отправиться в Гватемалу всей семьей, и я, когда разобрался со своими неотложными делами, понял, что она права. Это будет хорошо для всех нас. Ничто не сравнится с потрясением от пребывания в чужой стране, особенно в стране третьего мира. Если мужчину находит приключение, чтобы вывести его из обыденной жизни, из зоны комфорта, вынудить его полагаться на Бога, это лучшее из того, что только есть для следования по пути возмужания. Чужой язык, непривычная еда, пейзажи, звуки, запахи. Там нас пригласили в дома нескольких христианских семей. У них не было водопровода, не было привычных нам туалетов, за едой они собирались только раз в день. Позже сыновья рассказали мне, что их удивило больше всего — почти ничего не имея, эти люди были счастливы и жили в большой любви друг к другу. Они были намного счастливее, чем наши американские знакомые из зажиточного среднего класса.

Я хотел бы вернуться немного назад. С одним моим другом мы обсуждали, как нам совместить короткую миссионерскую поездку с прохождением нашими сыновьями этапов мужской инициации. Иисусу, наверное, понравилась бы эта идея — Своих учеников Он проводил за Собой через всевозможные трудности и возвышенные приключения.

А затем снова были леса, дни поста и молитвы, дни поисков Бога. Такой ритуал встречается практически в каждой культуре, где на протяжении веков серьезно относятся к инициации, и вы найдете его описание в Ветхом завете. Иисус в одиночестве отправляется в пустыню, чтобы побыть с Богом. Как и Давид, и Илия, и Иоанн Креститель, и Павел. Люди, стремящиеся ближе узнать Бога, с тех пор следуют их примеру. Год Блейна подходил к концу, поэтому мы ухватились за первый же декабрьский день, когда чуть потеплело, и на лошадях отправились в лес. Мы с Блейном поговорили об этом дне, и я дал ему лучшие советы, какие мог. «Не надо слишком усердно стараться общаться с Богом, Блейн. У меня так никогда не получалось. Просто будь открыт для Него. Притихни и слушай. Посмотри, к чему обратится твое сердце. Бог разговаривает с нами множеством способов — с помощью наших воспоминаний, с помощью Писания (Блейн взял с собой Библию), через наши стремления, и еще этим тихим голосом внутри нас. Запиши в дневник, что ты чувствовал, что ощущал. Приготовь Ему свой вопрос».

Я снова сел на лошадь и обернулся для прощального совета: «Смотри, не встретить кугуаров». Я не старался напугать его или сделать этот день «драматическим». Но я и не шутил. За последний месяц в этом районе видели нескольких кугуаров. «Лучше сиди спиной к стволу дерева». А потом я уехал, оставив Блейна и Кокколо ждать общения с Богом. К большой радости Блейна — и некоторому моему удивлению — он услышал Бога, услышал удивительные вещи, то, что так необходимо было услышать его сердцу. Когда спустя час он подъехал к конюшне, на его лице сияла

улыбка. Сердце мое издало вздох облегчения. «Благодарю Тебя, Отец, благодарю за то, что Ты говорил с моим сыном».

Понимаете, мы должны стремиться к таким ситуациям, которые продвинут нас по пути возмужания. В нашей повседневной жизни столь многое сводится к рутине, а рутина по самой своей сути вызывает *оцепенение*. Освободитесь от этого. Вырвитесь наружу. В этом году я недостаточно побыл в горах с Богом, и мне не просто чего-то не хватает — я знаю, в чем дело. Если бы я все сделал, как надо, сейчас у меня на сердце было бы по-другому, но теперь что-то утрачено. Резервуар полон лишь наполовину. Связь с Богом несколько ослабла.

Бог ценит нашу мужскую целеустремленность, и хотя Он многое устраивает для продолжения нашего пути, Он призывает и нас не быть пассивными, а *участвовать*. Просить, искать, стучать в двери, как сказано в Писании. Я многое и сам устроил для Блейна, потому что он юн и еще всему только учится. Но я не жду, чтобы кто-то устраивал что-то для меня. Хотя вы можете все еще ощущать себя слишком юным, и по временам наш Отец будет к вам ласков, вы все-таки мужчина, и именно так Он к вам и относится. Будьте *целеустремленным* в осуществлении своей мужской инициации, таким же целеустремленным, каким вам хотелось бы быть по отношению к своим сыновьям, таким же целеустремленным, каким вы надеетесь видеть Бога по отношению к вам. Это не спортивное представление.

Великое восхождение

Мы припарковали нашу машину у начала тропы вдоль речушки Спаниш-Крик и начали выгружаться, снова проверяя рюкзаки с альпинистским снаряжением, привязывая к ним наши каски, наполняя термосы водой, нервно посмеиваясь над тем, что собираемся предпринять. «Десять миль до базового лагеря к сегодняшнему вечеру. И при этом свыше шести тысяч футов подъема, — сказал я. — Поэтому нам придется поторопиться. Я слышал, что это ужасно трудно». Наша команда состояла из Гэри с его четырнадцатилетним сыном Ником, меня с Блейном и Джона Патона — старшего и много более опытного альпиниста, с которым мы познакомились на одном из наших собраний. Когда я начал обдумывать это великое восхождение, которое станет главным событием *Года Елейна*, я попросил Джона поехать с нами, чтобы стать нашим руководителем. Он совершил свыше тридцати восхождений на Гранд-Тетон. Но затем оказалось, что произошел один из божественных поворотов сюжета. Мы направлялись не на Гранд-Тетон. Мы направлялись на вершину Кит-Карсон в горах Сангре-де-Кристо (штат Колорадо).

Таким выбором мы были отчасти обязаны Блейну, а отчасти — Богу. Гранд-Тетон — такая красивая вершина, и гребень Экзама — такой захватывающий маршрут, что я думал, что и в *Год Елейна* мы отправимся туда же. Однако когда я поднял эту тему, Блейн сказал: «Это гора Сэма. Я хочу подняться на свою собственную гору». Разумеется. Еще бы! Тебе нужна своя собственная гора. И мы начали поиски. В Интернете есть сайт «Классические альпинистские маршруты Северной Америки», рассказывающий о пике Денали на Аляске, Лосином зубе в Британской Колумбии, Башне дьявола в Вайоминге, Гранд-Тетоне и десятке других вершин, выбранных за красоту и трудность их покорения. Наше внимание привлек Прау на Кит-Карсоне — скальный гребень с впечатляющими тысячефутовыми пропастями, обещающий восхождение ничуть не менее драматичное, чем по гребню Экзама, но гораздо менее многолюдное.

Я начал осознавать, во что влезаю, за день до начала нашего похода. Все наше снаряжение мы с Джоном разложили на полу у меня в гостиной, попутно подробно обсудив каждую мелочь, чтобы убедиться в том, что у нас есть все что нам нужно. Тогда-то у меня и возникло в животе это чувство замедленного падения. «Мы будем подниматься двумя группами», — сказал я. Джон кивнул. Мы оба понимали, что на маршруте с таким количеством вертикальных участков, как на Прау, когда один из восходителей выберется наверх, нужно, чтобы следующий за ним человек собрал со стенки все страховочное снаряжение, так чтобы его можно было использовать на следующем участке. Если попытаться взять столько снаряжения, чтобы его хватило на весь тысячефутовый подъем, оно будет весить едва ли не семьдесят фунтов. И еще возникал вопрос времени.

Летом для Колорадо очень типичны послеполуденные грозы. Нам нужно двигаться быстро, чтобы к середине дня успеть подняться на вершину и спуститься с нее. Подниматься одной группой

было бы неудобно. Нам нужно разделиться. И тут вдруг все стало вырисовываться с ужасающей ясностью, как бывает, когда заполняешь налоговую декларацию и вдруг осознаешь, что это ты думал, будто достаточно отдал правительству с каждого доллара доходов, но теперь тебе совершенно очевидно, что это не так. На тебе лежит неподъемный долг. Мне в качестве второго по опытности альпиниста предстояло возглавить одну из групп. А поскольку Джон поведет группу из трех человек, есть смысл, чтобы мы с Елейном пошли первыми, потому что вдвоем сможем идти быстрее. В моей голове крутилась все та же обескураживающая мысль: «Я обязан стать ведущим восходителем. Наша группа должна идти первой».

Практически на каждой стадии нашего пути возмужания в нас что-то должно быть развенчано, а что-то исцелено. Развенчано должно быть наше ложное «я» — этот позер с его специфическим отношением к жизни, необходимым для того, чтобы обезопасить себя в большом мире. Исцелены, как правило, должны быть обусловившие и поддерживающие в нас чувство страха раны. Приглашение Джона было всего лишь моей попыткой избежать ответственности за руководство. Да, я хотел, чтобы мое внимание безраздельно досталось Блейну. Но более того — я не знал, смогу ли я быть главным в этом восхождении. Теперь придется быть к этому готовым. Развенчана была моя приверженность тому, чтобы устраивать свою жизнь так, как мне хочется, и я знал, что без Бога здесь не обошлось. У меня было то чувство неизбежности, которое появляется, когда вы понимаете, что Бог обратил к вам Свое лицо и приближается к вам. Я должен был избавиться от своего застарелого страха.

Переход в сторону Кит-Карсона начинается с предгорий — иззубренные сосны, можжевельник, кактусы и жара. Когда мы тронулись в путь, уже было градусов тридцать. Слава Богу, тропа, извиваясь по каньону, семь раз пересекает Спаниш-Крик, и вода приятно освежает вас, хотя и несколько рискованно пересекать поток с полными рюкзаками за спиной. Поднимаясь, проходишь через тополиную рощу, а потом попадаешь в вечнозеленый хвойный лес. Миль через семь мы выбрались из зарослей на простор с великолепным видом на долину, и там, на южной стороне Кит-Карсона, увидели Прау. Происхождение этого названия становится понятным в тот же момент, как только вы видите вершину горы: массивная скала выдается вперед, в долину, ее вертикальные склоны идут от передней точки назад к горе, словно борта от носа огромного судна⁴⁰. Даже с расстояния в несколько миль все это выглядит устрашающе.

«Ты сможешь», — твердил я себе, повторяя то, что сказал мне Бог по дороге в горы. Пока в машине все спали, я молился. «Ты уверен, что это правильный замысел? Я имею в виду, что здесь мы играем со смертью». «Ты сможешь», — сказал Отец. Это все, что Он мне сказал. Несколько минут я помедлил, ожидая продолжения. Это было все. «Ладно. Я смогу это сделать». Некоторое время мы ехали молча, а потом я подумал: «И кто здесь проходит инициацию?»

На тропе, ведущей к горным вершинам, лежали сотни поваленных деревьев, сколько-то лет назад убитых лесным пожаром и с корнем вырванных бурями. Еще два часа мы пробирались среди этих стволов, иногда по ним, а иногда и под ними. Труднейший переход. Прекрасно! Вспомним «Властелина колец», вспомним «Царство Небесное» — в какой великой истории бывает легко? Начался дождь, и мы поспешили к лагерю. Готовя ужин на нашем маленьком газовом примусе, мы еще раз обсудили наши планы на следующий день и отправились на боковую. В ту ночь я долго не спал, при свете налобного фонаря читая в палатке рассказы восходителей и в пятый раз просматривая схемы восхождений, как будто это могло отогнать мой страх.

На следующее утро, когда мы уже подошли к основанию Прау, над горными вершинами клубился туман. Туман красив, но не хорош для таких восхождений, как наше. Двое других альпинистов попросили пустить их на маршрут впереди нас, и поскольку мы возражать не стали, сами мы не могли начать восхождения почти до десяти часов утра. Погода портилась по всем направлениям, а нам было никак не успеть уйти с вершины к полудню. «Нам стоит помолиться», — сказал кто-то. И мы помолились, спрашивая Бога, идти нам дальше или не идти. Это лучший род ученичества — такие действия в реальном времени. Мы предложили своим сыновьям прислушиваться вместе с нами. «Я слышал — идти», — сказал Гэри. «Я тоже», — сказал Ник. Джон

⁴⁰ Prow (англ.) — нос корабля.

кивнул. «Я слышал: „Идите”», — сказал Блейн. Я слышал то же самое, так что это могло идти только от Дикого Гуся. При скверной погоде мы с опозданием вышли на незнакомый маршрут. Что может быть лучше этого?

Вы помните, что решающей для Воина является способность держать лицо, «как камень», вооружить свое сердце и ничего в него не впускать. Даже страх. О, если ты спокоен, не растерян...

Прау состоит из горной породы, называемой конгломератом. Это такая мешанина из больших и малых камней, сцементированных окаменевшей глиной. Прекрасные «зацепки» для рук и ног, но ужасно, что негде вбить страховочный шлямбур, потому что нет трещин. Я читал об опасных моментах на Прау, когда ведущему восходителю приходилось подниматься на сорок-шестьдесят футов от последнего страховочного крепления, чтобы найти трещину, в которую можно вбить маленький шлямбур (эту высоту надо умножать на два, ведь пролетаешь двойную длину веревки от последнего крепления, потому что сначала надо до него долететь, а потом лететь еще столько же, пока страховочный трос — надо надеяться — не остановит твое падение). Как сказано в одном путеводителе, «характер этого восхождение совершенно ясен: страховка и возвращение затруднены», то есть вам ничего не остается, кроме как карабкаться вверх, а поднимаясь, видеть, что места для применения поднятого наверх страховочного снаряжения весьма сомнительны. «Во всех направлениях открываются впечатляющие пропасти, и с каждым участком маршрута напряжение только возрастает».

Блейн с честью выдержал это испытание. Они с Ником сохраняли боевой дух, отважно шли на каждый новый участок и ни разу не поддались страху. Пока тянулся этот день, я видел молнии, бьющие над долиной Сан-Льюис, и мне оставалось только молиться, чтобы они не переместились в нашу сторону. Где-то на третьем участке маршрута мне стало сводить судорогой кисти рук — они непроизвольно сжимались в кулаки и дрожали. «Не поддавайся страху. Ты сможешь». Мне постоянно приходилось останавливаться и разгибать себе пальцы, чтобы продолжить восхождение туда, в туман, все время закрывавший наш маршрут и прячущий от меня Блейна. К счастью, для связи друг с другом у нас были рации. Вот именно были, пока я случайно не столкнулся со скальной полки.

Мы покорили вершину к шести часам вечера, ко времени, когда планировали уже несколько часов отдыхать в лагере и готовить ужин. Мы с Блейном сфотографировали друг друга, потом связались по рации с Джоном. «Чудесное восхождение, — сказал я. — Последняя пара участков тебе особенно понравится». «Примите наши поздравления, — донеслось по рации. — Мы придем к вам так быстро, как только сможем».

Покорение горной вершины — замечательное дело. Если вы решитесь рискнуть, это будет волнующе опасно, но и прекрасно. Да, по временам это будет казаться вам неосуществимым. Это казалось таким для любого из нас. Позже Блейн сказал мне, что как только он полез вслед за мной на первый участок маршрута, ему пришлось твердить себе: «Я делал это и раньше. Я делал это и раньше. Разница только в высоте». К счастью, альпинизм, как и жизнь, ставит перед нами задачи по одной. Невозможно сразу подняться на вершину, точно так же, как невозможно сразу выстроить свой брак. Делаешь следующий шаг в полной уверенности в том, что это единственное, что тебе остается. Много неопределяемо, как погода, потеря рации, сам по себе незнакомый маршрут. На Прау мы с Блейном много раз вынуждены были использовать прием, когда оба восходителя движутся одновременно, потому что верхний уже выбрал всю длину страховочного троса, но не нашел подходящего места для установки следующего страховочного крепления. Это ненадежно — как и жизнь, когда полностью ей отдаешься, а не пытаешься ею манипулировать.

Покорение вершины, как и жизнь, выводит нас за пределы наших физических и эмоциональных возможностей. А как бы мы иначе узнали, что в нас есть нечто незаурядное, что Бог — действительно наша сила и наша жизнь? И опять же не всегда все получается. На многих восхождениях я поворачивал назад из-за погоды или по соображениям безопасности. Мой лучший друг погиб в горах. Допустим ли мы, чтобы нас останавливали такие опасности? Когда у Николаса Уолтерсторфа во время восхождения погиб сын, он написал:

Но зачем он вообще пошел в горы? Что его так влекло к себе в горах? Подозреваю, что только те, кто сам покорял вершины, могут по-настоящему это понять... Как скучно было бы, если бы любой ложный шаг, соскользнувшая с зацепки рука означали бы не больше, чем падение с пяти футов на альпийский луг. Опасность важна для восторга достижения.

«Скорбь по сыну»

Это правда. И что-то в мужчине откликается на нее.

И, наконец, в какой-то точке вашего пути от вас потребуется встать во главе отряда, хотя вы и не будете чувствовать себя к этому готовым.

Моим любимым моментом нашего с Блейном восхождения на Прау стал тот, когда свесив ноги мы сидели бок о бок на скальной полке размером с парковую скамейку на высоте несколько сот футов от стартовой точки маршрута и выше тысячи — от дна ущелья. Мы подцепляли совсем короткую страховку, чтобы немного перекусить, и ощущали свое единение благодаря тому пути, который уже проделали, и тому, который нам еще предстоял.

Прежде чем мы расстанемся, я скажу пару слов о скорбной науке гор. Взгляни на ту вершину! Она так далеко, что само собой рождается восклицание: «Невозможно!» «Да нет, — говорит восходитель. — Путь долг, я знаю, он труден, и он может быть опасным. Но он возможен. Я уверен в этом. Я буду искать маршрут, посоветуюсь со своими собратьями-альпинистами и выясню, как они покоряли похожие вершины. <...> Мы знаем, что каждую вершину, каждый шаг мы должны завоевывать своим терпением и тяжким трудом и что хотение не может заменить усилия. <...> ...И мы возвращаемся к своим повседневным делам лучше подготовленными к жизненным битвам и к преодолению встречающихся на нашем пути препятствий. Нас поддерживают и радуют воспоминания о прошлых трудах и победах, одержанных в других областях.

Эдвард Уимпер, «Скалолазание в Альпах»

Признание и приглашение

Когда мы вернулись с гор, наши семьи собрались, чтобы послушать истории друг друга. Я рассказал, что во время этой поездки мы часто называли Блейна и Ника мальчиками, скажем: «Куда пошли мальчики?» или «Скажи мальчикам, чтобы собрали дров для костра». «Но теперь я не могу их так называть, после того, что они совершили. Теперь это молодые мужчины». Я повторил это и в другой вечер, когда мы собрались, чтобы отпраздновать четырнадцатилетие Блейна. Стейси приготовила его детские и юношеские фотографии. Блейн встал перед нами, чтобы рассказать нам эпическую историю из Евангелия. Стейси сказала несколько лестных и ободряющих слов в адрес Блейна, а потом напутствовала его, чтобы он вошел в сообщество мужчин. Один за другим мужчины, знавшие Блейна, бывшие рядом с ним, рассказывали о его жизни — это были слова подтверждения его мужественности, слова приглашения в свое сообщество. Мы вручили Блейну дробовик.

Мне удалось разыскать красивый и смертельно опасный кельтский меч, который отлично подходит Блейну. Кельтский воин. Мы в нашем сообществе мужчин тоже дарим друг другу мечи, ведь никто из нас не получал ничего подобного от своих отцов. И мы тоже говорим друг другу нужные слова. Это форма признания и приглашения. Слышать их так важно, а звучат они так редко! Но на вашем пути возмужания должны быть такие решающие моменты. Они могут приходиться к вам один за другим, а могут поодиночке, в безлюдных местах. Даже храбрейшим Воинам и доблестнейшим Царям нужно слышать в своей жизни слова признания, слова приглашения. И не один раз, а снова и снова. Не такое ли сердце у нашего Отца?

И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение.

Мф. 3:17

На этом Год Блейна формально завершился. Но неформальная инициация продолжается многими-многими способами, как многими способами продолжаются и наши поиски. Ведь наша жизнь — действительно поиски, братья мои, подготовленные нашим Отцом для нашей инициации. И на этом пути мы встречаем дары, напоминающие нам, что мы — Возлюбленные сыновья. Приключения для воспитания Ковбоя. Битвы для подготовки Воина. Красота для пробуждения сердца Любящего. Власть, используемая ради блага людей, чтобы состоялся Царь. События, приносящие драгоценный жизненный опыт, на основе которого будет говорить Мудрец. Путь возмужания, по которому тысячелетиями до нас шли мужчины. А теперь, братья мои, этот путь зовет и вас. Помните вот что:

Не оставлю вас сиротами; приду к вам. <...> ...И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

Ин. 14:18, 23

Так как мы сыны Бога, мы должны *стать* сынами Бога.

Джордж Макдональд

Эпилог

КУДА Я НАПРАВЛЯЮСЬ ДАЛЬШЕ?

Когда Божий народ стоял на краю земли обетованной, приготовившись двинуться вперед, Моисей произнес предостережение: «Только берегись и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей...» (Втор. 4:9). Многоопытный старый Мудрец хорошо знал человеческую натуру, знал, насколько забывчивы люди, каким несчастьем для них было бы забыть все, чему научил их Бог. Это предостережение актуально и для нас. Не позволяйте себе впадать в забывчивость.

Так много всего оказывается против человека, готовящегося к необходимой перемене в своей жизни и цепляющегося за перемену, когда она происходит. Мы живем в мире, где идет война, но значительная часть военных действий так неприметна, что зачастую мы осознаем опасность лишь спустя долгое время после того, как стали ее жертвой. Наша насквозь коммерческая культура, различные отвлекающие моменты, свойство церквей переходить от одной причуды к другой — все это объединяется, чтобы отобрать у человека то, что ему необходимо удержать. Поэтому я призываю мужчин: *держитесь за свой опыт*. Пройти путь возмужания — главная миссия вашей жизни.

Позвольте мне дать вам совет, касающийся вашего дальнейшего движения по пути возмужания. Когда мой редактор Брайан поработал с этой книгой, он, как он сам мне об этом сказал, обнаружил, что ее необходимо читать во второй раз, чтобы начать действительно понимать то, что в ней написано. Поэтому лучшее, что вы можете сделать в данный момент, — *прочитать эту книгу сначала*. Невозможно быстро получить все, что приготовлено для вас Богом, — путь слишком длинен, наши потребности в инициации слишком велики, чтобы все сразу воспринять в полном объеме. Будет очень хорошо, если вы соберете несколько друзей и внимательно прочитаете эту книгу в своем братстве.

А что дальше? Если вы еще не читали «Необузданное сердце», то это было бы очень хорошим следующим шагом. Если вы обратитесь к этому источнику, сполна окупится затраченное вами

время. И вот еще что: читая эту книгу, вы, несомненно, обратили внимание на то, сколь многое на пути возмужания зависит от вашей способности идти по нему в такой близости к Богу, которая редко встречается у обычного человека. Редко не потому, что у него для этого нет возможностей, а просто потому, что очень мало кто к этому стремится или, может быть, очень мало кто знает, как этого достичь. Разрешите порекомендовать вам аудиокассету, которую мы выпускаем у себя в «Ransomed Heart». Она называется «Developing a Conversational Intimacy with God». Вы найдете ее описание и другие предназначенные для помощи мужчине в его инициации материалы на сайте www.ransomedheart.com — наряду с видеофильмами, книгами, аудиокассетами, а также информацией о наших мероприятиях для мужчин. Кроме того, на нашем сайте есть форум, позволяющий мужчинам (и женщинам) устанавливать контакты, чтобы найти союзников на том опасном пути, по которому все мы идем. Нам не предназначено идти по нему в одиночестве.

И, наконец, остерегайтесь коммерческой культуры с ее нескончаемым стремлением «получить больше». В христианском мире в настоящее время существует множество движений, и не все они одинаковы. Оставайтесь на пути, который вы начали. Не дайте этому лучшему в вас уйти. Разумеется, вы уже знаете, что моим первейшим советом всегда будет: «Спросите Бога». Он знает, что вам потребуется в дальнейшем. Спросите Его, что Он приготовил для вас, — какие друзья, какие приключения, какие сражения, какая помощь вас ждут. Будьте целеустремленными, «ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8:14).

Джон Элдридж — писатель, психолог, специалист по проблемам семьи и брака, лектор. Более двадцати лет преподавал в Focus on the Family Institute. В настоящее время возглавляет организацию Ransomed Heart Ministries, помогающую людям, которые стремятся понять, чего жаждет их сердце.

Мы Живем в эпоху, когда большинство мужчин (и мальчишек), по сути, не имеют отцов. Это означает, что у них нет человека, который провел бы их через множество испытаний, приключений и битв, необходимых для того, чтобы возмужали их сердца. Они вынуждены сами строить свою Жизнь, и им от этого очень одиноко. Их страхи, злоба, тоска, многие пороки порождены ощущением своей оставленности, беззащитности, неуверенности в себе.

Но из этой ситуации есть выход. «Нам не нужно выстраивать свою Жизнь своими силами, — говорит автор. — Бог хочет быть нашим Отцом». В этой книге Джон Элдридж рассказывает, как Бог приходит к мужчине и ведет его по пути возмужания; показывает, как обстоятельства его Жизни могут складываться так, чтобы осуществилась его инициация, которую он так и не прошел; а также объясняет, как родители могут помочь своим сыновьям стать настоящими мужчинами.